

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 14

№ 1

2022

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2022. Т. 14. № 1

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2022

© Коллектив авторов, 2022

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Kalmyk Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences, 2022

© Collective of authors, 2022

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимая**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности
РГГУ, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа
экономики», Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Редактор (рус. яз.): Р. Г. Саряева
Переводчик: С. В. Джагрунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Hungary, Budapest);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Britain, Cambridge);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
- V. V. Kukanova**, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics of the RAS (Russia, Moscow);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editor (Russ.): R. G. Saryaeva
Translator: S. V. Dzhagrunov
Design and page layout: D. V. Tatninov
Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Тепкеев В. Т.</i>	
Встреча императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г.: мифы и реальность	8
<i>Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.</i>	
Первый уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенек: историография вопроса	20
<i>Бадугинова М. В.</i>	
Первая семилетка. Калмыцкое здравоохранение в 1959–1965 гг.	37
<i>Кузнецов С. И., Мищенкова М. С.</i>	
Монголия в историографическом наследии профессора И. И. Кузнецова	49
<i>Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г.</i>	
Сотрудничество России и Монголии в научно-гуманитарной сфере: основные вехи (к столетию установления дипломатических отношений)	65

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Сибиряков М. Н., Ефремов А. Н.</i>	
О даурах в Якутии XVII в.	83
<i>Махачкеева Г. В.</i>	
О традициях народной медицины аларских бурят	95
<i>Жамбалова С. Г.</i>	
Домашний як и его гибрид в номадном стаде монголов и бурят	111

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.</i>	
К вопросу о монгольском делопроизводстве в Иране XIII–XIV вв. (на примере ярлыка о назначении бахши из «Дастур ал-катиб»)	130
<i>Базаров А. А., Лощенков А. В.</i>	
Коллекция тибетских текстов православного миссионера К. К. Стукова (1809–1883) из фондов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН	156
<i>Курапов А. А.</i>	
Цаца Кёгшн Багш на урочище Чапчачи Икицохуровского улуса Калмыцкой степи в региональной межведомственной переписке начала XX в.	170
<i>Максимов К. Н., Тогаева Р. Б.</i>	
Источниковая база истории Калмыкии: проблемы и пути их решения	182

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Манджиева Б. Б.</i>	
Сюжетосложение песен «Джангара» из эпического репертуара джангарчи Телтя Лиджиева	197
<i>Дампилова Л. С.</i>	
Маркеры этничности в песнях бурят о Чингис-хане	212

CONTENT

HISTORY

<i>Tepkeev V. T.</i>	
The 1722 Meeting of Emperor Peter the Great and Kalmyk Khan Ayuka on the Volga: Myths and Reality	8
<i>Kuras L. V., Tsybenov B. D.</i>	
O. I. Makstenek — The First Representative of RSFSR People’s Foreign Affairs Commissariat to Mongolia: A Historiography of the Question	20
<i>Baduginova M. V.</i>	
The First Seven Years: Kalmykia’s Public Healthcare in 1959–1965	37
<i>Kuznetsov S. I., Mishchenkova M. S.</i>	
Mongolia in Historiographic Heritage of Professor Ilya I. Kuznetsov	49
<i>Aktamov I. G., Grigorieva Yu. G.</i>	
Milestones of Russia–Mongolia Scientific and Humanitarian Cooperation Revisited: Celebrating the Centenary of Diplomatic Relations	65

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

<i>Sibiryakov M. N., Efremov A. N.</i>	
Dairs in 17 th -Century Yakutia Revisited	83
<i>Makhachkeeva G. V.</i>	
Folk Medicine Traditions of Alar Buryats Revisited	95
<i>Zhambalova S. G.</i>	
Domestic Yak and Its Hybrid in Nomadic Herds of Mongols and Buryats	111

SOURCE STUDIES

<i>Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu.</i>	
Mongolian Records Management in 13 th –14 th Century Iran Revisited: Analyzing One Yarliq Appointing a Bakhshi from <i>Dastur al-Katib</i>	130
<i>Bazarov A. A., Loshchenkov A. V.</i>	
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS): The Konstantin K. Stukov Tibetan Manuscript Collection Revisited	156
<i>Kurapov A. A.</i>	
Ven. Kögshn Bagshi Memorial Facility (<i>Tsatsa</i>) in the Locality of Chapchachi (Iki Tsokhor Ulus, Kalmyk Steppe): A Review of Early 20 th Century Regional Interagency Correspondence	170
<i>Maksimov K. N., Togaeva R. B.</i>	
Sources in the History of Kalmykia: Problems and Solution Approaches.	182

FOLKLORE STUDIES

<i>Mandzhieva B. B.</i>	
Epic Repertoire of Jangarchi Telya Lidzhiev: Plot Structures Reviewed	197
<i>Dampilova L. S.</i>	
Buryat Songs about Genghis Khan: Tracing Ethnicity Markers	212

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19

Встреча императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г.: мифы и реальность

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tv75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Тепкеев В. Т., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одной из малоизвестных, но ярких страниц в истории Калмыцкого ханства — встрече российского императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г. Тема эта сегодня не только актуальна, но и весьма интересна, если учесть, что источников личного характера, которые в той или иной мере затрагивали это событие в письменных воспоминаниях, не так много, и они часто противоречат друг другу. *Цель статьи* — обретение ясности в вопросе исторической встречи Петра I и калмыцкого хана на основе малоизвестных источников личного характера. Источниковой базой послужили материалы непосредственных участников и очевидцев встречи Петра I и калмыцкого хана Аюки: «Походный журнал 1722 г.» Петра I, путевые записи шотландского врача на русской службе Дж. Белла, переводчика с калмыцкого языка В. М. Бакунина и записи гидрографа и навигатора Ф. И. Соймонова. *Результаты.* Изучив источники личного характера XVIII–XIX вв., можно сказать, что они часто противоречат друг другу, а свидетельства очевидцев встречи Петра I и хана Аюки требуют более тщательного исследования. Источники личного характера XVIII–XIX вв. не дают нам ответы на многие вопросы, а зачастую порождают новые и создают сложности в правильной реконструкции исторической встречи в 1722 г. Источниковая база весьма обширна и требует более тщательного исследования. В первую очередь это касается архивных документов, которые могут значительно дополнить сведения об этом событии и поставить окончательную точку в расхождении различных фактов в этом вопросе.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, калмыки, Петр I, Аюка, Саратов, русско-калмыцкие отношения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Встреча императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г.: мифы и реальность // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 8–19. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19

The 1722 Meeting of Emperor Peter the Great and Kalmyk Khan Ayuka on the Volga: Myths and Reality

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-4140-8358. E-mail: tv75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Tepkeev V. T., 2022

Abstract. *Introduction.* The article deals with an understudied — though essential — episode in the history of the Kalmyk Khanate — the 1722 meeting of Peter I of Russia and Khan Ayuka of Kalmyks on the banks of the Volga. The issue proves not only topical but is also as interesting since personal written memoirs to have somewhat covered the event are scarce enough, even the latter often being controversial. *Goals.* The article analyzes little known private materials to attempt a clarifying insight into the actual historical circumstances of the meeting. The former are accounts of those to have attended and witnessed the event, such as the Operations Record Book of the 1722 Campaign by Peter the Great, travel notes of J. Bell (a Scotch physician in the Russian imperial service), Kalmyk-to-Russian translator V. Bakunin, and reports by hydrographer and navigator F. Soimonov. *Results.* The examination of the mentioned private 18th–19th century sources shows those often contradict each other, and eyewitness accounts need further detailed investigation. Unfortunately, such private sources dated to the 18th and 19th centuries provide no clear answers to multiple questions but rather tend to give rise to new ones and complicate any historical reconstruction of the 1722 meeting. However, the source base is extensive enough and requires meticulous analysis. Most significantly, those are archival documents that may contain additional details and put an end to arguments over the revealed controversial facts.

Keywords: Kalmyk Khanate, Kalmyks, Peter the Great, Khan Ayuka, Saratov, Russian-Kalmyk relations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Tepkeev V. T. The 1722 Meeting of Emperor Peter the Great and Kalmyk Khan Ayuka on the Volga: Myths and Reality. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 8–19. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19

Введение

Эпоха правления калмыцкого хана Аюки (1672–1724 гг.) полна яркими и важными политическими событиями, к которым можно отнести и его встречу на Волге с российским императором Петром Алексеевичем в 1722 г. В 2022 г. будет отмечаться ровно 300 лет этому историческому событию. Тема эта сегодня не только актуальна, но и весьма интересна, если учесть, что источников личного характера, которые в той или иной мере затрагивали это событие в своих письменных воспоминаниях, не так много, и они часто противоречат друг другу. Поэтому цель данной статьи — это обретение ясности в вопросе исторической встречи Петра I и калмыцкого хана Аюки на основе источников личного характера.

В историографии эта тема не нашла должного исследования, однако можно отметить работу Н. Н. Пальмова, который посвятил целый параграф вопросу участия калмыков в Дербентском походе [Пальмов 1929: 94–114].

Несмотря на актуальность, в современной историографии эта тема, к сожалению, также недостаточно изучена. Большинство исследователей лишь повторило в своих работах известные данные Дж. Белла, В. М. Бакунина и использовало источники историко-литературного характера без критического их анализа [Шовунов 1992; Батмаев 1993; Митиров 2002; Цюрюмов 2005; Тепкеев 2018].

Встреча российского императора и хана Аюки произошла дважды: в Саратове и Черном Яре, во время Дербентского похода, который проходил в рамках Персидской (Каспийской) военной кампании русской армии под командованием Петра I в 1722 г. В Персидской кампании российское командование нуждалось в достаточном количестве мобильной конницы, которая могла бы успешно действовать против неприятеля в степном Предкавказье. Именно решение вопроса участия калмыков в этой кампании для Петра I было необходимым перед личной встречей с ханом Аюкой.

Материалы и методы

Первыми источниками, затрагивавшими тему встречи Петра I и хана Аюки в 1722 г., были сочинения В. М. Бакунина [Бакунин 1995], Дж. Белла [Bell 1763; Белль 1896] и Ф. И. Соймонова [Соймонов 1763].

Ключевым источником для данной работы послужил «Походный журнал 1722 года», который был составлен в середине XIX в. на основе дневниковых записей Петра I [Походный 1855]. Оригинал этого источника хранится в Российском государственном историческом архиве. Большинству исследователей хорошо знакомы и путевые заметки шотландского врача на русской службе Джона Белла, причем в данной работе использовался этот источник как в оригинале [Bell 1763], так и в переводе на русский язык [Белль 1896].

Сопоставление этой работы с другими источниками того времени дало существенный материал для серьезного корректирования тех данных, которые ранее безоговорочно использовались многими калмыцкими историками в освещении этой темы. Данная тема в дальнейшем требует более тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных, особенно материалов «Калмыцких дел», хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи. Достоверность представленных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками личного характера, содержащими похожую информацию.

К вопросу о датировке

Один из первых вопросов, в который нужно внести ясность, остается определение точной даты первой встречи Петра I с ханом Аюкой под Саратовом. В. М. Бакунин, современник тех событий, к сожалению, не был непосредственным очевидцем данной встречи, и поэтому он лишь пространно сообщает, что она прошла в «летнее время» [Бакунин 1995: 35].

К. П. Шовунов в своей работе указывает датой встречи 13 мая [Шовунов 1992: 24]. В «Походном журнале» вполне четко говорится, что военная флотилия российского императора прибыла по Волге в Саратов рано утром 13 июня, и в этот же день состоялась историческая встреча, после которой Петр вечером отбыл далее [Походный 1855: 42–45].

Принципиально другая дата отражена в другом источнике — путевых записках Джона Белла, очевидца, который указывает, что российский император в Саратов прибыл 20 июня, а встреча его с ханом Аюкой произошла только на следующий день, т. е. 21 июня [Bell 1763: 331; Белль 1896: 230]. Как мы увидим далее, в этих двух источниках фактические расхождения продолжатся, но мы все-таки склоняемся к датировке более достоверного, на наш взгляд, источника — «Походного журнала». Историческая встреча Петра I и хана Аюки произошла 13-го июня, а по новому стилю — 24 июня.

Встреча под Саратовом

Согласно «Походному журналу», Петр I с утра посетил саратовского обер-коменданта Василия Пахомовича Беклемишева, а затем до обеда пребывал в местной соборной церкви. Когда царь пребывал у воеводы, его посетил приехавший в Саратов посланник хана Аюки — Асан Шалеев. Он передал ханское письмо, в котором Аюка поздравил императора и выразил желание с ним лично встретиться. Ставка хана находилась на левом берегу, в десяти верстах от Волги, где он располагался с небольшим количеством калмыков [Походный 1855: 42].

Присутствие хана Аюки на левом берегу Волги, в окрестностях Саратова, в это время года было неслучайным. Практически ежегодно калмыцкие улусы со скотом и лошадьми поднимались из Нижнего в Среднее Поволжье, где у них располагались летние пастбища. Осенью, ближе к зиме, калмыки уходили на зимние пастбища, расположенные между Царицыном и Астраханью, или еще южнее — в район Мочагов и степного Предкавказья. Кроме того, у Аюки были очень доверительные отношения с предыдущим саратовским комендантом — Дмитрием Ефремовичем Бахметьевым, который незадолго до этого был арестован за коррупцию и контрабанду. Во время летней кочевки на левом берегу, напротив Саратова, располагался калмыцкий базар, где саратовцы и калмыки вели взаимовыгодный обмен и торговлю.

Петр I обедал на своей галере, и в это время, в первом часу пополудни, к нему с визитом прибыли ханский сын Церен-Дондук и внук, один из сыновей покойного Чакдорджаба (возможно, Досанг). Приняв от них поздравления, государь отправил их к Аюке, чтобы тот прибыл к нему для встречи. С этой целью император приказал отправить на левый берег для переправки хана свою личную полубаржу, накрытую красным сукном, а для его сопровождающих несколько шлюпок и вереек (лодок) [Походный 1855: 42–43].

В третьем часу пополудни хан Аюка в сопровождении сына Церен-Дондука, внука и десяти сопровождающих прибыл на галерею Петра I. При встрече произошла довольно любопытная сцена между двумя правителями, знавшими друг друга всю жизнь только заочно: «Его Величество помянутого Хана изволил принять изрядно и поцеловал его в голову, а Хан поцеловал руку Его

Величества». Прибывшая калмыцкая делегация также была представлена и присутствовавшей здесь же императрице Екатерине Алексеевне [Походный 1855: 43].

Петр I посадил на стул напротив себя престарелого хана Аюку и вел с ним долгий разговор, содержание которого в «Походном журнале», к сожалению, не отражено. Известно только, что «между прочими разговорами он, Хан, подвергал себя вечно пребывать в протекции Его Величества и в постоянной вечной службе, и представлял свидетеля тому Ея Величества Государыню Императрицу» [Походный 1855: 43].

Со своей стороны император «свидетельствовал ему, Хану, Свою к нему милость, ежели он всегда в постоянной услуге пребудет, и потчивал его, а также сына его, и внука и служителей, разными питьями довольно» [Походный 1855: 43].

В. М. Бакунин утверждает, что Аюка просил императора не оставить после смерти его семью, а также утвердить преемником на ханский престол сына Церен-Дондука [Бакунин 1995: 35].

Дж. Белл, прямой очевидец, дает более развернутое представление об облике Аюки и некоторых подробностях его разговора с императором. Калмыцкого хана он характеризует в целом весьма положительно: «Аюка-хан — старик лет семидесяти, но все еще крепок и веселого нрава. Он обладает большой мудростью и благоразумным поведением, пользуется большим уважением у всех своих соседей за свою честность и прямолинейность. И я помню, что, когда я был в Пекине, китайский император отзывался о нем с похвалой. По своему многолетнему опыту он очень хорошо знаком с делами на Востоке» [Bell 1763: 332; Белль 1896: 231].

Далее Дж. Белл сообщает, что император якобы намекнул хану Аюке («The Emperor intimated to the Ayuka-chan») о целесообразности того, чтобы его в Персидском походе сопровождала 10-тысячная калмыцкая конница. Правитель калмыков («King of the Kalmucks») ответил, что они всегда находятся на службе у императора, но он думает, что половины этого числа будет более чем достаточно для выполнения всех его задач. Хан немедленно приказал 5-тысячной коннице срочно выдвигаться из улусов, чтобы соединиться с императорской русской армией у Терков. Скоротечность переговоров и ее положительный результат весьма впечатлили шотландского врача на русской службе, и в своих воспоминаниях он оставил следующую запись: «Стоит отметить, что этот договор между двумя могущественными монархами был начат, продолжен и заключен в меньший срок, чем это обычно бывает, когда уполномоченные наших западноевропейских монархов устраивают обед» [Bell 1763: 333; Белль 1896: 231].

Описание шотландским врачом встречи вызывает вопросы в отношении статуса калмыцкого хана в имперской иерархии. По мнению Д. А. Сусевой, Дж. Белл считал, что «именно император с первых мгновений встречи, в нарушение правил придворного этикета „царь и его подчиненный“, демонстративно показал окружающим, что он встречает хана как почетного гостя, а сам себе отвел роль радушного хозяина» [Сусева 2003: 229].

По мнению Н. Н. Пальмова, Аюка, снизив вдвое численность предоставляемой калмыцкой конницы, вероятно, подразумевал их высокие боевые качества [Пальмов 1929: 95]. Но могла быть и другая причина отказа Аюки, вызванная как падежом лошадей в зимнее время, так и намечавшейся военной угрозой со стороны восточных кочевых народов. Безопасность калмыцких кочевий оставалась всегда актуальной, особенно в военный период [Тепкеев 2018: 17].

Встреча на императорской галере длилась примерно два часа. Государь пожаловал хану за взятие неприятельских городов 12 золотых медалей, «тисненых персоною Петра I», каждая из них стоимостью в 20 червонных, таких же медалей удостоились ханские сын и внук [Походный 1855: 43]. По всей видимости, этими наградами император удостоил хана Аюку за его верную службу в ходе длительной и успешно завершившейся Северной войны, а также за участие калмыцкой конницы в двух русско-турецких войнах.

В шестом часу пополудни Петр I решил прокатить по Волге Аюку и всех его сопровождавших на своем буере. Император лично управлял судном, и калмыки были очень сильно удивлены тем, что оно могло идти против ветра. Когда ветер затих, Петр пересадил калмыцкую делегацию на свою полубаржу, и они отправились в ставку хана Аюки, расположенную на левом берегу. Императора сопровождали только 10 придворных служителей и знатных лиц, а также в охранении была рота гренадер и солдат [Походный 1855: 43–44].

Ханская кибитка была устлана коврами, а ханское место выглядело в виде постели на земле, накрытое зеленым бархатом. Петр I сел на ханское место, а Аюку он посадил возле себя по левую руку. Согласно сведениям из «Походного журнала», в разговоре хан Аюка «тож представлял, что и на судне у Его Величества будучи, и Его Величество ответственвал ему тож» [Походный 1855: 44].

Так в разговорах прошли три часа, после чего Петр приказал всем удалиться из кибитки, оставшись наедине с Аюкой, и через переводчика вел с ним секретные переговоры. Вокруг кибитки все это время стояли в охранении вооруженные солдаты [Походный 1855: 44].

После встречи император простился с ханом и отправился к своей полубарже. Аюка извинился перед Петром, что не сможет лично проводить его до берега, «ибо зело стар и от роду ему 75 лет». Сопровождать императора и его окружение до берега отправились сын и внук Аюки. Вернувшись на свою галеру, Петр тотчас отправился в дальнейший путь по Волге [Походный 1855: 44–45].

Весьма любопытное воспоминание оставил другой очевидец — капитан-лейтенант Федор Иванович Соймонов, участвовавший в Персидской кампании Петра I в качестве навигатора и гидрографа. Согласно ему, после встречи с императором под Саратовом хан Аюка был очень доволен этим обстоятельством, и он сказал следующее: «Теперь охотно умру, удостоившись у Великаго Императора столь любезнаго его разговору». Правда, Ф. И. Соймонов посчитал, что на тот момент хану было уже 83 года [Соймонов 1763: 57–58].

Встреча у Черного Яра

Согласно «Походному журналу», после возвращения из Дербентского похода Петр Алексеевич 12(23) ноября рано утром остановился в Черном Яру и на полдня здесь задержался. В это время хан Аюка кочевал возле этой крепости, и он не мог не воспользоваться возможностью новой встречи с императором. На этот раз он прибыл на галеру императора вместе со всем своим семейством [Походный 1855: 68–69].

В. М. Бакунин подтверждает тот факт, что Аюка прибыл на императорскую галеру со всей своей семьей и более подробно пишет о второй встрече, правда, без указания на дату. Согласно ему, Аюка прибыл на галеру к императору уже в сопровождении супруги Дарма-Балы и двух сыновей — Церен-Дондука и Галдан-Данджина. Как и в первый раз, Аюка снова напомнил императору о своем преклонном возрасте и шатком здоровье, попросив, чтобы после его смерти жену и детей содержали в «императорской милости», а Церен-Дондука назначили его преемником. Просьба хана была услышана императором: «И по тому его прошению он, Аюка, и с фамилиею его высочайшею милостию Их Императорского Величества обнадежен» [Бакунин 1995: 35].

Однако Аюка был не в курсе того, что российское правительство по этому вопросу имело другое мнение. В августе этого же года тайный советник П. А. Толстой по поручению императора провел в Астрахани секретные переговоры с влиятельным калмыцким владельцем Дорджи Назаровым, приходившимся хану двоюродным племянником, в результате чего он взял с него «реверс», т. е. обязательство того, что после смерти Аюки его назначат ханом. В благодарность он обязуется быть подконтрольным и предоставит в заложники своего сына [Батмаев 1993: 195].

В 1724 г., после смерти хана Аюки, Дорджи Назаров самоустранился от власти и наместником ханства все-таки был назначен Церен-Дондук, как и хотел этого его отец.

Дж. Белл ничего не сообщает о второй встрече императора и хана у Черного Яра, но очевидно, что в своих воспоминаниях он смешал события двух встреч в одну, которая произошла у Саратова. Можно предположить, что приезд всего семейства хана Аюки, в том числе и ханши Дарма-Балы с дочерью, к императорской галере произошла все-таки не у Саратова, как он упоминает, а именно в Черном Яру. Составители Астраханского сборника, опубликовавшие в 1896 г. извлечение из описания путешествия шотландского врача, в примечании к тексту также отмечали расхождение его сведений и датировки с данными Ф. И. Соймонова [Белль 1896: 230].

Однако Дж. Белл был непосредственным очевидцем встречи Петра I и хана Аюки, и его сведения представляют, действительно, огромный интерес. Вместе с тем вполне вероятно, что он события двух встреч для удобства повествования соединил в одно действие. Таким образом, сопоставив различные источники того времени, получается, что приезд к императорской галере, хана, ханши, ханских двух сыновей и дочери относятся не к июньской встрече в Саратове, а к событию под Черным Яром, состоявшемуся в ноябре 1722 г.

В осеннее время калмыцкие улусы со скотом переходили на зимние пастбища, поэтому неудивительно, что Аюка в ноябре кочевал уже под Черным Яром. В описании Дж. Белла упоминается, что калмыцкий хан прибыл к импе-

раторской галере верхом на лошади в сопровождении двух сыновей и пятидесяти сопровождающих лиц из числа калмыцкой знати. Галера стояла у самого берега, а с ее борта на землю был спущен деревянный настил для удобного подъема гостей.

За 18–19 метров от берега Аюка сошел с лошади, где был встречен тайным советником П. Толстым и гвардейским офицером. Петр I на правах радушного хозяина встретил гостя на берегу и лично поприветствовал хана. Император повел Аюку на свою галеру, где представил его императрице, сидевшей на верхнем помосте под балдахином [Bell 1763: 331–332; Белль 1896: 230].

Здесь стоит отметить, что это описание у Дж. Белла посвящено встрече под Саратовом, но оно не совсем соответствует сведениям из «Походного журнала». Известно, чтобы встретиться с императором, Аюке пришлось переплыть Волгу с левого на правый берег, и он никак не мог подъехать к галере на лошади с двумя сыновьями и большим количеством сопровождающих. Это описание больше подходит именно ко второй встрече, которая состоялась под Черным Яром. И следующий приезд к императорской галере женской половины ханского семейства это только подтверждает.

Согласно Дж. Беллу, ханша Дарма-Бала с дочерью прибыли к галере в закрытой коляске спустя время после приезда Аюки с сыновьями. Их также сопровождали всадники и две молодые девушки. Дарма-Бале на вид было около пятидесяти лет, и, по словам шотландского врача, она имела благопристойный и жизнерадостный вид. По меркам калмыков ханская дочь считалась абсолютной красавицей, с черно-струйными волосами, заплетенными сзади и лежавшими по плечам. Калмыцкие знатные женщины были в длинных платьях из дорогой персидской ткани, а на головах были маленькие круглые шапочки, отороченные дорогим мехом, как это было модно в стране [Bell 1763: 332–333; Белль 1896: 231].

Петр I с императрицей были очень довольны своими гостями и на прощание одарили их дорогими подарками. Например, Екатерина Алексеевна подарила Дарма-Бале золотые часы, инкрустированные бриллиантами, которые ей очень понравились, а также несколько кусков парчи и другие дорогие подарки [Bell 1763: 333; Белль 1896: 231].

Миф или реальность

В работах ряда калмыцких исследователей встречаются довольно любопытные сведения о приезде Петра I в ханскую ставку во время еще их саратовской встречи. Например, М. М. Батмаев в своей книге приводит следующий фрагмент: «В ответ Петр I посетил ставку хана, где пробовал чай с верблюжьим молоком и похвалил необычный для него напиток. Приняв от императора дорогую саблю, Аюка велел находившейся неподалеку группе калмыков стать в кружок и пустить вверх стрелы, которые, упав на землю, также образовали круг. Указывая на саблю и на стрелы, Аюка сказал: „Эта сабля и эти стрелы всегда будут готовы на поражение врагов России“» [Батмаев 1993: 194].

Весь этот текст, кроме самого факта ответного визита императора в ханскую ставку, не подтверждается каким-либо другим источником, а автор, к сожалению, в своей работе не приводит ссылку на первоисточник.

Выяснилось, что данный фрагмент был взят из историко-литературного памятника «Достоверные повествования и речи Петра Великого» придворного токаря Петра I Андрея Константиновича Нартова (1693–1756), который частично впервые был опубликован в 1819 г. в журнале «Сын Отечества». В нашем случае мы используем третье издание рукописи А. А. Нартова, опубликованное в 1891 г. академиком Л. Н. Майковым. Он очень точно озаглавил этот историко-литературный памятник — «Рассказы Нартова о Петре Великом». Для полноты картины будет уместно в статье привести полностью текст «рассказа» А. А. Нартова под номером 98, опубликованный в работе Л. Н. Майкова.

В 1722 году, в июне месяце, император Петр Великий, собираясь из Астрахани в поход к Дербенту, давал аудиенцию прибывшему из заволжских кочевых улусов для учинения всеподданнейшаго поклона хану Калмыцкому, под покровительством России находившемуся, который просил государя и супругу его императрицу Екатерину Алексеевну, чтоб они благоволили осчастливить посещением своим за Волгою, верстах в пятнадцати, его ханское жилище, где он с двадцатью тысячами кибитками подданных своих Калмык кочевал. Его величество, приняв милостиво ханское прошение, на другой день из Астрахани туда отправился, в препровождении Астраханскаго губернатора, прочаго генералитета, несколько эскадронов драгун и казаков, верхами к хану, а императрица ехала в открытой коляске, везомой шестью персидскими конями. Калмыцкий хан с князьями и чиновниками встретил их величеств версты с трии, потом поскакав наперед к кочевью, у разставленного на возвышенном месте великолепнаго персидскаго шатра, с женою, детьми и прочими знатными Калмыками, при собрании калмыцкаго войска, по степи насеяннаго, сих драгоценных и высоких гостей с пушечною пальбою принял. По обычаю своему угощал хан разными яствами и плодами на серебряных лотках, а чихир подносил сам хан и ханка в золотых кубках. Во время обеда император разговаривал с ним о персидских возмущениях, а как речь дошла и до европейских военных дел, то хан рассказывал государю обращения европейских дворов столь обстоятельно, как будто имел с ними сношения. Петр Великий, подивясь такому сведению, спрашивал: чрез кого он сие ведает? «Чрез сего Калмыка», отвечал хан, — «котораго видите позади меня стоящаго. Я посылал его учиться языкам; он был в Вене, в Париже и в Лондоне; чрез Москву получает он печатные ведомости, переводит на калмыцкий язык и читает мне оныя». Его величество похвалил такое любопытство.

После обеда представил хан императору войско свое на конях, которое покрывало все поле на пространство, едва-едва глазом объять могущее. Калмыки по обряду своему делали копьями экзерсии и из луков кидали стрелы столь проворно и метко, что его величество немало сим забавлялся и сам с ханом стрелял из лука. Потом пожаловал хану саблю, украшенную алмазами, которую хан поцеловал и, обнажив, велел Калмыкам составить круг. По возгласу его, одним разом из луков вылетала тьма стрел, в верх воздуха пущенных, и Калмыки с ужасным криком императора поздравляли, при чем хан, поклонясь его величеству, говорил: «Сия сабля и пущенные стрелы всегда со мной готовы против неприятеля; вели только, и поражу».

Петр Великий, доволен будучи усердием ханским, велел Астраханскому губернатору подать привезенный штандарт, на котором на одной стороне изображен был российский герб, а на другой — вензелевое знамя его величества, и, в виду всего калмыцкаго войска хану вручив, сказал: «Сие знамя хану

и войску его жалую за усердие, в знак покровительства». Потом подарил ему перо страусово в шапку, бархатом малиновым покрытую соболью шубу и парчевой кафтан, чиновным людям — по суконному красному кафтану, а войску его велел чрез губернатора раздать двадцать тысяч рублей. Императрица же пожаловала ханше пояс парчевой с изумрудною пряжкой, кисть жемчужную на шапку да несколько кусков парчи и шелковых материй [Майков 1891: 66–68].

Проанализировав это историко-литературное произведение, Л. Н. Майков пришел к выводу, что не менее 35 из 162 «рассказов о Петре Великом» могут иметь отношение к воспоминаниям А. К. Нартова. Большинство «рассказов» позаимствованы из устных преданий того времени или печатных изданий 1725–1772 гг. [Майков 1891: VI–VII].

В 2001 г. была опубликована архивная черновая рукопись «Рассказов Нартова о Петре Великом» [Нартов 2001], которая подтвердила версию Л. Н. Майкова об авторстве источника сына царского токаря — А. А. Нартова. Датировка рукописи была отнесена к первой половине 1786 г., т. е. спустя 30 лет после кончины Нартова-старшего и через 61 год после смерти российского императора, а ее сочинитель даже исправлял речи Петра I.

Сравнив три редакции рукописи А. А. Нартова, П. А. Кротов пришел к выводу, что в данном сочинении «заметна эволюция от жанра исторического анекдота к небольшим повествовательным рассказам» [Кротов 2014: 164–166].

Долгие годы историки и другие исследователи безоговорочно цитировали «Рассказы Нартова» как исторический источник. Сегодня историко-литературное произведение А. А. Нартова исследователи используют достаточно избирательно, и не все из них включают в свои труды, цитируя тот или иной исторический анекдот [Кротов 2014: 166].

В нашем случае также стоит с осторожностью цитировать это историко-художественное произведение при изучении или освещении темы встречи Петра I и хана Аюки в 1722 г. Как мы видим из текста «рассказа Нартова», фактологически он серьезно противоречит вышеизложенным источникам. Например, согласно ему, выезд императора в ханскую ставку происходит не из Саратова, а почему-то из Астрахани в сопровождении императрицы и астраханского губернатора А. П. Волынского, которые как раз и не фигурируют в «Походном журнале». Ханская кибитка представлена уже «великолепным персидским шатром». Многие довольно яркие подробности встречи в ханской ставке из «рассказа Нартова» никак не подтверждаются сведениями других очевидцев.

Заключение

Тема встречи российского императора и калмыцкого хана на Волге в 1722 г. обросла не только историческими фактами, но и, к сожалению, многими «мифами и легендами», которые активно публикуются и тиражируются в СМИ и Интернете. Поэтому исследователям в этом вопросе нужно опираться на широкий круг источников, которые могут дополнять друг друга или противоречить им.

Источники личного характера XVIII–XIX вв. не дают нам ответы на многие вопросы, а зачастую порождают новые и создают сложности в правильной

реконструкции исторических событий. Но источниковая база весьма обширна и требует своего более тщательного исследования. В первую очередь это касается архивных документов, которые могут значительно дополнить сведения об этом событии и поставить окончательную точку в расхождении различных фактов в этом вопросе. Таким образом, результаты данной публикации о встрече Петра I и хана Аюки на Волге в 1722 г. можно считать пока промежуточными, поскольку в дальнейшем предстоит более тщательное изучение материалов «Калмыцких дел», хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи.

Источники

Походный 1855 — Походный журнал 1722 года. СПб.: [б. и.], 1855. 197 л.

Sources

The Camping of 1722: Operations Record Book. St. Petersburg, 1855. 197 p. (In Russ.)

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. В 2 кн. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Белль 1896 — *Белль Дж.* Извлечение из описания путешествия (1716–1722 гг.) // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань: Петровское Общество Н. И. Артемьева, 1896. С. 219–236.
- Кротов 2014 — *Кротов П. А.* Рассказы Нартова о Петре Великом (русский исторический анекдот XVIII в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. 3. С. 157–167.
- Майков 1891 — *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. 138 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Нартов 2001 — *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / подготовка текста рукописи и приложений, вступ. ст. П. А. Кротова. СПб.: Историческая иллюстрация, 2001. 160 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Издание Калм. Обл. Исп. Комитета, 1929. 391 с.
- Соймонов 1763 — *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1763. 380 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Участие калмыков в Дербентском походе 1722 г. // Oriental Studies. 2018. № 3. С. 15–22. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2005. 160 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии; КИОН, 1992. 320 с.
- Bell 1763 — *Bell John.* Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia.

Glasgow: Printed for the author by R. and A. Foulis, 1763. Vol. 2. 442 p. (In Eng.) [электронный ресурс] // University California Libraries. Added date: May 14, 2008. URL: <https://archive.org/details/travelsfromstpet01bell/mode/2up> (дата обращения: 20.12.2021).

References

- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Bell J. An excerpt from [his] Travels (1716–1722). In: Astrakhan Collection by Peter the Great Society for the Research of Astrakhan Region. Vol. 1. Astrakhan: Artemyev Peter the Great Society, 1896. Pp. 219–236. (In Russ.)
- Bell J. Travels from St. Petersburg, in Russia, to Diverse Parts of Asia. Glasgow: R. and A. Foulis, 1763. Vol. 2. 442 p. (In Eng.) On: University California Libraries. Posted on May 14, 2008. Available at: <https://archive.org/details/travelsfromstpet01bell/mode/2up> (accessed: December 20, 2021). (In Eng.)
- Krotov P. A. Nartov's stories about Peter the Great (The Russian historical anecdote of the XVIII century). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences)*. 2014. No. 3. Pp. 157–167. (In Russ.)
- Maikov L. N. Nartov's Stories about Peter the Great. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1891. 138 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Nartov A. A. Stories about Peter the Great (The Author's Manuscript). P. Krotov (foreword, ed.). St. Petersburg: Istoricheskaya Illyustratsiya, 2001. 160 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Parts 3–4. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. Kalmyk Cossacks of Russia, Mid-17th – 19th Centuries. Elista: Cossack Union of Kalmykia; Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Soimonov F. I. History of Emperor Peter the Great's State: A Description of the Caspian Sea and Related Russian Conquests. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763. 380 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters by Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Kalmyks in the Derbent campaign of 1722. *Oriental Studies*. 2018. No. 3. Pp. 15–22. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds. Elista: Dzhangar, 2005. 160 p. (In Russ.)

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-20-36

Первый уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенок: историография вопроса

Леонид Владимирович Курас¹, Базар Догсонович Цыбенков²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Курас Л. В., Цыбенков Б. Д., 2022

Аннотация. Авторы впервые в российской и монгольской историографии анализируют всю научную периодику, монографические сочинения и материалы научных конференций, в которых находят сюжеты, связанные с деятельностью незаслуженно забытого советского дипломата — первого уполномоченного Наркомата по иностранным делам РСФСР в Монголии Отто Ивановича Макстенека, внесшего существенный вклад в осуществление Монгольской революции 1921 г. *Целью исследования* является выявление и историографический анализ всей научной продукции, вышедшей из-под пера российских и монгольских ученых, посвященной революционной и дипломатической деятельности О. И. Макстенека и его работе на посту уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии. Для достижения цели были поставлены следующие *задачи*: 1) анализ библиографических изданий с целью выявления научной продукции, посвященной советскому дипломату; 2) определение жанровой принадлежности научной продукции (монографии, статьи, материалы научных конференций), историографический анализ научных публикаций российских и монгольских ученых. *Выводы.* Благодаря историографическому анализу источников О. И. Макстенок предстает как историческая личность, чья жизнь и деятельность, хотя и фрагментарно, но дают представление о революционных событиях первой четверти XX в. в Лифляндии, Иркутской губернии, Забайкалье и Монголии. Апогеем его революционной работы можно по праву считать деятельность на посту уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии, когда О. И. Макстенок внес ощутимый вклад в подготовку Монгольской революции 1921 г.

Ключевые слова: О. И. Макстенок, НКВД РСФСР, Монгольская революция 1921 г., Троицкосавск, российская и монгольская историография

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ – Министерства об-

разования, культуры и науки (Монголия) — № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (номер госрегистрации: АААА-А20-120021490062-5).

Для цитирования: Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Первый уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенек: историография вопроса // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 20–36. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-20-36

O. I. Makstenek — The First Representative of RSFSR People's Foreign Affairs Commissariat to Mongolia: A Historiography of the Question

Leonid V. Kuras¹, Bazar D. Tsybenov²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kuras L. V., Tsybenov B. D., 2022

Abstract. *Introduction.* The paper provides a first analysis — in Mongolian and Russian historiography — of all scientific journal publications, monographs and proceedings of academic conferences dealing with the Soviet diplomat Otto Ivanovich Makstenek, the first Authorized Representative of RSFSR People's Foreign Affairs Commissariat to Mongolia who made a huge contribution to the success of the Mongolian Revolution of 1921 only to remain unheralded in history. *Goals.* The study aims at identifying and analyzing (in a historiographic perspective) all scientific works covering revolutionary and diplomatic activities of O. I. Makstenek and authored by Russian and Mongolian scientists. The objectives to be tackled thereto include as follows: 1) analysis of bibliographic publications for further identification of scientific works dedicated to the Soviet diplomat, 2) genre determination of such works (monographs, articles, proceedings of research conferences), historiographic analysis of publications by Russian and Mongolian scholars. *Conclusions.* The historiographic analysis show O. I. Makstenek as a historical figure whose life and deeds — though preserved in fragments only — illustrate revolutionary events in Livonia, Irkutsk Governorate, Transbaikalia, and Mongolia in the 1900s to 1920s. Makstenek's activity as Authorized Representative of RSFSR People's Foreign Affairs Commissariat to Mongolia was the pinnacle of his revolutionary work. And the research materials attest to that he made a most valuable contribution to the victory of the Mongolian Revolution of 1921.

Keywords: O. I. Makstenek, People's Foreign Affairs Commissariat of the RSFSR, Mongolian Revolution of 1921, Troitskosavsk, Russian and Mongolian historiography

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, project nos. 19-59-44004 and АААА-А20-120021490062-5 'The Mongolian Revolution of 1921 in the Mirror of Transnational History of the Mongolian World: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution of 1921'.

For citation: Kuras L. V., Tsybenov B. D. O. I. Makstenek — The First Representative of RSFSR People's Foreign Affairs Commissariat to Mongolia: A Historiography of the Question. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 20–36. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-20-36

Введение

Мы неоднократно рассматривали предпосылки Монгольской революции 1921 г. как следствие «революции в колчакии» [Курас 2017; Курас, Цыбенков, Хишигт 2021]. В свою очередь это позволяет современной историографии взглянуть на события в Центральной Азии через призму транснациональной истории [Курас 2016; Лиштованный 2017].

Суть этой ситуации заключается в том, что в начале XX в., по справедливому мнению В. И. Ленина, именно Восток определял будущее мироустройство [Ленин 1958а: 167–168; Ленин 1958б: 145–146]. А череда революций на Востоке — Синьхайская революция 1911 г. в Китае, Октябрьская революция 1917 г. в России и Монгольская революция 1921 г. — позволяют современной историографии взглянуть на события в Центральной Азии, выйдя за рамки национальных историй Китая, Монголии и России, через призму транснациональной истории.

В центре внимания такого направления стоит исследование объединяющих национальные истории закономерностей, а также революций, войн и конфликтов, мирного взаимодействия, которые невозможно объяснить как результат действий отдельного государства. Поэтому именно транснациональная история позволяет по-новому рассмотреть феномен революции. Такой подход позволяет более детально изучить трансграничные аспекты развития национальных движений в Бурятии и в целом во всем Забайкалье, Монголии; проанализировать суть и попытки реализации национальных проектов; восстановить историю национализма в отдельно взятом Байкальском регионе (с включением Монголии) как неотъемлемой части мирового дискурса, в значительной степени изменившего как властные отношения, так и постимперское положение дел в мире [Саблин 2014].

Именно в русле транснациональной революции эту проблему рассматривают и монгольские ученые [Пунсалдулам, Хишигт 2007].

Отражение деятельности О. И. Макстенека в российской и монгольской историографии

Советская Россия и Монголия: попытки установления дипломатических отношений в 1917–1920 гг.

Переход от революции в России к революции в Монголии — это не парадное шествие, а полный драматических событий период, осуществление которого было под силу лишь большевикам. Чтобы понять, что колчаковский режим не был случайностью, достаточно ознакомиться с приветственными посланиями адмиралу А. В. Колчаку как Верховному правителю и Верховному главнокомандующему за период с ноября 1918 по ноябрь 1919 гг., коих составитель и научный редактор уникального сборника В. В. Журавлев собрал 653 (телеграммы, письма, адреса, постановления и протоколы различных собраний), а также 350 ответов на эти приветствия.

При этом поражает география документов: это не только территория, контролируемая Омским правительством, и другие белые регионы, но и окружающий мир, где уже начала формироваться русская эмиграция (Маньчжурия, Пекин, Шанхай, Токио, Париж, Лондон, Женева, Стокгольм), а также зарубежные государства: Великобритания, Чехословакия, Франция, Сербия, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные Штаты. Кроме того, это почти все слои сибирского социума. Неслучайно молодое Советское государство все силы направило на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией [[Приветственные послания 2012: 560](#)].

Но при этом ни В. И. Ленин, ни большевистское руководство ни на минуту не забывали об интернациональном характере победившей революции 1917 г. Именно поэтому возникла новая ситуация, в которой Советская Россия проявляла неподдельный интерес в деле восстановления связей с соседней Монголией. Это было обусловлено, прежде всего, прекрасной возможностью превращения ее в своеобразный плацдарм для наступления мировой революции на Азиатском материке.

С другой стороны, нельзя исключать и экономический фактор — Россия в условиях Гражданской войны нуждалась во многих ресурсах. Поэтому установление равноправных дружеских отношений с Монголией стало насущной необходимостью молодого Советского правительства.

Начиная с 1918 г. оно предприняло несколько попыток завязать отношения с монгольскими властями, с разными целями командировало в страну советских функционеров. Известна поездка в Алтанбулак большевика Я. Д. Янсона, направленного в августе 1918 г. Азиатским бюро при Сибирской миссии НКВД. Его сопровождали переводчик Б. С. Ишидоржин и лидер бурятского национального движения Э.-Д. Ринчино.

Монгольские власти Алтанбулака с интересом выслушали речь Ринчино о готовности новой России помочь в деле борьбы за независимость Монголии. В июле инструктор Иркутского губревкома А. Мясников переслал в Ургу программу РКП(б) на монгольском языке и два экземпляра известного обращения Советского правительства в 1919 г.

Начало августа 1919 г. ознаменовалось новой попыткой установления дружеских отношений с Монголией. В своем обращении Советское правительство подчеркивало свободное и независимое положение Монголии, ее неотъемлемое право завязывать отношения со всеми странами мира, не прибегая к опеке Китайской Республики и Советской России [[Роцин 1999: 27, 30, 35, 36, 52](#)].

Монгольское правительство заняло выжидательную позицию, чему в небольшой степени способствовали антисоветская деятельность бывшего царского консула А. А. Орлова и информация о большевистской опасности, распространенная китайцами.

Политическая обстановка резко изменилась в конце 1919 г. С одной стороны, поражение колчаковского режима стало неотвратимым. Но с другой — у Советского государства не было ни сил, ни средств, чтобы поддержать автономию Монголии, основанную Тройственным Соглашением в 1915 г. И Пекинское руководство не преминуло воспользоваться этой ситуацией, оккупировав территорию Внешней Монголии.

Возникла тревожная ситуация, при которой появилась реальная угроза потери Монголией собственной государственности и возникновения реальной опасности на границе Советской России. В этих условиях правящие круги монгольского общества оказались расколотыми. Так, в Пекин была направлена делегация с просьбой смягчить оккупационный режим.

Другая группа пыталась заигрывать с Японией и САСШ, которые не проявляли интереса к «монгольским делам». В этом отношении наиболее последовательными и действенными оказались кружковцы: две подпольные антикитайские группы, известные в истории как кружки «Консульский» и «Ургинский» и их лидеры, представлявшие новые общественные силы Монголии, изначально сделали ставку на Советскую Россию.

Именно в этот период по времени совпало национально-освободительное движение монгольского народа и изменение политического вектора Коминтерна на восток. Поэтому неслучайно этому вопросу монгольская историография уделяет столь пристальное внимание [Хишигт 2017].

В декабре 1919 г. в документе «Автономная Монголия и Революционная Россия» Восточный отдел ИККИ поставил вопрос о восстановлении автономии Монголии, рассмотрев его с двух точек зрения:

– русской — Автономная Монголия в случае соединения ее с Баргой и Внутренней Монголией создает государственный буфер в 3 500 верст, который в случае осложнения ситуации с Китаем не позволит ей быстро перебросить войска к российской границе;

– монгольской — дальнейшая колонизация Монголии угрожала бы существованию монгольской государственности, а торгово-экономическая деятельность Китая привела бы к полному разорению монгольского хозяйства [Хишигт 2017: 15].

Таким образом, в документе излагалась суть советской политики в отношении Монголии, непосредственно осуществлять которую должен был полномочный представитель НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенок. Тем самым Советское руководство и Коминтерн, ставя перед собой задачи распространения мировой революции в Азии, взяли на себя ответственность поддержать революционное движение монголов.

Монголия еще в июле 1919 г. была оккупирована войсками китайского милитариста Сюй Шучжэна. Пропустить через границу Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии китайские власти отказались, и О. И. Макстенеку, выехавшему в новой должности в начале июня 1920 г., пришлось остаться в приграничном Троицкосавске. Здесь и началась работа представительства Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) РСФСР в Монголии.

Троицкосавск находился на территории Дальневосточной республики (далее — ДВР), образованной в апреле 1920 г. и признанной РСФСР. Статус нового государственного образования был подкреплён договором о границах РСФСР и ДВР, подписанным заместителем наркома иностранных дел РСФСР Л. И. Караханом и министром иностранных дел ДВР А. М. Краснощековым в декабре 1920 г.

Отто Иванович, оказавшись в водовороте событий, принял непосредственное участие в деле подготовки Монгольской революции, организации монгольской армии и создания Монгольской народной партии.

Имя О. И. Макстенека в публикациях российских авторов

В российской историографии имя советского дипломата, игравшего ключевую роль на российско-монгольской границе в сложный период истории, на протяжении долгого времени оставалось полузабытым. Информация о нем отсутствовала в дипломатическом словаре (в трех томах), энциклопедических справочниках по истории Октябрьской революции и Гражданской войны в России.

Впервые имя Отто Ивановича Макстенека мы встречаем в 1928 г., в журнале «Каторга и ссылка», где в опубликованной автобиографии профессионального революционера, члена РСДРП с 1905 г., политкаторжанина Якова Ивановича Тинса, который в 1912 г. за участие в голодовке в Рижской центральной каторжной тюрьме был переведен в Бутырскую тюрьму в Москве, указано, что вместе с ним в Бутырку были переведены латышские революционеры, политкаторжане Я. Рудзутак, О. Макстенок и Кровец [[Автобиография 1928: 164](#)].

Годом позднее, в 1929 г., в «Биографическом справочнике членов О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев» была опубликована краткая справка о революционном прошлом О. И. Макстенека. В ней имелись сведения о дате и месте его рождения, образовании, вступлении в ряды Социал-демократической рабочей партии Латвии в 1905 г., участии в вооруженном восстании 1905 г., работе в Петербурге, аресте и отбывании наказания на каторге в 1908–1913 гг., ссылке в Иркутскую губернию, проживании в с. Знаменском, в г. Чите, Иркутске; исключении из Общества политкаторжан за подаванчество [[Политическая каторга 1929: 332](#)].

В 1968 г. в Хабаровске был опубликован очерк участника гражданской войны, одного из функционеров Троицкосавского укома РКП(б) в период нахождения там О. И. Макстенека В. Б. Оношко. Он дал нелицеприятную характеристику Уполномоченному Наркомата иностранных дел Советской России [[Оношко 1968: 129](#)]. Так, автор пишет, что О. И. Макстенок оказывал покровительство некоему спекулянту Симбергу и даже выдал тому мандат с указанием торговых полномочий. Однако он был арестован местными органами Госполитохраны за незаконные операции. О. И. Макстенок был членом укома и партком был обязан обсудить его действия на заседании и вынести соответствующее решение» [[Оношко 1968: 129](#)].

Делу был дан ход, результат которого получил отражение в телеграмме, направленной в обком РКП(б) в г. Верхнеудинск. В ней говорилось о слушании дела О. И. Макстенека пленумом парткома г. Троицкосавск и представителями военных и вынесении единогласного постановления об исключении О. И. Макстенека из членов парткома ввиду его преступной роли в деле спекулянта Симберга. Троицкосавские коммунисты также просили о немедленном отзыве О. И. Макстенека с занимаемой должности, что говорит о серьезности их намерений и в целом об узле противоречий, связанных с деятельностью Уполномоченного НКВД РСФСР в Троицкосавске [[Оношко 1968: 129](#)].

Затем наступает долгая полоса забвения, и имя О. И. Макстенека вновь появляется лишь в 1999 г. в монографии С. К. Рощина, который несколько раз упоминает имя советского дипломата и подчеркивает его роль в событиях монгольской революции именно в связи с его деятельностью на посту уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии [[Рощин 1999: 27, 30, 35, 36, 52](#)].

Затем С. К. Роцин вновь возвращается к нашему герою в монографии, изданной в Монголии и посвященной революционной деятельности Сухэ-Батора, подчеркнув, что дом О. И. Макстенека в Троицкосавске стал своего рода центром по связям между монгольскими революционерами и советскими органами. И именно у него в доме состоялся первый учредительный съезд Монгольской народно-революционной партии (далее — МНРП) [Роцин 2011: 39, 45].

В 2007 г. в академическом издании по истории Монголии XX в., подготовленном учеными Института востоковедения РАН, имя О. И. Макстенека упоминается как представителя НКВД Советской России в Троицкосавске. Здесь была создана штаб-квартира, где вступили во взаимодействие монгольские революционеры и органы Советской власти, Коминтерна [История Монголии 2007: 61].

Имя О. И. Макстенека фигурирует в монографии С. Л. Кузьмина в связи с пленением барона Унгерна и командира монгольского отряда, князя Сундуй-гуна. Тогда член Временного Народного правительства Монголии Н. Билэгсайхан, посетив в Кяхте арестованных, вел с О. И. Макстенеком переговоры о передаче гуна монголам [Кузьмин 2011: 284].

В 2015 г. имя Отто Ивановича появится в монографии Марка Юнге, где он фигурировал как один из функционеров Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев [Юнге 2015: 195].

2020 г. стал по-настоящему прорывным в изучении и оценке деятельности О. И. Макстенека — в связи с приближающимся юбилеем Монгольской революции 1921 г. и 100-летием установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Монголией. В этой связи был создан российско-монгольский творческий коллектив, чей проект «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Министерством образования, культуры, науки и спорта Монголии (МиноКН). Это позволило начать планомерное изучение предпосылок Монгольской революции [Курас, Хишигт, Цыбенев 2020], продолжить изучение места революционных событий 1921 г. в транснациональной истории монгольского мира [Курас 2016].

Кроме того, появилась реальная возможность оценить личностный фактор в осуществлении Монгольской революции 1921 г. В этой связи творческий коллектив в течение 2020–2021 гг. опубликовал серию статей [Хишигт, Курас, Цыбенев 2020а; Хишигт, Курас, Цыбенев 2020б; Курас, Цыбенев 2020а; Курас, Цыбенев 2020б; Хишигт 2021; Курас 2021; Курас, Цыбенев 2021а; Курас, Цыбенев 2021б; Курас, Цыбенев 2021в; Курас, Цыбенев 2021г; Курас, Цыбенев 2021е; Курас, Цыбенев 2021ж; Цыбенев, Курас 2021] и глав в коллективных монографиях [Курас, Цыбенев 2021з; Курас, Цыбенев, Хишигт 2021], посвященных деятельности О. И. Макстенека на посту Уполномоченного НКВД РСФСР в Урге, причем значительная часть этих публикаций вошла в «Библиографию Монгольской революции 1921 года», подготовленную российскими и монгольскими историками в рамках проекта РФФИ [Библиография 2021].

Следует отметить, что в трудах профессора Н. Хишигт деятельность О. И. Макстенека на посту уполномоченного отмечалась и в более ранних

работах как на русском [Хишигт 2017], так и на монгольском языках [Хишигт 2011а; Хишигт 2011б].

Некоторые аспекты деятельности О. И. Макстенека на посту уполномоченного, относящиеся к марту 1921 г., раскрываются в докладе П. В. Кургузова на научной конференции, посвященной 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. В докладе автор ошибочно называет О. И. Макстенека подчиненным Ф. И. Гапона [Кургузов 2021: 24–26], который в указанный период являлся заместителем Уполномоченного НКВД РСФСР по Сибири и Дальнему Востоку. Другое дело, что между Б. З. Шумяцким и Ф. И. Гапоном, с одной стороны, и О. И. Макстенеком, с другой, существовала конкуренция, в которой никто не хотел уступать. О. И. Макстенека полагал, что именно он должен претворять в жизнь внешнюю политику Советской России в отношении Монголии. Его позиция встретила категорическое возражение со стороны Ф. И. Гапона и Б. З. Шумяцкого, стоявших в руководстве Дальневосточного секретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Так, о серьезности противоречий, возникших между советскими функционерами, свидетельствует телеграмма Б. З. Шумяцкого в Москву, в которой он указывал на ограниченность и тщеславие О. И. Макстенека, несоблюдение приказов о невмешательстве в монгольские дела, нарушение конспирации. О. И. Макстенека также писал донесения своему руководству, в которых, упоминая о своем революционном прошлом, делал упор на противодействие его деятельности со стороны Б. З. Шумяцкого.

Противостояние между О. И. Макстенеком и Б. З. Шумяцким усугублялось разногласиями в высшем руководстве страны. Известно, что О. И. Макстенека и военных, стремившихся немедленно выступить в поход против Унгерна, поддерживал заместитель главы НКВД Л. М. Карахан. Выжидательная позиция Б. З. Шумяцкого и его оценка ситуации были поддержаны наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным [Жернов 2021].

В современной российской историографии подчеркивается, что в руководстве ДВР наличествовала не самая здоровая обстановка, что объясняется борьбой сторонников «буфера» и «леваков», стремившихся к советизации Дальнего Востока, помноженной на самолюбие и гипертрофированные амбиции партийных функционеров [Мухачев 1999: 138–142].

Монгольская историография революционной деятельности О. И. Макстенека

Имя О. И. Макстенека фигурирует и в монгольской историографии, причем в количественном отношении монгольская историография не уступает российской. В 1928 г. опубликована статья одного из архитекторов Монгольской революции Д. Догсома, в которой упоминается имя О. И. Макстенека в качестве Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии. Неслучайно этот сборник был переиздан в 2004 г. [Догсом 2004].

Особый интерес представляет научный сборник, изданный в 1931 г., в котором впервые опубликована речь О. И. Макстенека на I съезде Монгольской народной партии 3 марта 1921 г. [Монгол Ардын 1931]. Можно предположить, что эта публикация была заказной, так как в 1931 г. Отто Иванович был на-

гражданин монгольским орденом Красного Знамени [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 91].

В 1934 г. опубликована двухтомная работа «Краткая история национальной истории монгольского народа», написанная Х. Чойбалсаном, Д. Лосолом и Г. Дэмидом. Это издание носит историко-мемуарный характер и охватывает период от возникновения первых подпольных революционных кружков и до победы народной революции. В работе, кроме указания на факт встречи прибывших первыми в Троицкосавск С. Данзана и Х. Чойбалсана с О. И. Макстенеком, дается и описание внешности Отто Ивановича. В 1979 г. эта работа, двое из авторов которой принадлежат к знаменитой «монгольской семерке», была переиздана и высоко оценивается современной монгольской историографией [Чойбалсан, Лосол, Дэמיד 1934; Чойбалсан, Лосол, Дэמיד 1979].

Далее следует выделить фундаментальные исследования патриарха монгольской исторической науки — академика Б. Ширендыба на монгольском [Ширэндэв 1969а: 78, 110, 126; Ширэндэв 1969б: 160–161, 165, 202–203, 213, 229, 231, 269] и русском языках [Ширендыб 1971: 132], где он подробно описывает встречу Бодо и Шагдаржав (Чагдаржав) 2 августа 1920 г. с уполномоченным Наркоминдела РСФСР О. И. Макстенеком. Здесь же он дает высокую оценку О. И. Макстенеку и С. Борису, имевшим значительный опыт революционной работы, которые сделали немало для установления и расширения контактов между Монгольской народной партией и Коминтерном, Советской Россией и Монголией [Ширендыб 1971: 164].

В заключение исследования академик Б. Ширендыб отметил советских функционеров М. И. Кучеренко, Гембаржевского, С. Борисова, О. И. Макстенека, Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Номинханова, Нацова, сыгравших большую роль в борьбе с Унгерном [Ширендыб 1971: 281].

Кроме классических произведений, следует также обратить внимание на монографии [Дашдаваа 2003: 24, 38, 43, 48; Ичинноров 2011: 101; Пүрэв 2001: 47; Болд 2021: 20, 38, 46, 107, 187] и биографию С. Данзана под названием «Жанжин Данзан» [Жанжин Данзан 1995: 38], где также имеются небольшие сюжеты о деятельности О. И. Макстенека в 1920–1921 гг. по подготовке Монгольской революции.

В 2000-е гг. монгольская историография пополнилась статьями ученых о монгольских революционерах, в которых также уделяется внимание деятельности российского дипломата [Алтанбагана 2012; Дашням 2012; Ичинноров 2011; Ичинноров, Эрдэнэбат 2012; Идшинноров 1993; Хишигт 2012а; Хишигт 2012б; Хишигт 2021].

В течение 2021 г. в России состоялся целый ряд международных научных конференций, посвященных знаковым событиям в истории Монголии XX в. (Москва, Санкт-Петербург, Элиста, Иркутск, Улан-Удэ, Кяхта, Чита, Владивосток), на заседаниях которых российские и монгольские исследователи — участники совместного научного проекта — выступили с докладами, посвященными различным аспектам деятельности О. И. Макстенека на посту Уполномоченного НИКД РСФСР в Урге, причем Л. В. Курас и Б. Д. Цыбенков на Кяхтинской конференции выступили с инициативой открытия мемориальной доски в честь О. И. Макстенека на здании музея «Российско-монгольской дружбы» (ранее

«Музея I съезда МНРП»), где в 1920–1921 гг. располагалась квартира, а фактически офис советского дипломата.

По свидетельству заместителя директора Кяхтинского краеведческого музея Л. Б. Цыденовой, к юбилею Монгольской революции в «Мемориальной комнате» проведена детальная реконструкция служебного кабинета Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека [Цыденова 2021: 136–138]. Правда, в 2003 г. научно-методический совет музея принял решение о реэкспозиции и переименовании Музея I съезда МНРП в Музей российско-монгольской дружбы. Причиной такого решения стала рецензия-экспертиза одного из ведущих бурятских историков, профессора Ш. Б. Чимитдоржиева. Он отметил, что съезд Монгольской народной партии был все же локальным событием и поэтому в специальном музее нет особой необходимости [Цыденова 2021: 137].

Заключение

Историографический анализ российской и монгольской научной литературы позволяет дать емкую характеристику уровня революционного подъема в России и в Монголии в первой четверти XX в. На фоне этих событий представляется возможным воссоздать политическую биографию революционера и дипломата Отто Ивановича Макстенека, ставшего непосредственным выразителем идеалов Октябрьской революции 1917 г. и Монгольской революции 1921 г.

Источники

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Sources

Russian State Archive of Sociopolitical History.

Литература

- Автобиография 1928 — Автобиография Якова Ивановича Тинса // Каторга и ссылка. 1928. № 40. С. 164.
- Библиография 2021 — Библиография Монгольской революции 1921 г. / отв. ред. Л. В. Курас, Н. Хишигт / науч. ред. С. В. Васильева; сост. Л. В. Курас, Н. Хишигт, Ч. Батдорж, Б. Д. Цыбенков, Ц. С. Очиров, Н. Наранжаргал. Улан-Удэ; Улан-Батор: Оттиск, 2021. 320 с.
- Жернов 2021 — Жернов Е. С Унгерном, следовательно, и с Японией [электронный ресурс] // Коммерсант. 7.08.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4935635> (дата обращения: 20.12.2021).
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / М. И. Гольман и др.; отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- Кузьмин 2011 — Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции / ред. О. Батсайхан, А. Р. Ефименко. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2011. 659 с.
- Курас 2016 — Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / отв. ред. Б. В. Базаров / науч. ред. М. Н. Балдано. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
- Курас 2017 — Курас Л. В. «Революция в колчакии» и предпосылки Монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2017 / редкол.: В. М. Левченко, А. В. Шалак, Д. Я. Майдачевский, Г. А. Цыкунов. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 76–81.
- Курас, Хишигт, Цыбенков 2020 — Курас Л. В., Хишигт Н., Цыбенков Б. Д. От «Революции в колчакии» до Монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2020 / редкол.: А. В. Шалак, В. М. Левченко, Г. А. Цыкунов, Д. Я. Майдачевский. Иркутск: Изд-во БГУ, 2020. С. 385–392.

- Курас, Цыбенков 2020а — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Город Троицкосавск — колыбель монгольской революции 1921 года // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: к 75-летию профессора В. А. Скубневского. Вып. IV / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдунова. СПб.: Медиапайр, 2020. С. 171–184.
- Курас, Цыбенков 2020б — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Отто Иванович Макстенок: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 32. С. 83–90.
- Курас 2021 — *Курас Л. В.* У истоков монгольской народной революции 1921 г. // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. С. 8–14.
- Курас, Цыбенков 2021а — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.
- Курас, Цыбенков 2021б — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* ДВР (Троицкосавск) как «конспиративная квартира» Монгольской революции 1921 г. // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. С. 216–218.
- Курас, Цыбенков 2021в — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Забытый дипломат: к 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2021. № 3. С. 44–50.
- Курас, Цыбенков 2021г — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Кяхта на заре Монгольской революции 1921 г. (о деятельности Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека) // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. С. 15–17.
- Курас, Цыбенков 2021д — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* От первого уполномоченного Российской империи в Монголии Я. И. Коростовца до первого уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека: к 100-летию российско-монгольских дипломатических отношений // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 351–365. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-351-365
- Курас, Цыбенков 2021е — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Первый уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенок (данные отечественных и зарубежных архивов) // Тезисы докладов XIII Всероссийского съезда востоковедов «Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы» / ред. А. К. Аликберов, Э. П. Бакаева и др. (г. Элиста, 05–08 октября 2021 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. С. 95–98.
- Курас, Цыбенков 2021ж — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* Первый уполномоченный НКВД РСФСР О. И. Макстенок в Монголии: к 100-летию Монгольской революции 1921 г. // 1921 оны ардын хувьсгал — 100 жил: түүх ба орчин үе (= Народной революции 1921 г. — 100 лет: история и современность) / эмхэт (= сост.: Н. Хишигт, Ч. Батдорж, Г. Цэрэнсугар, Ц. Энхжаргал). Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» ХХК, 2021. С. 113–121.
- Курас, Цыбенков 2021з — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.* У истоков двусторонних отношений России и Монголии: деятельность О. И. Макстенека, первого Уполномоченного Наркоминдел в Монголии // Монголия – Россия: век независимости — век сотрудничества / сост. и отв. ред.: И. В. Кульганек, Т. И. Юсупова. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. С. 42–47.
- Курас, Цыбенков, Хишигт 2021 — *Курас Л. В., Цыбенков Б. Д., Хишигт Н.* Коминтерн и Монголия в период подготовки и осуществления Монгольской революции 1921 г. // Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна. М.: ИВ РАН, 2021. С. 314–324.

- Кургузов 2021 — *Кургузов П. В.* Троицкосавск – Кяхта – Маймачен: исторические события весны 1921 г. // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. С. 24–26.
- Ленин 1958a — *Ленин В. И.* Отсталая Европа и передовая Азия // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1958. Т. 23. С. 167–168.
- Ленин 1958b — *Ленин В. И.* Пробуждение Азии // Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит., 1958. С. 145–146.
- Лиштованный 2017 — *Лиштованный Е. И.* Монгольский мир в условиях транснациональной истории первой четверти XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 3 (27). С. 182–184.
- Мухачев 1999 — *Мухачев Б. И.* Александр Красношеков. Историко-биографический очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 284 с.
- Оношко 1968 — *Оношко В. Б.* Приграничный уком: очерк [о Троицкосавском уездном ком. партии]. Хабаровск: Кн. изд-во, 1968. 192 с.
- Политическая каторга 1929 — Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М.: Изд-во «Всесоюзное о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев», 1929. 332 с.
- Приветственные послания 2012 — Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему Адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г. / сост. и науч. ред. В. В. Журавлев. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.
- Роцин 1999 — *Роцин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 325 с.
- Роцин 2011 — *Роцин С. К.* Д. Сухэ-Батор: национальный герой Монголии (штрихи биографии) = Монголын үндэсний баатар Д. Сүхбаатар: намтарын хуудсууд. Уланбаатар: «Сэлэнгэ пресс», 2011. 280 с.
- Саблин 2014 — *Саблин И. В.* «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии // Первая мировая война в «восточном измерении» / сост. Т. А. Филиппова. М.: ИВ РАН, 2014. С. 135–136.
- Хишигт 2017 — *Хишигт Н.* Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой российской революции. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.
- Хишигт, Курас, Цыбенев 2020a — *Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенев Б. Д.* Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 163–175.
- Хишигт, Курас, Цыбенев 2020b — *Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенев Б. Д.* Отто Иванович Макстенек: у истоков монгольской революции 1921 года // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-305-317
- Хишигт 2021 — *Хишигт Н.* Монгольская революция 1921 г. и участие в ней представителей монгольского мира // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2021. С. 3–7.
- Цыбенев, Курас 2021 — *Цыбенев Б. Д., Курас Л. В.* «Как-то странно звучит слово «дипломатия» в устах коммуниста...»: о дипломатической деятельности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека // Россия – Монголия: 100 лет вместе: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений (г. Иркутск, 20 мая 2021 г.). / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [редкол.: С. И. Кузнецов [и др.]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 63–69.
- Цыденова 2021 — *Цыденова Л. Б.* Музей российско-монгольской дружбы: история и опыт сотрудничества // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской

- революции и установления дипломатических отношений. Новосибирск: СО РАН. 2021. С. 136–138.
- Ширендыб 1971 — *Ширендыб Б.* История Монгольской народной революции 1921 года. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. 399 с.
- Юнге 2015 — *Юнге М.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 640 с.
- Алтанбагана 2012 — *Алтанбагана А.* Монголын хувьсгалт нууц бүлгэмүүд нэгдсэн үйл явц (1918–1921) (= Процесс объединения подпольных революционных кружков Монголии (1918–1921)) // Ардын хувьсгалын анхны Долоо: амьдрал, үйл хэрэг. Бага хурлын эмхтгэл («Первая семерка» народной революции: жизнь и деятельность. Сборник конференции). Улаанбаатар: [заагаагүй], 2012. Х. 51–65.
- Болд 2021 — *Болд Р.* Бүрэн эрхээ хязгаарлуулсан тусгаар тогтнол (= Независимость с ограниченными полномочиями). Улаанбаатар: НЭПКО publishing, 2021. 210 х.
- Дашдаваа 2003 — *Дашдаваа Ч.* Улаан түүх: Коминтерн ба Монгол (= Красная история: Коминтерн и Монголия). Улаанбаатар: «Бемби сан» хэвлэлийн газар, 2003. 304 х.
- Дашням 2012 — *Дашням Г.* Догсомын Бодоо (1885–1922) // Ардын хувьсгалын анхны Долоо: амьдрал, үйл хэрэг. Бага хурлын эмхтгэл («Первая семерка» народной революции: жизнь и деятельность. Сборник конференции). Улаанбаатар: [заагаагүй], 2012. Х. 120–140.
- Догсом 2004 — *Догсом Д.* Ардын намыг анх байгуулах тухай явдлыг анхан хэрхэн үүсгэн оролдсон тухай (= О том, как впервые возникла Народная партия) // Монгол Ардын Хувьсгалт Намын түүхэнд холбогдол бүхий зүйлүүд (= Вопросы, связанные с историей Монгольской Народно-Революционной партии). Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэлийн газар, 2004. Х. 26–64.
- Жанжин Данзан 1995 — *Жанжин Данзан* (= Военачальник Данзан) / судалж боловс. З. Лонжид, О. Батсайхан; хян. тох. Т. Лхагваа (= сост. З. Лонжид, О. Батсайхан; ред. Т. Лхагваа). Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Түүхийн Хүрээлэн, 1995. 63 х.
- Идшинноров 1993 — *Идшинноров С.* Дамбын Чагдаржав // Буруугүй «Буруутнууд» (= Без вины «виноватые»). Зуунмод хот: Төв аймгийн хэвлэх үйлдвэр, 1993. Х. 14–27.
- Ичинноров, Эрдэнэбат 2012 — *Ичинноров С., Эрдэнэбат Д.* Хорлоогийн Чойбалсангийн улс төрийн намтар (1895–1952) (= Политическая биография Хорлоогийн Чойбалсана) // Ардын хувьсгалын анхны Долоо: амьдрал, үйл хэрэг. Бага хурлын эмхтгэл («Первая семерка» народной революции: жизнь и деятельность. Сборник конференции). Улаанбаатар: [заагаагүй], 2012. Х. 104–120.
- Ичинноров 2011 — *Ичинноров С.* 1921 оны хувьсгалд Дамбын Чагдаржавын гүйцэтгэсэн үүрэг (= Роль Дамбын Чагдаржава в революции 1921 г.) // Түүхийн үнэний мөрөөр. IV дэвтэр (= По следам исторической истины. Вып. IV). Улаанбаатар: «Бит пресс» ХХК, 2011. Х. 99–113.
- Монгол Ардын 1931 — Монгол Ардын намын нэгдүгээр хурал (= Первый съезд Монгольской народной партии). Дээд-Үд: Буриад Монголын улсын хэвлэх үйлдвэр, 1931. 49 х.
- Пунсалдулам, Хишигт 2007 — *Пунсалдулам Б., Хишигт Н.* 1911, 1921 оны Монголын хувьсгал (Гадаадын түүх бичлэгийн тойм) (= Монгольские революции 1911 и 1921 годов (Обзор зарубежной историографии)). Улаанбаатар: [заагаагүй], 2007. 208 х.
- Пүрэв 2001 — *Пүрэв О.* Ардын засгийн анхны ерөнхий сайд (= Первый премьер-министр Народного правительства). Улаанбаатар: «Монсудар» хэвлэлийн газар, 2001. 68 х.
- Чойбалсан, Лосол, Дэмид 1979 — *Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г.* Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх / Хоёрдахь удаагийн хэвлэл (= Краткая история национальной революции монгольского народа / 2-е изд.). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1979. 310 х.

- Чойбалсан, Лосол, Дэвид 1934 — *Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэвид Г.* Монгол ардын үндэсний хувьсгалын үүсч байгуулагдсан товч түүх. Дээд дэвтэр (= Краткая история национальной революции монгольского народа. Первый том). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн үйлдвэр, 1934. 304 х.
- Хишигт 2011a — *Хишигт Н.* 1921 оны хувьсгал ба Ардын журамт цэрэг (= Революция 1921 г. и народно-ополченческие войска) / ред. Л. Бат-Очир. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» ХХК, 2001. 154 х.
- Хишигт 2011б — *Хишигт Н.* Монголын хувьсгал – 1921: 1921 оны үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн шинжлэхүй (= Монгольская революция – 1921: Исследование истории национально-демократической революции 1921 г.). Улаанбаатар: «Бемби сан» хэвлэлийн газар, 2011. 299 х.
- Хишигт 2012a — *Хишигт Н.* «Анхны долоо» буюу МАН-ын төлөөлөгчдийн тухай өгүүлэх нь (= К изучению «Первой семерки» или делегатов Монгольской народной партии) // Ардын хувьсгалын анхны Долоо: амьдрал, үйл хэрэг. Бага хурлын эмхтгэл (= «Первая семерка» народной революции: жизнь и деятельность. Сборник конференции). Улаанбаатар: [заагаагүй], 2012. X. 8–38.
- Хишигт 2012б — *Хишигт Н. Д.* Чагдаржав: амьдрал, үйл ажиллагаа (Д. Чагдаржав: жизнь и деятельность) // Ардын хувьсгалын анхны Долоо: амьдрал, үйл хэрэг. Бага хурлын эмхтгэл (= «Первая семерка» народной революции: жизнь и деятельность. Сборник конференции). Улаанбаатар: [заагаагүй], 2012. X. 193–211.
- Хишигт 2021 — *Хишигт Н.* 1921 оны Монголын хувьсгалын дипломатын түүх ба С. Данзан (= Дипломатическая история Монгольской революции 1921 г. и С. Данзан) // «Стратегийн судалгаа» сэтгүүл. Тусгай дугаар (= журнал «Стратегические исследования». Спецвыпуск). 2021 он. 1 сар. № 04. X. 16–27.
- Ширэндэв 1969a — *Ширэндэв Б.* Бүгд Найрамдах Монгол Ард улсын түүх. Гутгаар боть(Нэн шинэ үе) (= История Монгольской Народной Республики. Третий том (Новейший период)) / Ерөн. ред. гишүүд: Б. Ширэндэв, Ш. Нацагдорж ба бусад (= члены редколл.: Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и др.). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1969. 791 х.
- Ширэндэв 1969б — *Ширэндэв Б.* Монгол ардын хувьсгалын түүх (= История Монгольской народной революции) / ред. Д. Гонгор. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1969. 493 х.

References

- Altanbagana A. Underground revolutionary associations of Mongolia, 1918–1921: The unification process revisited. In: The First Seven of the People’s Revolution, Their Lives and Endeavors. Conference proceedings. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 51–65. (In Mong.)
- An Autobiography by Yakov Ivanovich Tins. *Katorga i ssylka*. 1928. No. 40. Pp. 164. (In Russ.)
- Bold R. Independence with Limited Powers. Ulaanbaatar: NEPKO Publishing, 2021. 210 p. (In Mong.)
- Choibalsan Kh., Losol D., Demid G. A Brief History of How the Mongol People’s National Revolution Began and Evolved. 2nd ed. Ulaanbaatar: People’s Publ. House, 1979. 310 p. (In Mong.)
- Choibalsan Kh., Losol D., Demid G. A Brief History of How the Mongol People’s National Revolution Began and Evolved. Vol. 1. Ulaanbaatar: People’s Publ. House, 1934. 304 p. (In Mong.)
- Dashdavaa Ch. The Red History: Comintern and Mongolia. Ulaanbaatar: Bembi San, 2003. 304 p. (In Mong.)
- Dashnyam G. Dogsomyn Bodoо (1885–1922). In: The First Seven of the People’s Revolution, Their Lives and Endeavors. Conference proceedings. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 120–140. (In Mong.)
- Dogsom D. On the emergence of the People’s Party. In: Historical Questions of the Mongolian People’s Revolutionary Party. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2004. Pp. 26–64. (In Mong.)

- Golman M. I. et al. History of Mongolia: The 20th Century. G. Yaskina (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Ichinnorov S. Dambyn Chagdarjav and his role in the Revolution of 1921. In: Following the Path of Historical Truth. Vol. IV. Ulaanbaatar: Bit Press, 2011. Pp. 99–113. (In Mong.)
- Ichinnorov S., Erdenebat D. Khorloogiin Choibalsan (1895–1952): A political biography. In: The First Seven of the People’s Revolution, Their Lives and Endeavors. Conference proceedings. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 104–120. (In Mong.)
- Idshinnorov S. Dambyn Chagdarjav. In: The Wrongly Accused. Zuunmod: Publ. House of Töv Province, 1993. Pp. 14–27. (In Mong.)
- Junge M. Revolutionaries Retired: National Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, 1921–1935. Moscow: AIRO-XXI, 2015. 640 p. (In Russ.)
- Khishigt N. D. Chagdarjav: Life and deeds. In: The First Seven of the People’s Revolution, Their Lives and Endeavors. Conference proceedings. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 193–211. (In Mong.)
- Khishigt N. Mongolian Revolution of 1921 and involvement of the Mongolian world. In: Parmon V. N., Bazarov B. V. (eds.) Russia and Mongolia, 20th–21st Centuries: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution and Diplomatic Relations. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. Pp. 3–7. (In Russ.)
- Khishigt N. The first seven (or delegates of the Mongolian People’s Party): Approaching the research issue. In: The First Seven of the People’s Revolution, Their Lives and Endeavors. Conference proceedings. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 8–38. (In Mong.)
- Khishigt N. The impact of the Russian Revolution of 1917 on the national liberation movement in Mongolia. In: Siberia in the Years of the Russian Revolution. Conference proceedings. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2017. Pp. 14–23. (In Russ.)
- Khishigt N. The Mongolian Revolution of 1921: Historical Studies of the National and Democratic Revolution. Ulaanbaatar: Bembi San, 2011. 299 p. (In Mong.)
- Khishigt N. The Mongolian Revolution of 1921: Its diplomatic history and S. Danzan. *Strategiyn sudalгаа*. 2021. January. No. 04. Pp. 16–27. (In Mong.)
- Khishigt N. The Revolution of 1921 and People’s Militias. L. Bat-Ochir (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2001. 154 p. (In Mong.)
- Khishigt N., Kuras L. V., Tsybenov B. D. Otto I. Makstenek: At the origins of the Mongolian Revolution of 1921. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 305–317. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-305-317
- Khishigt N., Kuras L. V., Tsybenov B. D. The roads of hope and aspiration (Mongolian delegation in the Far Eastern Republic and Soviet Russia in 1920). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 163–175. (In Russ.)
- Kuras L. V. ‘Revolution in Kolchakia’ and background of the Mongolian Revolution in 1921. In: Levchenko V. M. et al. (eds.) Irkutsk Yearbook of History and Economics – 2017. Irkutsk: Baikal State University, 2017. Pp. 76–81. (In Russ.)
- Kuras L. V. At the beginnings of the Mongolian People’s Revolution of 1921. In: Parmon V. N., Bazarov B. V. (eds.) Russia and Mongolia, 20th–21st Centuries: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution and Diplomatic Relations. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. Pp. 8–14. (In Russ.)
- Kuras L. V. et al. (comps.) The Mongolian Revolution of 1921: A Bibliography. L. Kuras, N. Khishigt, S. Vasilyeva (eds.). Ulan-Ude; Ulaanbaatar: Ottisk, 2021. 320 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. Transnational History of the Mongolian World in a Revolutionary Upsurge, 1900s – 1920s. B. Bazarov, M. Baldano (eds.). Irkutsk: Ottisk, 2016. 252 p. (In Russ.)
- Kuras L. V., Khishigt N., Tsybenov B. D. From ‘Revolution in Kolchakia’ to the Mongolian Revolution of 1921. In: Shalak A. V. et al. (eds.) Irkutsk Yearbook of History and Economics – 2020. Irkutsk: Baikal State University, 2020. Pp. 385–392. (In Russ.)

- Kuras L. V., Tsybenov B. D. At the beginnings of Russia–Mongolia relations: Revisiting the endeavors of O. I. Makstenek — first Representative of RSFSR People’s Foreign Affairs Commissariat to Mongolia. In: Kulganek I. V., Yusupova T. I. (comps., eds.) *Mongolia – Russia: The Century of Independence and Cooperation*. St. Petersburg: Petropolis, 2021. Pp. 42–47. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. From Imperial Russia’s Plenipotentiary in Mongolia I. Ya. Korostovets to Representative of RSFSR People’s Commissariat of Foreign Affairs O. I. Makstenek: Celebrating the 100th anniversary of Russia-Mongolia diplomatic relations. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 351–365. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-351-365
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. Kyakhta at the dawn of the 1921 Mongolian Revolution: Analyzing the efforts of O. I. Makstenek — Representative of RSFSR People’s Foreign Affairs Commissariat to Mongolia. In: Parmon V. N., Bazarov B. V. (eds.) *Russia and Mongolia, 20th–21st Centuries: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution and Diplomatic Relations*. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. Pp. 15–17. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. Otto Ivanovich Makstenek: Year from life of the Soviet diplomat. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series ‘History’*. 2020. Vol. 32. Pp. 83–90. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. The Far Eastern Republic (Troitskosavsk) as a ‘safe house’ of the 1921 Mongolian Revolution. In: Parmon V. N., Bazarov B. V. (eds.) *Russia and Mongolia, 20th–21st Centuries: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution and Diplomatic Relations*. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. Pp. 216–218. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. The Far Eastern Republic: From the ‘safe house’ to the ‘cradle’ of the Mongolian Revolution. *Russia and the Pacific*. 2021. No. 1. Pp. 194–208. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. The First Representative of RSFSR People’s Foreign Affairs Commissariat to Mongolia O. I. Makstenek: Exploring Russian and foreign archives. In: Alikberov A. K., Bakaeva E. P. et al. (eds.) *Oriental Archives and Archival Science in the Contemporary World: Problems and Prospects*. Congress abstracts (October 5–8, 2021). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2021. Pp. 95–98. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. The First Representative of RSFSR People’s Foreign Affairs Commissariat to Mongolia O. I. Makstenek: Celebrating the 100th anniversary of the 1921 Mongolian Revolution. In: Khishigt N. et al. (comps.) *The Centenary of the People’s Revolution of 1921: Past and Present*. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2021. Pp. 113–121. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. The forgotten diplomat: Celebrating the 100th anniversary of Russia–Mongolia diplomatic relations. *Vorontsovo Pole*. 2021. No. 3. Pp. 44–50. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D. Troitskosavsk — a cradle of the 1921 Mongolian Revolution. In: Goncharov Yu. M., Shaidurov V. N. (eds.) *Modern Historical Studies of Siberia, 18th to Early 20th Centuries: Celebrating the 75th Birthday of Professor V. A. Skubnevsky*. Vol. IV. St. Petersburg: Mediapapir, 2020. Pp. 171–184. (In Russ.)
- Kuras L. V., Tsybenov B. D., Khishigt N. Comintern and Mongolia: Preparing and implementing the Revolution of 1921. In: *Comintern and the East. Celebrating the 100th Anniversary of the Comintern*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2021. Pp. 314–324. (In Russ.)
- Kurguzov P. V. Troitskosavsk – Kyakhta – Maimaicheng: Historical events in the spring of 1921. In: Parmon V. N., Bazarov B. V. (eds.) *Russia and Mongolia, 20th–21st Centuries: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution and Diplomatic Relations*. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. Pp. 24–26. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. *History of Baron Ungern: A Reconstructed Biography*. O. Batsaikhan, A. Yefimenko. Moscow: KMK, 2011. 659 p. (In Russ.)

- Lenin V. I. Backward Europe and progressive Asia. In: Lenin V. I. Complete Works. Moscow: Politizdat, 1958. Vol. 23. Pp. 167–168. (In Russ.)
- Lenin V. I. The awakening of Asia. In: Lenin V. I. Complete Works. Moscow: Politizdat, 1958. Vol. 23. Pp. 145–146. (In Russ.)
- Lishtovannyi E. I. The Mongolian world in transnational history of the first quarter of the 20th century. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2017. No. 3 (27). Pp. 182–184. (In Russ.)
- Lonjid Z., Batsaikhan O. (comps.) Chieftain Danzan. T. Lkhagvaa (ed.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1995. 63 p. (In Mong.)
- Mukhachev B. I. Aleksandr Krasnoshchekov: A Historical and Biographical Essay. Vladivostok: Far Eastern Branch of the RAS, 1999. 284 p. (In Russ.)
- Onoshko V. B. The Frontier Uyezd Committee: An Essay [on Troitskosavsk Uyezd Party Committee]. Khabarovsk: Khabarovsk Book Publ., 1968. 192 p. (In Russ.)
- Political Katorga and Exile: A Biographical Reference Book of the Society's Members. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, 1929. 332 p. (In Russ.)
- Punsaldulam B., Khishigt N. The Mongolian Revolutions of 1911 and 1921: A Review of Foreign Historiography. Ulaanbaatar, 2007. 208 p. (In Mong.)
- Pürev O. The First Prime Minister of the People's Government. Ulaanbaatar: Monsudar, 2001. 68 p. (In Mong.)
- Roshchin S. K. D. Sükhbaatar: The National Hero of Mongolia (Biographical Details). Ulaanbaatar: Selenge Press, 2011. 280 p. (In Mong.)
- Roshchin S. K. Political History of Mongolia, 1921–1940. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 325 p. (In Russ.)
- Sablin I. V. 'Wilson moment' in the Eastern Front: war, nationalism, and Buddhism in Siberia and Mongolia. In: Filippova T. A. (comp.) The First World War in 'Eastern Dimension'. Collected scholarly papers. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2014. Pp. 135–136. (In Russ.)
- Shirendev B. History of the Mongolian People's Republic. Vol. 3: Contemporary Era. B. Shirendev, Sh. Natsagdorj et al. (eds.). Ulaanbaatar: People's Print Media Department, 1969. 791 p. (In Mong.)
- Shirendev B. History of the Mongolian People's Revolution of 1921. Moscow: Nauka–GRVL, 1971. 399 p. (In Russ.)
- Shirendev B. History of the Mongolian People's Revolution. D. Gongor (ed.). Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1969. 493 p. (In Mong.)
- The First Congress of the Mongolian People's Party. Verkhneudinsk: Buryat Mongolia People's Publ. House, 1931. 49 p. (In Mong.)
- Tsybenov B. D., Kuras L. V. 'The word 'diplomacy' sounds weird when articulated by a Communist ...': Representative of RSFSR People's Commissariat of Foreign Affairs O. I. Makstenek and his diplomatic activities revisited. In: Kuznetsov S. I. et al. (eds.) Russia – Mongolia. The Century of Friendship. Jubilee conference proceedings. Irkutsk: Irkutsk State University, 2021. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Tsydenova L. B. Russia–Mongolia Friendship Museum: History and experience of cooperation. In: Parmon V. N., Bazarov B. V. (eds.) Russia and Mongolia, 20th–21st Centuries: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution and Diplomatic Relations. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. Pp. 136–138. (In Russ.)
- Zhernov E. With Ungern, and consequently with Japan. On: Kommersant (online media outlet). Posted on August 7, 2021. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4935635> (accessed: December 20, 2021). (In Russ.)
- Zhuravlev V. V. (comp., ed.) Welcome Addresses to the Supreme Leader and Commander-in-Chief of All Russian Land and Sea Forces Admiral Alexander V. Kolchak, November 1918 — November 1919. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2012. 560 p. (In Russ.)

УДК / UDC 94(47).084.9

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-37-48

Первая семилетка. Калмыцкое здравоохранение в 1959–1965 гг.

Маргарита Владимировна Бадугинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бадугинова М. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются годы восстановительного периода сферы здравоохранения Калмыкии после возвращения калмыцкого народа в 1957 г. из ссылки. Хронологические рамки охватывают период первой семилетки в СССР — с 1959 г. по 1965 г. *Цель* статьи — исследование состояния сферы здравоохранения на территории Калмыкии в указанный период. *Материалы и методы.* Основными источниками для исследования стали архивные документы Национального архива Республики Калмыкия. В статье используются как общенаучные (анализ, сравнение) так и специальные исторические методы. Применение историко-системного метода позволило раскрыть взаимосвязи государственной политики и изменений, происходивших в республиканском здравоохранении. Кроме того, использовались количественный (статистический) метод и проблемно-хронологический принцип. *Результаты.* С восстановлением автономии Калмыкии система ее здравоохранения становится частью общегосударственной системы здравоохранения и выстраивает свою работу в соответствии издаваемыми федеральными нормативно-правовыми актами. В этот период закладывается база для дальнейшего развития системы здравоохранения республики, в регионе появляется специализированная медицинская помощь, открываются новые лечебные учреждения. Увеличиваются бюджет здравоохранения республики и финансирование строительства региональной сети лечебно-профилактических учреждений. *Выводы.* Участие государства, которое выразилось в финансовом, материально-техническом, кадровом обеспечении, в целом положительно отразилось на развитии системы здравоохранения республики и заложило основы для дальнейшего его развития.

Ключевые слова: первая семилетка, история здравоохранения, медицина, Калмыцкая автономная область, Калмыцкая АССР, капитальное строительство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бадугинова М. В. Первая семилетка. Калмыцкое здравоохранение в 1959–1965 гг. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 37–48. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-37-48

The First Seven Years: Kalmykia's Public Healthcare in 1959–1965

Margarita V. Baduginova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Baduginova M. V., 2022

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the recovery period of Kalmykia's healthcare system after the 1957 return of Kalmyk people from deportation. The chronological framework coincides with the first Soviet seven-year plan — from 1959 to 1965. *Goals.* The paper aims to examine actual conditions of the healthcare sector in Kalmykia during the period examined. *Materials and methods.* The work mainly explores archival documents from the National Archives of Kalmykia, it employs both general scientific (analysis, comparison) and special historical research methods. The historical systemic method makes it possible to reveal the relationship between government policy and the changes that took place in the republican healthcare. The quantitative (statistical) method and the chronological principle prove as instrumental in achieving objectives set forth. *Results.* After the restoration of autonomy, the healthcare system of the republic becomes part of national health services to build its work in accordance with certain federal regulations. The period witnesses the establishment of foundations for further development of Kalmykia's healthcare, emergence of specialized medical aid, and opening of new medical institutions. The health budget of the republic and subsidization for the construction of a regional medical institutions network were increasing. *Conclusions.* The participation of the Government manifested in financial, material, technical support and staffing had a definitely positive effect on the development of the republic's healthcare system and laid the foundation for its further growth.

Keywords: first seven-year plan, history of healthcare, medicine, Kalmyk Autonomous Oblast, Kalmyk ASSR, major construction

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Baduginova M. V. The First Seven Years: Kalmykia's Public Healthcare in 1959–1965. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 37–48. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-37-48

Введение

В региональной историографии исследованиям по здравоохранению Калмыкии постдепортационного периода посвящено не так много работ. В основном это статьи в сборниках или фрагментарные упоминания в исследованиях, посвященных общему экономическому, политическому и социальному развитию республики [Максимов 2009: 610–641].

К ним относятся параграф о развитии системы здравоохранения во 2-й половине XX в. [Очилов, Сусеев 2009: 591–607], небольшая статья в очерках истории Калмыцкой АССР [Очерки 1970: 265–266], статьи в юбилейных сборниках к 100-летию столицы Калмыцкой АССР Элисты [Сусеев 1965] и 50-летию Октябрьской революции [Дойникова, Сусеев 1967].

Отдельно можно выделить «Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра)» П. Н. Сусева [Сусеев 2006], где более широко рассматривается становление и развитие системы здравоохранения Калмыкии, затрагивается как дореволюционный период, так и 80-е гг. XX в.

К 100-летию республиканской больницы была издана книга [Ресбольница 2002], которая знакомит с историей создания лечебного учреждения, отдельные очерки в ней посвящены работникам здравоохранения республики и образованию специализированных служб и отделений больницы.

Непосредственно первым годам (1957–1967 гг.) развития системы здравоохранения и оказания лечебной помощи населению Калмыкии посвящена диссертация Л. В. Наминова [Наминов 1968]. В данной работе изучены заболевания терапевтического профиля, распространенные в Калмыкии, а также организация врачебной помощи населению республики.

К сожалению, данная тема не являлась объектом отдельного исследования, и большинство имеющихся публикаций и работ носят обзорный характер. Поэтому в настоящей статье будет более подробно рассмотрен период, охватывающий первую семилетку после восстановления Калмыцкой АССР.

Материалы и методы

В статье используются как общенаучные (анализ, сравнение), так и специальные исторические методы. Применение историко-системного метода позволило раскрыть взаимосвязи государственной политики и изменений, проходивших в республиканском здравоохранении. Кроме того, использовались количественный (статистический) метод и проблемно-хронологический принцип.

Основными источниками для исследования послужили ранее не введенные в научный оборот документы из фонда Министерства здравоохранения Калмыцкой АССР, находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Калмыкия [НА РК. Ф. Р-9]. В работе использовались нормативно-правовые акты по здравоохранению, принятые органами исполнительной власти СССР и РСФСР, и стенографические отчеты съездов КПСС.

Первые семь лет калмыцкого здравоохранения (1959–1965 гг.)

Период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. нанес большой урон всем сферам жизнедеятельности страны. Были разрушены города, села и деревни, погибли миллионы людей, в том числе уничтожена и разграблена материально-техническая база здравоохранения.

Тем не менее начавшийся после войны восстановительный период позволил к 1950 г. не только достичь довоенного уровня, но и увеличить число больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, диспансеров, больничных коек, врачей и среднего медицинского персонала. «Число врачей с 14,6 на 10 тыс. населения в 1950 г. выросло до 23,9 в 1965 г.; средних медицинских работников с 39,6 до 73,0; число коек в больницах возросло с 57,7 до 96,0 на 10 тыс. населения; число поликлиник и амбулаторий достигло 36,7 тыс., женских консультаций и поликлиник для детей — 19,3 тыс. В 1965 г. за 4 послевоенные пятилетки финансирование на здравоохранение подошло к рекордной цифре — 6,5 % ВВП, выше которой оно уже никогда не поднималось» [Лисицын 2008: 213].

В этой связи показателен тот факт, что во втором десятилетии XXI в. «государственные расходы на здравоохранение в России отстают от стран Европейского союза в 1,5–2,5 раза, а в расчете на душу населения — в 2–4 раза. Относительная доля государственных расходов в ВВП страны в 2018 г. составила 3,2 % (3,6 % в 2016 г.). Для сравнения: в таких странах, как Дания, Германия, Бельгия, Япония, эта доля превышает 9 %. В рейтинге стран мира по эффективности систем здравоохранения, составленном агентством Bloomberg, в котором учитываются доля расходов на здравоохранение в ВВП на душу населения и ожидаемая продолжительность жизни, в 2018 г. Россия занимала последнее место» [Демидова, Каяшева, Демьяненко 2021: 103].

В 50-х гг. XX в. завершается послевоенный период восстановления, и начинается переход на экстенсивное развитие всех отраслей экономики. На внеочередном XXI съезде КПСС (27 января – 5 февраля 1959 г.) был утвержден новый план развития народного хозяйства страны, озвучены контрольные цифры и задачи на предстоящие годы. Одними из главных были: увеличение производства во всех отраслях экономики на базе преимущественного развития тяжелой индустрии, технический прорыв во всех отраслях народного хозяйства, увеличение производительности общественного труда, а также присущие тому времени идеологические и политические задачи. В сфере здравоохранения семилетним планом предусматривалось «улучшение охраны здоровья и медицинского обслуживания населения, на которое за семилетие будет выделено 360 млрд рублей» [Съезд 1959: 20–21, 48, 52, 63].

Но расширение системы учреждений здравоохранения в этот период не дало положительных перемен в общественном здоровье. На Всесоюзном съезде врачей в 1987 г. академик Е. И. Чазов отмечал, что «в конце 1950-х – начале 1960-х годов все яснее стали обозначаться изменения в структуре заболеваемости населения страны. Среди причин утраты трудоспособности и смерти ведущее место заняли различные формы неинфекционной патологии — сердечно-сосудистые, онкологические заболевания, заболевания легких, диабет и т. д. Новая обстановка требовала новых научно-методических подходов, требовала перестройки здравоохранения еще в 1950–1960 гг. Однако был упущен момент, когда от количественных показателей развития здравоохранения надо было осуществить качественный скачок на основе дополнительного финансирования, иного подхода к использованию ресурсов, поиска новых форм и методов работы всех звеньев здравоохранения с включением материальных стимулов, наконец, с новым подходом к подготовке кадров» (цит. по: [Прохоров 2001: 26]).

Экстенсивное развитие здравоохранения в первую семилетку, а затем и в последующие годы сказалось на качестве оказываемой медпомощи. Позже это нашло отражение в постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР от 5 июля 1968 г. № 517 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки» [Постановление 1968]. В документе вместе с положительными изменениями отмечались и серьезные проблемы. Были недостатки в обеспечении лекарствами, медленно расширялась сеть аптек, учреждения здравоохранения все еще были недостаточно оснащены автотранспортом, современным оборудованием и инвентарем; строительство учреждений здраво-

охранения в ряде республик, краев и областей осуществлялось неудовлетворительно, качество строительства было низкое, средства, выделяемые на эти цели, из года в год использовались не полностью, многие проекты учреждений здравоохранения не отвечали современным требованиям медицинской науки и техники и т. д. [[Постановление 1968](#)].

Несмотря на многие отрицательные результаты этого периода, в первую семилетку страна переходила от восстановления к усиленным темпам развития. К сожалению, в Калмыкии только начинался восстановительный период, и республика существенно отставала во многом от остальной части страны. Необходимо отметить, что такая ситуация была характерна еще для некоторых восстановленных автономий в составе советского государства — тех, которые тоже были ликвидированы в 40-х гг. XX в., а их народы незаконно были подвергнуты репрессиям и отправлены в ссылку.

В конце 1950-х гг. здравоохранение республики вновь становится неотъемлемой частью системы здравоохранения страны с централизованно разрабатываемым планом для всех административно-территориальных образований советского государства. И если в масштабах страны система здравоохранения продолжала постепенное развитие, то калмыцкое здравоохранение начинало заново, с «нуля», выстраивать свою систему.

В 1960 г. выходят постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 14 января 1960 г. № 58 «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» и бюро ЦК КПСС и Совмина РСФСР от 26 марта 1960 г. № 427 «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения РСФСР» [[Постановление 1960а](#); [Постановление 1960б](#)]. Данные постановления были направлены во все территориальные органы здравоохранения и на ближайшие годы являлись одними из основных документов по формированию системы здравоохранения. «Мартовское» постановление, по сути, дублировало «январское» постановление, оба документа затрагивали широкий круг вопросов и задач по расширению и укреплению материальной базы здравоохранения.

В соответствии с этими документами за 1959–1964 гг. в Калмыкии были увеличены ассигнования на капитальное строительство объектов здравоохранения и сам бюджет здравоохранения (см. таблицу 1).

Таблица 1. Бюджет здравоохранения и его исполнение¹
[Table 1. Health budget and its implementation]

Годы	Предусмотрено бюджетом в млн руб.	Исполнено в млн руб.	% исполнения
1959	3 016,6	2 797,3	90,2
1960	3 430,1	3 273,6	95,4
1961	3 943,0	3 725,0	94,5
1962	4 365,0	4 172,0	95,5
1963	4 796,1	4 882,0	102,0
1964	4 895,0	5 223,0	106,7

¹ [[НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 806. Л. 1–2](#)].

Как видно из таблицы 1, бюджет здравоохранения республики увеличился более чем в 1,5 раза, а процент исполнения к концу периода и вовсе начал перевыполняться, чего нельзя было сказать о капитальном строительстве (см. таблицу 2).

Таблица 2. Капитальное строительство и его исполнение¹

[Table 2. Major construction and its implementation]

Годы	План в тыс.руб.	Исполнено в тыс.руб.	% исполнения
1959	401,3	258,9	64,5
1960	309,2	277,1	89,5
1961	250,0	253,0	101,0
1962	392,0	132,0	33,6
1963	550,0	446,0	81,0
1964	420,0	251,0	60,0

Как видно из таблицы 2, исполнение плана по капитальному строительству шло с переменным успехом. Если в первые годы с 1959 по 1961 гг. был постепенный рост денежного освоения и даже его небольшое перевыполнение в 1961 г. (101 %), то в последующие годы отмечается снижение его исполнения. Например, в 1962 г. денежные ассигнования были освоены только на треть от запланированного.

Из-за неудовлетворительного выполнения плана строительства подрядными организациями средства на строительство объектов периодически удерживались Советом Министров РСФСР, что существенно задерживало прогресс системы здравоохранения в республике [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 19. Л. 2].

28 октября 1958 г. министром здравоохранения Калмыцкой АССР была назначена Евдокия Дойникова², работавшая заведующей поликлиническим отделением и заместителем главного врача по лечебной части в г. Степной (Элиста). Как вспоминал о том времени П. Н. Сусеев³, назначенный замести-

¹ [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 806. Л. 2].

² Дойникова Евдокия Александровна (1922–1999), участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1952 г. окончила Ставропольский медицинский институт. Работала заведующей отделом здравоохранения г. Белгорода, врачом-хирургом, заведующей отделением, заместителем главного врача больницы г. Степной (Элиста). В 1958 г. на I сессии Верховного Совета Калмыцкой АССР утверждена министром здравоохранения Калмыцкой АССР (1958–1971). Награждена орденом «Отечественной войны II степени», медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Калмыцкой АССР».

³ Сусеев Плехан Николаевич (1926–2009), участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1953 г. окончил Бийскую фельдшерско-акушерскую школу, в 1959 г. — Казахский мединститут, одновременно работал фельдшером Алма-Атинской станции скорой помощи. После окончания вуза вернулся в Калмыкию, работал врачом штаба МПВО, хирургом и начальником медсанчасти МВД Калмыцкой АССР. В 1962–1971 гг. был зам. министра, в 1971–1985 гг. — министром здравоохранения Калмыцкой АССР. Награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степ., 18 медалями, ему были присвоены почетные звания «Заслуженный врач Калмыцкой АССР», «Заслуженный врач Российской Федерации», «Почетный гражданин Республики Калмыкия».

телем министра здравоохранения КАССР (на тот момент): «Это были тяжелые годы для нашей республики: не было материально-технической базы здравоохранения, не хватало врачей и медицинских кадров, показатель инфекционной заболеваемости был высоким, не хватало элементарных вещей для оказания медицинской помощи» [Сусеев 2006: 201].

Перед здравоохранением Калмыкии, начавшим в 1959 г. реализацию семилетнего плана, стояла трудная задача — «догнать» потерянное за 13 лет депортации калмыцкого народа. Прежде всего, республика нуждалась в укреплении материально-технической базы, поэтому на капитальное строительство объектов здравоохранения на период 1959–1965 гг. было запланировано выделение 4,3 млн рублей. В титульном списке строительства была организация специализированной помощи, чтобы заболевшие получали необходимое лечение, не выезжая за пределы республики: республиканская больница, онкологический, трахоматозный и другие диспансеры, роддом, психоневрологическая и районные больницы, а также восстановление поликлиники и реконструкция существующей больницы в г. Элисте.

Для выполнения плана ежегодно необходимо было осваивать по 600–700 тыс. рублей. В 1958 г. в бюджет здравоохранения Калмыкии на капитальное строительство было выделено 322 тыс. рублей, по титульному списку это были туберкулезный диспансер, инфекционная больница, восстановление поликлиники в г. Элисте и детские ясли в г. Элисте на 40 мест. По факту из-за невыполнения строителями своих обязательств по сдаче объектов в срок план был сорван, и 100 тыс. рублей были сняты постановлением Совета Министров РСФСР.

В 1959 г. из ассигнованных средств в сумме 254 тыс. рублей было использовано всего 1 829 рублей и строительство родильного дома, включенного в титульный список строительства объектов здравоохранения, так и не было начато. Это настолько обострило и без того трудное положение по родовспоможению, что в 1960 г. при вмешательстве обкома КПСС и Совета министров Калмыцкой АССР под родильный дом был передан недостроенный жилой дом по ул. Ленина в г. Элисте, причем строители должны были сдать его в эксплуатацию до сентября 1960 г., но сдали его только в марте 1961 г. Была затянута реконструкция больницы с августа 1959 г. по январь 1961 г. [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–2].

В 1962 г. в титульный список были включены недостроенные объекты инфекционной больницы, тубдиспансера и родильного дома. После неоднократных переделок инфекционный корпус был принят в первом квартале 1963 г., а родильный дом в ноябре этого же года. Только в декабре 1964 г. был сдан в эксплуатацию противотуберкулезный диспансер на 75 коек, который начали строить в 1960 г. [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 19. Л. 2–3].

Сеть лечебно-профилактических учреждений республики развивалась неравномерно, постепенный рост с 1959 г. по 1961 г. снизился в 1962 г. Некоторые фельдшерско-акушерские пункты были реорганизованы в участковые больницы, а часть и вовсе ликвидирована из-за отсутствия фельдшерско-акушерских кадров, что, конечно же, сказалось на доступности медицинской помощи на селе (см. таблицу 3).

Таблица 3. Развитие сети лечебно-профилактических учреждений¹
 [Table 3. Development of healthcare facilities network]

Годы	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Учреждения							
Городские больницы	5	7	8	8	11	13	13
Сельские больницы	50	50	53	53	53	53	53
Фельдшерско-акушерские пункты	158	180	168	132	134	136	160
Санэпидстанции	12	12	12	12	12	12	12
Прочие учреждения	13	13	12	13	15	23	32
Всего	238	262	250	218	225	237	270

В таблице 3 показано, что в этот период наблюдается постепенный рост городских больниц, которые с 5 учреждений в 1959 г. увеличились до 13 в 1965 г. По сравнению с городскими больницами, прирост больничных учреждений в сельской местности был не такой большой: всего 3 учреждения за всю семилетку. Без изменений осталась позиция по санэпидстанциям, зато количество прочих учреждений (в деле эта позиция не расшифрована, но можно предположить, что сюда входили остальные лечебно-профилактические учреждения республики: специализированные диспансеры, станции скорой и неотложной медицинской помощи, переливания крови, а также учреждения охраны материнства и детства. — М. Б.) к 1965 г. выросло почти в 2,5 раза. Наиболее неравномерно развивались фельдшерско-акушерские пункты, но, как отмечено выше, это было связано с их закрытием или реорганизацией из-за отсутствия квалифицированных кадров.

Число больничных коек к концу семилетки увеличилось почти вдвое с 500 единиц в 1959 г. до 1 050 единиц в 1965 г. в городах и с 700 единиц в 1959 г. до 1 145 единиц в 1965 г. в сельской местности. Количество больничных коек на каждые 10 тыс. населения увеличилось с 63,8 в 1959 г. до 95,0 в 1964 г., что было даже выше, чем прирост коечного фонда в целом по РСФСР с 78,7 до 91,9 в 1963 г.

Вместе с тем большой проблемой для республики было недостаточное количество коечного фонда для туберкулезных больных и отсутствие специализированной медицинской помощи для страдающих нервно-психическими расстройствами. К 1965 г. число койко-мест для заболевших туберкулезом возросло со 100 до 390 единиц, а в 1963 г. в Приютненском районе был открыт психоневрологический диспансер на 75 коек. Увеличивается количество аптек и аптечных пунктов с 167 в 1959 г. до 186 в 1964 г., клинико-диагностических лабораторий — с 12 до 18 и физиотерапевтических кабинетов с 9 до 12 единиц. Открыты зубопротезные кабинеты в Яшкуле, Приютном, оптическая мастерская в г. Элисте, были приобретены два передвижных флюорографа [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 806. Л. 3–5].

¹ [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 806. Л. 3].

История

Вместе с ростом числа учреждений здравоохранения предполагался и рост медицинских кадров. Но, несмотря на увеличивающееся из года в год финансирование и направление новых выпусков на работу в республику, дефицит в 50 % сохранялся на протяжении всего семилетнего периода (см. таблицу 4).

Таблица 4. Врачебные кадры¹
[Table 4. Physician personnel]

Годы	Врачи		Средние медработники	
	по штату	физических лиц	по штату	физических лиц
1959	339	167	979	850
1960	406	211	1 150	862
1961	450	252	1 300	865
1962	550	285	1 417	874
1963	538	306	1 300	994
1964	584	320	1 360	1 020
1965	640	320	1 890	1 020

Как видно из таблицы 4, в первые годы наблюдается небольшой прирост врачебных кадров, но, к сожалению, он так и не смог восполнить существовавшую потребность в специалистах. За семилетку число врачей фактически увеличилось только в 2 раза: с 167 в 1959 г. до 320 в 1965 г., хотя по штату необходимо было увеличение почти в 4 раза: до 640 в 1965 г. Такая же ситуация была и со средним медицинским персоналом. За эти годы фактический прирост составил всего 170 человек, тогда как необходимо было почти в 5 раз больше.

Особенно ощутимым был недостаток фтизиатров, рентгенологов, санитарных врачей. Онкологическая помощь в республике состояла из одного кабинета и врача, работавшего на 0,5 ставки. Все онкологические больные направлялись в г. Ставрополь и другие города [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 806. Л. 7–8].

За 1959–1965 гг. удалось добиться снижения по целому ряду инфекционных заболеваний: брюшной тиф снизился в 20 раз, дизентерия — в 3 раза, дифтерия в 8,2 раза, бруцеллез в 1,9 раз. Но зато возросли цифры по эпидемическому гепатиту (256 случаев в 1959 г. и 451 случай в 1965 г.) и кори (963 случая в 1959 г. и 2 353 в 1965 г.), что выбивалось из общей более или менее благополучной картины и говорило о все еще имеющихся недостатках в работе санитарно-эпидемиологических служб и лечебно-профилактических учреждений [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 808. Л. 3–4].

Выводы

С восстановлением автономии Калмыкии ее здравоохранение становится частью советской системы охраны здоровья. В первую семилетку перед Министерством здравоохранения Калмыцкой АССР стояло много трудных задач, что явилось на тот момент серьезным испытанием для руководства регио-

¹ [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 806. Л. 5].

нального ведомства. Большой проблемой для расширения сети лечебно-профилактических учреждений стала слабая строительная база.

Созданный республиканский строительный трест, не имея достаточно техники и опытных кадров, работал в основном на возведение одно- и двухэтажных жилых домов, поэтому вместо больниц строились одноэтажные здания типа общежития, которые затем приспособлялись под лечебные учреждения [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 614. Л. 24].

Неосвоение регионом выделенных ассигнований на строительство лечебных учреждений повлекло за собой штрафные санкции от государства, что в свою очередь отрицательно отразилось на доступности медицинской помощи для жителей Калмыкии.

В медицинском обслуживании населения тоже имелись серьезные недостатки. Лечебно-профилактические учреждения еще полностью не были готовы к работе, особенно в сельской местности: районные больницы не обеспечивали стационарной помощи населению, была слабо поставлена зубоветеринарная и зубопротезная помощь, диспансеризация больных, профилактическая и санитарная помощь, просветительская работа, медицинские работники редко посещали животноводческие фермы и чабанские бригады, плохо обстояли дела с обслуживанием детского населения, сеть детских и женских консультаций была малочисленна [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 22. Л. 2]. На протяжении этих лет стабильно сохранялся 50-процентный кадровый дефицит, имелся разрыв в доступности врачебной помощи между районами и городом.

С другой стороны, в эту семилетку в республике наблюдается постепенный рост больничной сети и коечного фонда, укрепляется материально-техническая база здравоохранения, наблюдается снижение заболеваемости некоторыми инфекционными болезнями, закладываются основы для специализированной медицинской помощи, открываются новые лечебные специализированные учреждения, клиничко-диагностические лаборатории, аптеки, аптечные пункты и физиотерапевтические кабинеты.

Участие государства, которое выразилось в финансовом, материально-техническом, кадровом обеспечении, в целом положительно отразилось на развитии системы здравоохранения республики и заложило основы для дальнейшего его развития.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Демидова, Каяшева, Демьяненко 2021 — Демидова О. А., Каяшева Е. В., Демьяненко А. В. Государственные расходы на здравоохранение и экономический рост в России: региональный аспект // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 1. С. 97–122.

Дойникова, Сусеев 1967 — Дойникова Е. А., Сусеев П. Н. На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 160–186.

Лисицын 2008 — Лисицын Ю. П. История медицины. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 400 с.

Максимов 2009 — Максимов К. Н. Возвращение калмыцкого народа и восстановление

- автономии // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 610–641.
- Наминов 1968 — *Наминов Л. В.* История организации здравоохранения и лечебной помощи в Калмыцкой АССР: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Ростов н/Д, 1968. 18 с.
- Очиров, Сусеев 2009 — *Очиров У. Б., Сусеев П. Н.* Развитие здравоохранения республики во 2-й половине XX века // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 591–607.
- Очерки 1970 — *Очерки истории Калмыцкой АССР: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Д. А. Чугаев.* Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Постановление 1960а — Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 14 января 1960 г. № 58 «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5492.htm (дата обращения: 24.12.2021).
- Постановление 1960б — Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР от 26 марта 1960 г. № 427 «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения РСФСР» [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5518.htm (дата обращения: 24.12.2021).
- Постановление 1968 — Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 5 июля 1968 г. № 517 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки» [электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6847.htm (дата обращения: 24.12.2021).
- Прохоров 2001 — *Прохоров Б. Б.* Организация здравоохранения в России в XX веке // Россия в окружающем мире: 2001 (Аналитический ежегодник) / отв. ред. Н. Н. Марфенин; под общей ред.: В. И. Данилова-Данильяна, С. А. Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. 332 с.
- Ресбольница 2002 — Республиканская больница им. П. П. Жемчуева (1902–2002). История. События. Люди / авт.-сост.: Д. Е. Буджалов, Н. Ю. Долгина, Т. М. Настаева, Л. И. Щеглова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 176 с.
- Сусеев 1965 — *Сусеев П. Н.* Народное здравоохранение // Элиста. 100 лет. Прошлое, настоящее, будущее / сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1965. С. 52–61.
- Сусеев 2006 — *Сусеев П. Н.* Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра) / отв. ред. У. Б. Очиров. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2006. 296 с.
- Съезд 1959 — Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 592 с.

References

- Budzhalov D. E. et al. (comps.) Zhemchuev Hospital of Kalmykia, 1902–2002: History, Events, Personalities. Elista: Dzhangar, 2002. 176 p. (In Russ.)
- Chugaev D. A. (ed.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. In 2 vols. Vol. 2: Socialist Era. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Decree of the Bureau of the CPSU Central Committee (RSFSR Branch) and RSFSR Council of Ministers of 26 March 1960 no. 427 On Measures for Further Improvement of Medical Treatment and Public Healthcare in the RSFSR. On: Library of Soviet Laws and Regulations (website). Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5518.htm (accessed: December 24, 2021). (In Russ.)
- Decree of the CPSU Central Committee and USSR Council of Ministers of 14 January 1960 no. 58 On Measures for Further Improvement of Medical Treatment and Public Healthcare

- in the USSR. On: Library of Soviet Laws and Regulations (website). Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5492.htm (accessed: December 24, 2021). (In Russ.)
- Decree of the CPSU Central Committee and USSR Council of Ministers of 5 July 1968 no. 517 On Measures for Further Improvement of Public Healthcare and Development of Medical Science. On: Library of Soviet Laws and Regulations (website). Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6847.htm (accessed: December 24, 2021). (In Russ.)
- Demidova O. A., Kayasheva E. V., Demyanenko A. V. Government spending on healthcare and economic growth in Russia: A regional aspect. *Spatial Economics*. 2021. Vol. 17. No. 1. Pp. 97–122. (In Russ.)
- Doynikova E. A., Suseev P. N. Safeguarding public health. In: Fifty Years under the Great October's Banner. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 160–186. (In Russ.)
- Lisitsyn Yu. P. A History of Medicine. Moscow: GEOTAR-Media, 2008. 400 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Return and restoration of autonomy. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 610–641. (In Russ.)
- Naminov L. V. Kalmyk ASSR: A History of Healthcare and Medical Treatment System. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1968. 18 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Suseev P. N. Development of republican healthcare system, mid to late 20th century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 591–607. (In Russ.)
- Prokhorov B. B. Development of public healthcare in 20th century Russia. In: Marfenin N. N., Danilova-Danilyan V. I., Stepanov S. A. (eds.) Russia and the Surrounding World: 2001 (Analytical Yearbook). Moscow: International Independent University of Environmental & Political Sciences, 2001. 332 p. (In Russ.)
- Suseev P. N. Essays on the History of Kalmykia's Health Service: An Executive's Memoirs. U. Ochirov (ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 296 p. (In Russ.)
- Suseev P. N. Public health service. In: Oglaev Yu. O. (comp.) Elista. 100th Anniversary. Past, Present, Future. Elista: Kalmykia Book Publ., 1965. Pp. 52–61. (In Russ.)
- The 21st Extraordinary Congress of the Communist Part of the Soviet Union. Minutes. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1959. 592 p. (In Russ.)

УДК / UDC 930+94

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-49-64

Монголия в историографическом наследии профессора И. И. Кузнецова

Сергей Ильич Кузнецов¹, Мария Сергеевна Мищенко^{2,3}

¹ Иркутский государственный университет (д. 1, ул. Карла Маркса, 664003 Иркутск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-9245-3554. E-mail: s.kuznetsov@mail.ru

² Иркутский государственный университет (д. 1, ул. Карла Маркса, 664003 Иркутск, Российская Федерация)

ассистент

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

аспирант

 0000-0002-2056-9291. E-mail: markuz97@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Кузнецов С. И., Мищенко М. С., 2022

Аннотация. *Цель статьи* — определить место Монголии и сюжетов, связанных с историей этой страны, в трудах известного советского и российского историка И. И. Кузнецова, оценить его вклад в изучение военного конфликта между Красной Армией и вооруженными силами Японии в 1939 г. у реки Халхин-Гол, а также охарактеризовать роль И. И. Кузнецова в подготовке мемуаров Ю. Цеденбала. *Материалы и методы.* Статья основана на анализе воспоминаний и переписки И. И. Кузнецова, материалов периодической печати и, главным образом, научных работ историка, посвященных рассматриваемой тематике. *Методология,* использованная при написании статьи, помимо такого общенаучного метода, как анализ, включает в себя специальные исторические методы: ретроспективный и хронологический. *Результаты.* В ходе исследования выделены хронологические рамки исследования И. И. Кузнецовым вопросов, связанных с событиями на реке Халхин-Гол, — с середины 1960-х по середину 1980-х гг. И. И. Кузнецов подготовил ряд статей и монографий, которые навсегда вписали его имя в историографию событий на Халхин-Голе. Помощь в подготовке воспоминаний Ю. Цеденбала стала также важной и интересной частью научного пути историка, хотя эта работа так и осталась неоконченной. *Выводы.* Проведенное исследование показало, что, хотя вопросы монгольской истории не были центральной темой в научных трудах И. И. Кузнецова, изучение событий, произошедших на реке Халхин-Гол, было важно при разработке другого исследовательского интереса историка — судеб Героев Советского Союза и подвигов, совершенных солдатами советской и монгольской

армий. Публикация трудов И. И. Кузнецова в Монгольской Народной Республике и СССР однозначно свидетельствует о важности проведенных им исследований судеб героев Халхин-Гола. Это подтверждает и сам факт приглашения И. И. Кузнецова к Ю. Цеденбалу для помощи в написании воспоминаний.

Ключевые слова: Халхин-Гол, советско-монгольские отношения, историография, Ю. Цеденбал, Монголия, мемуары, военное сотрудничество

Для цитирования: Кузнецов С. И., Мищенко М. С. Монголия в историографическом наследии профессора И. И. Кузнецова // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 49–64. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-49-64

Mongolia in Historiographic Heritage of Professor Ilya I. Kuznetsov

*Sergey I. Kuznetsov*¹, *Maria S. Mishchenkova*^{2,3}

¹ Irkutsk State University (1, Karl Marx St., 664003 Irkutsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-9245-3554. E-mail: s.kuznetsov@mail.ru

² Irkutsk State University (1, Karl Marx St., 664003 Irkutsk, Russian Federation)
Assistant Lecturer

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Postgraduate Student

 0000-0002-2056-9291. E-mail: markuz97@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kuznetsov S. I., Mishchenkova M. S., 2022

Abstract. Goals. The article aims to determine the place of Mongolia and plots related to the history of this country in works of the famous Soviet and Russian historian Ilya I. Kuznetsov, to evaluate his contribution to the study of the military conflict between the Red Army and armed forces of Japan in 1939 at the River of Khalkhin, and to characterize the role of I. Kuznetsov in preparing the memoirs of Yu. Tsendenbal. *Materials and methods.* The article analyzes memoirs and correspondence of I. Kuznetsov, materials of periodicals and mainly scientific works of the historian dealing with exploits of Soviet and Mongolian soldiers during the conflict on the Khalkhin Gol River. The methodology employed — in addition to the general scientific method of analysis — includes special historical research methods, i.e. the retrospective and chronological ones. *Results.* The study determines the chronological framework of issues related to events on the Khalkhin Gol River and studied by I. Kuznetsov — from mid-1960s to mid-1980s. The scholar prepared a number of articles and monographs that forever inscribed his name in the historiography of the events at Khalkhin Gol. Assistance in the preparation of Yu. Tsendenbal's memoirs also became an important and interesting part of the historian's scientific path, although this work remained unfinished. *Conclusions.* The study shows that despite issues of Mongolian history were not central to the scientific endeavors of I. Kuznetsov, his insights into the events on the Khalkhin Gol River were important in developing another research interest of the historian — destinies of Heroes of the Soviet Union and feats accomplished by soldiers of the Soviet and Mongolian armies. Publications of I. Kuznetsov's works in the Mongolian People's Republic and the Soviet Union unequivocally attest to the significance of his academic efforts aimed at exploring

destinies of the heroes of Khalkhin Gol. This is confirmed by the very fact the scholar was invited to assist Yu. Tsendenbal in writing the latter's memoirs. I. Kuznetsov was a historian with diverse scientific interests who with genuine enthusiasm tackled new research topics. The Mongolian theme is undoubtedly a significant contribution to his scientific background. And for the Mongolian people proper, the perpetuation of their compatriots' feats in the conflict at Khalkhin Gol was of great importance.

Keywords: Khalkhin Gol, Soviet-Mongolian relations, historiography, Yu. Tsendenbal, Mongolia, memoirs, military cooperation.

For citation: Kuznetsov S. I., Mishchenkova M. S. Mongolia in Historiographic Heritage of Professor Ilya I. Kuznetsov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 49–64. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-49-64

Введение

Сибирский историк, профессор Иркутского государственного университета И. И. Кузнецов (1925–2003) был достаточно хорошо известен своими многочисленными трудами по истории сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны. Студенческие годы И. И. Кузнецова пришлись на Великую Отечественную войну, что в целом определило сферу его научных интересов. Вместе с тем, как это часто бывает, в его творческой жизни появлялись новые сюжеты, в которые он погружался с не меньшим увлечением. Одним из таких сюжетов, лучше сказать, направлением его исследовательской деятельности, стала история советско-монгольского военного сотрудничества. Речь идет, прежде всего, о событиях на реке Халхин-Гол в 1939 г., которые стали предметом исследования И. И. Кузнецова с 1960-х гг. Однако монгольское направление в исследовательской деятельности И. И. Кузнецова не ограничилось военным конфликтом на Халхин-Голе: в 1975 г. И. И. Кузнецов получил приглашение в Монголию для работы в подготовке воспоминаний Генерального секретаря ЦК МНРП Юмжагийна Цеденбала (1916–1991).

О событиях у реки Халхин-Гол

Свидетельством большого политического и военного значения событий на реке Халхин-Гол в 1939 г. является то, что им посвящено множество работ. Традиционно их подразделяли на три группы: работы общеисторического характера, специальные военно-исторические исследования и мемуарно-публицистическую литературу. Большая их часть была опубликована в Москве, а к провинциальным изданиям следует отнести лишь немногочисленные очерки. Вместе с тем тема героизма советских и монгольских войск на Халхин-Голе нашла свое отражение в многочисленных трудах сибирского историка И. И. Кузнецова.

К теме Героев Советского Союза иркутский историк И. И. Кузнецов обратился еще в конце 1950-х гг., выпустив в 1957 г. небольшую книжку «Иркутяне — Герои Советского Союза», а в 1968 г. — уже солидную книгу «Защищая Отечество». Видимо, тогда же в поле его зрения попали и Герои, получившие это звание за участие в боях на реке Халхин-Гол в Монголии в 1939 г. Надо сказать, что историк никогда не ставил своей задачей полномасштабное военно-историческое исследование конфликта на Халхин-Голе. Это объяснялось

разными причинами и, прежде всего, недоступностью источников. В советской историографии к этому времени уже сложилась весьма определенная (изменившаяся, кстати, до настоящего времени лишь в малозначительных деталях) трактовка причин конфликта и оценка событий [Новиков 1971].

Все последующие исследования лишь повторяли уже общеизвестные факты и интерпретации успешного «советско-монгольского боевого сотрудничества» [Победа 1981]. Ничего иного в те годы быть не могло, да в тех обстоятельствах, пожалуй, и не требовалось.

Основным недостатком этой литературы было сокрытие или приуменьшение советских и монгольских потерь на Халхин-Голе, некоторых ошибочных тактических решений командования войск, недостатков в организации снабжения войск, несовершенства нашей техники, недостаточной подготовки личного состава и т. д.

Конфликт освещался как локальная победоносная война, и иные трактовки не допускались. Что касается западной и японской литературы, то она была малодоступна для провинциальных историков и обычно цитировалась (и критиковалась) на основе материалов специальных историографических статей [Зориг 1989].

Чаще всего указывалось, что «буржуазные» авторы представляют конфликт на Халхин-Голе как небольшой инцидент, не имевший важного значения. Причиной возникновения конфликта, как правило, считалось нарушение монгольскими солдатами маньчжурской границы и отсутствие четкого разграничения между этими государствами. В качестве причины боев рассматривалась даже захватническая политика Советского Союза и МНР по отношению к Японии и марионеточному государству Маньчжоу-Го [Dallin 1948: 4; Moore 1945: 7].

Другое отличие заключалось в том, что западные и японские авторы называли халхин-гольские события «конфликтом на Номонхане». К наиболее фундаментальным работам западных историков, на основании серьезных источников достаточно непредвзято рассматривающим историю Халхин-Гола, следует отнести книги американских историков Элвина Кукса [Coox 1977; Coox 1985] и Эдварда Дреа [Drea 1981].

Свой вклад в историографию халхин-гольских событий историк видел в другом. Эти события были в его работах лишь тем историческим фоном, на котором он показывал примеры героизма солдат и командиров Красной Армии. В своих воспоминаниях И. И. Кузнецов признавал, что, конечно, понимал, что крупного, обобщающего труда на материалах о Героях Советского Союза создать не удастся, но сбор материалов о Героях расширял его представления о войне; хотелось историку, по его выражению, также отдать должное этому своеобразному и многоликому отряду людей [Кузнецов 2001: 158].

С середины 1960-х гг. И. И. Кузнецов опубликовал несколько статей, в которых дал обзор событий на реке Халхин-Гол в 1939 г. [Кузнецов 1964] и характеристику основных этапов советско-монгольского военного сотрудничества [Кузнецов 1966а; Кузнецов 1966б].

Тогда же в журнал «История СССР» им была отправлена статья о некоторых Героях Советского Союза, получивших это звание за бои на Халхин-Голе.

Спустя некоторое время она была опубликована [Кузнецов 1968]. Статья имела фундаментальное значение в вопросе изучения халхин-гольских событий, так как в ней впервые в отечественной историографии были названы имена всех семидесяти Героев Советского Союза — халхин-гольцев.

В отечественной историографии 1950-х – начала 1960-х гг. имела хождение цифра о количестве героев — 31. Оказалось, что авторы того времени учитывали лишь указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 г., в то время как 17 ноября 1939 г. вышел второй указ о присвоении звания Героя участникам халхин-гольских боев [Кузнецов 1968: 93].

Публикации историка на данную тематику не заканчивались. В 1969 г. И. И. Кузнецов издал книгу «Подвиги Героев Халхин-Гола». Эта работа, выпущенная Бурятским книжным издательством, содержала не только материалы о Героях Советского Союза, участвовавших в боях у реки Халхин-Гол: И. И. Кузнецов сумел подготовить местный материал об уроженцах Бурятии, принимавших участие в халхин-гольских событиях [Кузнецов 1969].

Кроме того, были названы отдельные воины, награжденные орденами Ленина и Красного Знамени, описаны их боевые подвиги. Это были те, на кого у автора имелись биографические справки и кто стал генералом: И. М. Афонин, А. В. Ворожейкин, И. Ф. Кириченко, И. Н. Конев, Д. А. Лестев, В. А. Мишулин, М. И. Потапов и другие.

Основным источником для описания подвигов Героев Советского Союза были наградные документы, которые И. И. Кузнецов в течение нескольких лет изучал в Архиве Министерства Обороны в Москве. Биографические сведения историк получил из Главного управления кадров Министерства обороны и Управления кадров ВВС.

И. И. Кузнецов вел переписку и с самими Героями. Тогда, в 1960-е гг., многие из них еще были живы-здоровы. Переписка была налажена с генералами И. И. Красноюрченко, Т. Ф. Куцеваловым, М. Ф. Терехиным, А. В. Ворожейкиным и Н. Н. Заиюльевым.

Сведения поступали также от родных и близких Героев Советского Союза; важным источником была и периодическая печать. Все эти материалы, кропотливо собранные историком, помогли в деталях воссоздать биографии участников боев и обстоятельства совершения ими подвигов. В известной степени эти сведения дополняли историографию событий 1939 г. хотя бы в той ее части, которая укладывалась в их официальную трактовку.

Таким образом, к середине 1960-х гг. имя И. И. Кузнецова уже прочно вошло в советскую историографию халхин-гольских событий [Победа 1981: 59].

Естественно, что историк подумывал о возможности публикации результатов своих исследований и в МНР. Делу помог случай. В канун нового 1970 г. в Иркутск приехали монгольские военные историки, работники главного политического управления Монгольской армии — полковник Ж. Жамсранжав и генерал-майор Д. Цэдэв. И. И. Кузнецов в своих воспоминаниях писал, что, разговорившись с Д. Цэдэвом по вопросам истории, он узнал, что его собеседник очень интересуется событиями у реки Халхин-Гол, собирает по этой теме материал и фотографии (см. фото 1, 2). И. И. Кузнецов показал монгольскому коллеге свою брошюру, изданную в Улан-Удэ. В тот момент у них возникла

Фото 1. Участники боев у р. Халхин-Гол. Генерал И. Лакеев.
Празднование 40-летия событий, Улан-Батор, 1979

[*Photo 1.* Combat veterans of Khalkhin Gol. General I. Lakeev.
40th anniversary celebrations, Ulaanbaatar, 1979]

Фото 2. Участники боев на Халхин-Голе.
Празднование 40-летия событий, 1979 г. Улан-Батор

[*Photo 2.* Combat veterans of Khalkhin Gol.
40th anniversary celebrations, Ulaanbaatar, 1979]

общая мысль издать книгу И. И. Кузнецова в Монголии, расширив и дополнив ее новыми материалами, снабдив фотографиями.

Д. Цэдэв согласился быть редактором книги и сразу же взялся за дело, подключив Политуправление Монгольской армии, несколько раз разговаривал с Генеральным секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом по поводу издания книги. В результате энергичных усилий И. И. Кузнецова и Д. Цэдэва в 1978 г. государственное издательство Монголии выпустило книгу «Богатыри Халхин-Гола» на монгольском языке [Кузнецов 1978]. Книга вышла тиражом почти 8 тысяч экземпляров, который по монгольским меркам был довольно большим [Кузнецов 2001: 241].

Введение к данной работе написал сам Д. Цэдэв. В первой главе описывался ход боев на реке Халхин-Гол, а затем были приведены реляции на Героев Советского Союза — воинов Красной Армии и их биографические данные. Здесь же были приведены описания боевых подвигов воинов Монгольской народной армии, получивших звание Героя МНР в это время, и их биографические сведения. Это были Д. Гуулин, Л. Гэлэгбатор, Л. Дандар, Ч. Дугаржав, Д. Нянтайсурэн, Ц. Олзвой, Д. Самдан, Д. Хаянхарваа, П. Чогдон. Книга быстро разошлась и стала достаточно популярной.

В 1981 г. по предложению министерства культуры Монголии данная книга была опубликована и на русском языке под названием «Герои Халхин-Гола». В своих воспоминаниях И. И. Кузнецов отмечал, что содержание книги в основном осталось прежним. Только редактор книги, генерал Д. Цэдэв, посоветовал историку дать материал о службе Л. И. Брежнева в 6-й танковой бригаде в 1935–1936 гг. в г. Чите, так как эта бригада затем отличилась в боях у реки Халхин-Гол. Была дана большая фотография Л. И. Брежнева в танкистской форме. Так историки отдали дань прославлению генсека ЦК КПСС. За время, прошедшее с момента издания книги в 1978 г., звание Героя Монгольской Народной Республики было присвоено трем воинам монгольской армии (участникам боев в 1939 г. — С. К., М. М.): подполковнику С. Тумурбатору, старшине Н. Жамба и лейтенанту М. Экею. Материал об их подвигах, биографические справки и фотографии явились дополнением книги [Кузнецов 2001: 260–261]. Информация о них была опубликована и в советской научной периодике [Кузнецов 1984а].

Важность данных исследований для научных кругов и общественности подчеркивает и тот факт, что книга И. И. Кузнецова о героях Халхин-Гола издавалась не единожды. Третье, дополненное и исправленное издание книги И. И. Кузнецова «Герои Халхин-Гола» увидело свет в 1984 г. В предисловии генерал-майор монгольской армии Д. Цэдэв отмечает, что в своей книге И. И. Кузнецов на основе большого фактического материала дает правдивое представление о характере боевых действий у реки Халхин-Гол и личном участии в них каждого из героев-воинов советской и монгольской армии [Кузнецов 1984б: 10].

На книги И. И. Кузнецова, посвященные событиям на Халхин-Голе, было написано довольно много откликов и рецензий [Малиночка 1968; Ходий 1982; Кузьмин 1983; Исаев 1985]. Вероятно, есть смысл привести выдержки из наиболее интересных. Писатель К. М. Симонов, бывший летом 1939 г. журнали-

стом на Халхин-Голе, писал в 1979 г.: «...Есть интересные халхин-гольские новинки... Иркутский историк И. И. Кузнецов долгие годы занимается поисками неведомых героев Халхин-Гола. Он всех разыскал, серьезно описал их — получилась интересная книжка. Она только что вышла в Улан-Баторе, разумеется, на монгольском языке — спасибо тамошним оперативным издателям. Я знаю содержание книги — очень интересно!» [Мар 1979: 6].

Переписка историка с К. М. Симоновым по военно-историческим вопросам продолжалась в 1968–1976 гг. и частично была опубликована в сборнике писем писателя о войне [Симонов 1990: 546–547].

В стороне после выхода трудов о боях на Халхин-Голе не оставались и военные, принимавшие непосредственное участие в данном конфликте. Например, советский военачальник, маршал авиации В. А. Судец писал историку: «Уважаемый Илья Иннокентьевич! В 1969 г. Бурятское книжное издательство выпустило Вашу книгу „Подвиги героев Халхин-Гола“. Эта сравнительно небольшая по объему книга содержит яркий и обобщающий материал об участниках знаменательных событий, которым в нынешнем году исполняется 40 лет. Как Герой Монгольской Народной Республики и участник халхин-гольских событий я очень хотел бы заполучить эту книгу с вашим автографом, видного ученого-историка, занимающегося проблемами военной истории Сибири и Дальнего Востока» [Кузнецов Илья 2000: 18].

Вклад И. И. Кузнецова в разработку темы советско-монгольского военного сотрудничества отмечен в отечественной и зарубежной историографии, в том числе в недавних работах ученых-историков из Улан-Удэ и Иркутска. Известные историки, например Л. В. Курас и В. Ц. Ганжуров, отмечали проведенные И. И. Кузнецовым исследования монгольско-советского содружества и боевого братства в халхин-гольском конфликте.

В то же время ими было отмечено, что работы И. И. Кузнецова имели положительные отзывы в прессе, в научной среде и среди непосредственных участников тех событий. Для советской и монгольской историографии военной истории исследования этого конфликта как с событийной точки зрения, так и в разрезе изучения судеб героев боев (ярчайший пример — работы «Герои Халхин-Гола») были уникальным, совершенно новым направлением [Курас, Ганжуров 2010: 89–90].

Работы И. И. Кузнецова анализируются и в других публикациях; отмечается важность проделанной И. И. Кузнецовым работы по увековечению памяти героев боев при Халхин-Голе [Курас, Ганжуров 2009; Кузнецов 2012].

Прошло несколько десятилетий, не стало Советского Союза, ушли из Монголии наши военные, осталось в прошлом и понятие «советско-монгольская дружба». Ему на смену пришло «российско-монгольское военное сотрудничество». Появилось множество новой литературы, в которой можно встретить различные, иногда и диаметрально противоположные оценки событий 1939 г. в МНР. Книги И. И. Кузнецова в этом ряду не утратили своего значения — примеры образцового выполнения воинского долга как советскими, так и монгольскими воинами останутся в истории. Долг же историка был зафиксировать эти исторические факты и передать потомкам. Труды И. И. Кузнецова, посвященные событиям на реке Халхин-Гол и героям этих сражений, остаются

актуальными до сих пор, прочно войдя в историографию данного вопроса в отечественной исторической науке.

Мемуары монгольского лидера

В Советском Союзе во второй половине 1970-х гг. повсюду проходила кампания по подготовке мемуаров Л. И. Брежнева. На этой волне в Монгольской народной республике возникла схожая идея: организовать подготовку воспоминаний монгольского лидера, генерального секретаря МНРП Юмжагийн Цеденбала. У самого Ю. Цеденбала вряд ли могла возникнуть такая идея: он был слишком занят государственными делами и просто не имел времени для такой кропотливой и долгой работы. Однако на высшие политические круги МНР советский пример мемуаров политического лидера, вероятно, произвел большое впечатление. В связи с этим в 1975 г. назрел вопрос: кто будет консультировать Ю. Цеденбала и помогать ему в составлении и корректировке воспоминаний? Без сомнения, здесь требовался профессиональный историк, хорошо знакомый как с биографией Ю. Цеденбала, так и с историей СССР и МНР, способный проверить полученные от Ю. Цеденбала сведения в архивах.

В конечном итоге выбор пал на И. И. Кузнецова, к тому моменту уже хорошо известного в МНР своими трудами о героях Халхин-Гола. Без сомнения, тщательность, с которой И. И. Кузнецов подошел к описанию судеб и подвигов советских и монгольских воинов в боях при Халхин-Голе, имела немаловажную роль при выборе научного консультанта монгольского лидера. Переводом и редактированием работ И. И. Кузнецова, посвященных событиям на реке Халхин-Гол, в МНР занимался монгольский военный историк, генерал-майор Д. Цэдэв, служивший в то время в политуправлении Монгольской армии. Кроме того, Д. Цэдэв был другом Ю. Цеденбала с юных лет. Видимо, именно Д. Цэдэв оказал решающее влияние на выбор кандидатуры И. И. Кузнецова в качестве историка-консультанта для подготовки мемуаров Ю. Цеденбала. Кроме того, свою роль мог сыграть и знакомый с И. И. Кузнецовым выпускник исторического факультета Иркутского государственного университета, член Политбюро МНРП С. Жалан-Ажав. Так или иначе, историку была предоставлена уникальная возможность работы с монгольским лидером.

Сразу надо сказать, что реализовать эту идею о мемуарах так и не удалось. Причин здесь, видимо, было несколько: и чрезвычайная занятость монгольского лидера и его, в общем-то, довольно спокойное отношение к этому проекту. Он никого не торопил. И, хотя понимал необходимость подготовки такого издания, относился к этому достаточно спокойно. 23 апреля 1975 г. И. И. Кузнецов получил письмо от секретаря ЦК МНРП С. Жалан-Ажава (позже, в 1983 г., он по инициативе Ю. Цеденбала был выведен из состава Политбюро как «организатор разгромленной 20 лет назад антипартийной группировки») [Надилов 1995: 175]. В своем письме С. Жалан-Ажав писал, что в суровые годы Великой Отечественной войны Ю. Цеденбал посещал действующую армию, чтобы вручить подарки советским воинам от монгольского народа, имел многочисленные и интересные встречи и беседы с советскими руководителями, видными военачальниками. Возникла идея о создании на основе этих воспоминаний книги, которая бы имела неоценимое значение, по словам С. Жалан-Ажава, для воспитания трудящихся и молодежи Монголии в духе беззаветной верности

сти идеям ленинизма и нерушимой монголо-советской дружбы. Ранее он сообщил Ю. Цеденбалу об этой идее и о желании И. И. Кузнецова оказать помощь в ее осуществлении. Ю. Цеденбал с удовольствием дал свое согласие и выразил готовность принять И. И. Кузнецова у себя [Кузнецов 2001: 236–237].

В июне 1975 г. историк прибыл в Улан-Батор, где состоялась его первая встреча с Ю. Цеденбалом. Ю. Цеденбал, по воспоминаниям И. И. Кузнецова, оказался интересным и любознательным собеседником. Говорил он тихо, чуть хриплым голосом (все-таки человек находился накануне своего 60-летия) и как-то по-домашнему, доверчиво, как добрый дедушка. Без особых предисловий он поведал И. И. Кузнецову, что собирается подробно написать о своей учебе в Иркутске, только вот надо уточнить некоторые детали, а особенно имена, фамилии и отчества преподавателей. И просил в этом оказать ему помощь [Кузнецов 2001: 237–238]. Встреча была достаточно продолжительная, и в ее ходе Ю. Цеденбал поделился воспоминаниями об учебе на подготовительных курсах педагогического факультета Иркутского университета. Сокращенную запись этого рассказа И. И. Кузнецов приводит в книге своих воспоминаний [Кузнецов 2001: 237–239].

По возвращении в Иркутск эти записи беседы были доработаны, многие факты историк уточнил и дополнил в иркутских архивах. По результатам кропотливой работы была подготовлена общая канва, исторический фон мемуаров, но в этом было мало воспоминаний самого Ю. Цеденбала. Его личные оценки, детали предполагалось вставлять позднее уже в Монголии. После чего эта первая, черновая часть будущих воспоминаний (около 40 страниц машинописи) и подробный план-проспект воспоминаний были отправлены в Монголию.

Только через два года, в октябре 1977 г., состоялась вторая встреча историка с Ю. Цеденбалом. Она продолжалась два часа и была посвящена воспоминаниям о событиях на Халхин-Голе, во время которых Ю. Цеденбал, будучи министром финансов, по поручению правительства руководил снабжением советско-монгольских войск. Подробно рассказывал он о своих встречах с маршалами Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским. Вновь разговор вернулся к годам детства, а потом — учебы в Иркутске.

В 1979 г. И. И. Кузнецов был в Монголии на праздновании 40-летия боев на Халхин-Голе. Поехал он туда по личному приглашению Ю. Цеденбала, тогда же состоялась их очередная продолжительная беседа по поводу продолжения мемуаров (фото 3, 4): «В августе 1979 г. после окончания празднования 40-летия победы на Халхин-Голе задержался в Улан-Баторе по просьбе Ю. Цеденбала. Об этом было даже специальное сообщение в газете „Унэн“ 25 августа 1979 г. У меня сохранилась краткая запись беседы с Ю. Цеденбалом, произошедшей 23 августа, продолжалась она ровно час — с 16.00 до 17.00. Ю. Цеденбал обратился к образу маршала Г. К. Жукова. В марте 1943 г. С. Жалан-Ажав, который присутствовал при нашей беседе, сказал, что есть постановление ЦК МНРП о воспоминаниях Ю. Цеденбала, но оно пока не выполняется. Я в шутку заметил: „А Вы знаете, что полагается за невыполнение постановления?“. Ю. Цеденбал сразу среагировал: „Наказание!“ и заразительно засмеялся».

Позже к работе над мемуарами был привлечен журналист, корреспондент «Известий» Л. И. Шинкарев, который записывал рассказы Ю. Цеденбала о

Фото 3. И. И. Кузнецов
и Ю. Цеденбал, 1980 г.

[Photo 3. I. Kuznetsov and
Yu. Tsendenbal, 1980]

Пов. ч. к. Кузнецову
с глубоким уважением.
Ю. Цеденбал
2.7.80. г. Улан-Батор

Фото 4. Беседа И. И. Кузнецова с Ю. Цеденбалом

[Photo 4. Conversation between I. Kuznetsov and Yu. Tsendenbal]

послевоенных событиях на диктофон, чтобы впоследствии создать из этого продолжение мемуаров. И. И. Кузнецов в своих воспоминаниях пишет, что из встречи и беседы с Ю. Цеденбалом в июле 1980 г. (фото 4) он понял, что вопрос о мемуарах монгольского лидера так и не сдвинулся с места. Тогда историк обратился к корреспонденту «Известий» в Улан-Баторе Леониду Шинкареву, который до этого был корреспондентом по Восточной Сибири. И. И. Кузнецов попросил его взять на себя хлопоты по записи воспоминаний Ю. Цеденбала, на что Л. Шинкарев охотно согласился, тем более, что он имел необходимую технику и уже сделал несколько записей воспоминаний, сопровождая Ю. Цеденбала в поездке по его родному аймаку.

С 1981 г. И. И. Кузнецов не виделся с журналистом; в воспоминаниях историк отмечал, что не знает, до конца ли Л. Шинкарев выполнил начатое дело и какова судьба этих записей [Кузнецов 2001: 260].

Сам Л. Шинкарев так вспоминал те события: «В годы работы в Улан-Баторе Юмжагийн Цеденбал, лидер правящей монгольской партии, просил помочь ему написать автобиографию. Мы подолгу беседовали. Соратники ограничивали его рабочее время, просили поберечь даргу. Замысел Цеденбала остался неосуществленным» [Шинкарев 2004: 10].

Позднее Л. И. Шинкарев на основе собранных материалов и личных впечатлений написал большую книгу, в которой подробно рассматривает драматургию треугольника Цеденбал – Филатова – монгольское руководство. Его героев уже не было на свете, автор рассказывает о них достаточно откровенно, но деликатно. Но это, как говорится, уже другая история.

Мы можем только предполагать, почему эта «мемуарная история» не была доведена до конца — достоверных свидетельств не имеется. Одной из причин могло стать ухудшившееся здоровье Ю. Цеденбала. Ближайшие его соратники по политбюро видели, что состояние, особенно после XVIII партсъезда (1981 г.), стало заметно ухудшаться: постепенно падала работоспособность, участились провалы в памяти, он все больше отходил от практических дел [Надиров 1995: 73].

Нельзя сбрасывать со счетов и природную скромность Ю. Цеденбала. Достаточно вспомнить, что в 1980 г. он написал письмо руководству Института истории партии при ЦК МНРП, в котором требовал отказаться от ложного тезиса, будто ему, являющемуся якобы «выдающимся теоретиком», принадлежит заслуга в развитии марксизма-ленинизма, в «обогащении общественной мысли» [Надиров 1995: 85].

Вполне возможно, что в окружении Ю. Цеденбала были люди, которые, копируя советские образцы восхваления лидера, надеялись увидеть в этих мемуарах некое подобие «Малой земли» Л. И. Брежнева для всеобщего прочтения и изучения. Сам же он, по свидетельству И. И. Кузнецова, видел в мемуарах лишь ностальгические воспоминания, стремление рассказать о былом. Историк неоднократно подчеркивал, что Ю. Цеденбал был очень скромным в этом вопросе и согласился на эти воспоминания скорее под давлением своего окружения. Воспоминания в основном сводились к нескольким эпизодам из жизни Ю. Цеденбала, к которым он был готов возвращаться вновь и вновь.

В книге Ш. Надирова цитируется записка А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова и др. в Политбюро ЦК КПСС о положении в монгольском руководстве, подготовленная уже на излете политической биографии Ю. Цеденбала. Выражая обеспокоенность состоянием дел в Монголии, особенно кадровой политикой Ю. Цеденбала, ее авторы, констатируя необходимость освобождения монгольского лидера от занимаемых постов, советовали ему «сосредоточиться на обобщении своего опыта и написании мемуаров» [Надиров 1995: 108].

И. И. Кузнецов как истинный историк оставался до конца верен своему правилу — сохранять все документы и свои рукописи. В связи с этим в его архиве осталась и небольшая рукопись воспоминаний Ю. Цеденбала, хотя вряд ли историк рассчитывал, что у этой работы будет продолжение и она когда-то будет окончена и издана. Разумеется, И. И. Кузнецов не собирался использовать собранные материалы в каких-либо конъюнктурных целях. Тема его особенно не интересовала и оставалась в памяти историка как любопытный, в чем-то лестный эпизод в его научно-исследовательской биографии. С точки зрения историка, разумеется, данная рукопись не может быть причислена к мемуарам; скорее это были некоторые зарисовки исторического фона и отдельных событий в жизни Ю. Цеденбала, к тому же авторского в них было достаточно мало. Часть рукописи была опубликована в 2011 г. [Кузнецов, Кузнецов 2011].

На характер рукописи оказала решающее влияние сама историческая эпоха, в условиях которой готовился этот неоконченный труд. Для современного читателя многие идеологизмы выглядят в крайней степени архаично. Тем не менее нельзя отрицать, что и такой фрагмент может быть полезен при исследовании такой незаурядной личности, какой, без сомнения, был Ю. Цеденбал.

Выводы

Монголия в историографическом наследии И. И. Кузнецова занимает заметное место. Первая работа по истории Халхин-Гола была опубликована еще в 1964 г. [Кузнецов 1964], однако разработка данной тематики и впоследствии ее доработка проводилась историком вплоть до середины 1980-х гг. Всего им было опубликовано 4 книги и более 20 статей по вопросам военного сотрудничества СССР и МНР. Материалы, впервые введенные в научный оборот историком, имеют значение и в наши дни. Увековечение памяти героев боев на Халхин-Голе — важный итог многолетней работы И. И. Кузнецова в данном направлении.

Независимо от поставленных задач И. И. Кузнецова отличает кропотливость и скрупулёзность проводимых исследований. При подготовке воспоминаний Ю. Цеденбала, имевших, разумеется, свою специфику, историк провел большую работу по сбору материала, отражающего историческую канву, на фоне которой проходила жизнь монгольского лидера. Однако состояние здоровья Ю. Цеденбала, к сожалению, не позволило довести работу до конца: во время бесед Ю. Цеденбал вновь и вновь обращался к нескольким наиболее ярким воспоминаниям в его жизни, при этом упуская все остальное.

Литература

- Зориг 1989 — *Зориг Г.* Два подхода к истории сражений на реке Халхин-Гол // Япония: Экономика, политика, история / отв. ред.: Я. А. Певзнер, Д. В. Петров. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 270–273.
- Исаев 1985 — *Исаев Ю.* Из славной когорты. Книга о первых Героях Советского Союза. Рец. на кн.: Кузнецов И. И., Джога И. М. Первые Герои Советского Союза (1936–1939 гг.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982 // Восточно-Сибирская правда. 1985. 17 января. С. 3.
- Кузнецов Илья 2000 — Кузнецов Илья Иннокентьевич: к 75-летию со дня рождения (материалы к биобиблиографии) / сост. С. И. Кузнецов. Иркутск: Оттиск, 2000. 19 с.
- Кузнецов 1964 — *Кузнецов И. И.* У реки Халхин-Гол (к 25-летию разгрома японских захватчиков) // Военно-исторический журнал. 1964. № 7. С. 126–128.
- Кузнецов 1966а — *Кузнецов И. И.* Жить в дружбе, скрепленной кровью (о советско-монгольском боевом содружестве) // Байкал. 1966. № 4. С. 146–150.
- Кузнецов 1966б — *Кузнецов И. И.* Основные этапы советско-монгольского боевого содружества // Труды Иркутского института народного хозяйства. Вып. 1. Сер. обществен. наук / ред.: И. Д. Брин и др. Иркутск: [б. и.], 1966. С. 221–230.
- Кузнецов 1968 — *Кузнецов И. И.* Герои Халхин-Гола // История СССР. 1968. № 1. С. 93–106.
- Кузнецов 1969 — *Кузнецов И. И.* Подвиги героев Халхин-Гола. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 95 с.
- Кузнецов 1984а — *Кузнецов И. И.* Герои Монгольской Народной Республики — участники боев на реке Халхин-Гол // Военно-исторический журнал. 1984. № 6. С. 46–49.
- Кузнецов 1984б — *Кузнецов И. И.* Герои Халхин-Гола. Улан-Батор: Госиздат, 1984. 144 с.
- Кузнецов 2001 — *Кузнецов И. И.* Страницы жизни историка. Улан-Удэ: ИПК ВСГА-КИ, 2001. 315 с.
- Кузнецов, Кузнецов 2011 — *Кузнецов И. И., Кузнецов С. И.* Неоконченные воспоминания Ю. Цеденбала // Вестник Международного центра азиатских исследований. Иркутск, 2011. № 18: Монголия в XX веке: материалы Международной конференции. С. 114–138.
- Кузнецов 2012 — *Кузнецов С. И.* Историография вооруженного конфликта (Халхин-гольские события в трудах сибирского историка) // Исторический и правовой аспекты участия СССР и Российской Федерации в локальных конфликтах во второй половине XX – начале XXI вв.: мат-лы III межрег. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 16 декабря 2011 г.) / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2012. С. 101–108.
- Кузьмин 1983 — *Кузьмин Ю.* Герои Халхин-Гола // Восточно-Сибирская правда. 1983. 29 июня. С. 3.
- Курас, Ганжуров 2009 — *Курас Л. В., Ганжуров В. Ц.* Илья Кузнецов — историограф Халхин-Гола // 70 Years Since the Nomonkhan Incident (Battle of Khalkhin Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited by Imanishi Junko and Husel Borjigin. Tokyo: Fukosha, 2009. Pp. 455–465.
- Курас, Ганжуров 2010 — *Курас Л. В., Ганжуров В. Ц.* Профессор И. И. Кузнецов — летописец Халхин-Гола // Иркутский историко-экономический ежегодник / гл. ред. В. М. Левченко. Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та экономики и права, 2010. С. 89–98.
- Малиночка 1968 — *Малиночка И.* «Герои Халхин-Гола» — книга иркутянина в МНР // Восточно-Сибирская правда. 1968. 27 января. С. 3.
- Мар 1979 — *Мар Н.* Последний разговор // Литературная газета. 1979. 14 ноября. С. 6.

- Надиров 1995 — *Надиров Ш. Г.* Цеденбал. 1984 год. М.: ИД «БиГ-Н»; Вост. лит., 1995. 190 с.
- Новиков 1971 — *Новиков М. В.* Победа на Халхин-Голе. М.: Политиздат, 1971. 110 с.
- Победа 1981 — Победа на реке Халхин-Гол / АН СССР; Мин-во обороны СССР; Ин-т воен. истории; ред. П. А. Жилин. М.: Наука, 1981. 144 с.
- Симонов 1990 — *Симонов К. М.* Письма о войне (1943–1979). М.: Советский писатель, 1990. 720 с.
- Ходий 1982 — *Ходий В.* Герои известны. Рец. на кн.: Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола, Улан-Батор, 1981 // Восточно-Сибирская правда. 1982. 27 сентября. С. 3.
- Шинкарев 2004 — *Шинкарев Л. И.* Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия. Иркутск: Издатель Сапронов, 2004. 526 с.
- Кузнецов 1978 — *Кузнецов И. И.* Халхын Голын баатрууд (Нэмж засварласан хоердахь хэвэлэв). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1978. 128 с. (на монг. яз.).
- Сох 1977 — *Сох А. D.* The Anatomy of a Small War: The Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng/Khasan, 1938. Westport: Greenwood Press, 1977. 409 p.
- Сох 1985 — *Сох А. D.* Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Stanford: Stanford University Press, 1985. 1253 p.
- Dallin 1948 — *Dallin D. J.* Soviet Russia and the Far East. New Haven: Yale University Press, 1948. 398 p.
- Drea 1981 — *Drea E. J.* Nomonhan: Japanese-Soviet Tactical Combat, 1939 // Leavenworth papers. U. S. Army Command and General Staff College; Combat Studies Institute, 1981. 114 p.
- Moore 1945 — *Moore H. L.* Soviet Far Eastern Policy, 1931–1945. Princeton: Princeton University Press, 1945. 284 p.

References

- Coox A. D. Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Stanford: Stanford University Press, 1985. 1253 p. (In Eng.)
- Coox A. D. The Anatomy of a Small War: The Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng/Khasan, 1938. Westport: Greenwood Press, 1977. 409 p. (In Eng.)
- Dallin D. J. Soviet Russia and the Far East. New Haven: Yale University Press, 1948. 398 p. (In Eng.)
- Drea E. J. Nomonhan: Japanese-Soviet Tactical Combat, 1939. Leavenworth: U. S. Army Command and General Staff College; Combat Studies Institute, 1981. 114 p. (In Eng.)
- Isaev Yu. The Glorious Guards: One book about the first heroes of the Soviet Union. Book review: Kuznetsov I. I., Dzhoga I. M. First Heroes of the Soviet Union, 1936–1939. Irkutsk: Irkutsk State University, 1982. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1985, January 17. P. 3. (In Russ.)
- Khodiy V. Heroes are known. Book review: Kuznetsov I. I. Heroes of Khalkhin Gol. Ulaanbaatar, 1981. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1982, September 27. P. 3. (In Russ.)
- Kuras L. V., Ganzhurov V. Ts. Ilya Kuznetsov — historiographer of Khalkhin Gol events. In: Imanishi J., Borjigin H. (eds.) 70 Years Since the Nomonkhan Incident (Battle of Khalkhin Gol). Symposium proceedings (Ulaanbaatar). Tokyo: Fukosha, 2009. Pp. 455–465. (In Russ.)
- Kuras L. V., Ganzhurov V. Ts. Professor I. I. Kuznetsov — chronicler of Khalkhin Gol events. In: Levchenko V. M. (ed.) Irkutsk Yearbook of History and Economics. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law, 2010. Pp. 89–98. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. Heroes of Khalkhin Gol. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1983, June 29. P. 3. (In Russ.)
- Kuznetsov I. I. At the river of Khalkhin Gol: Celebrating the 25th anniversary of the victory over Japanese invaders. *Voenno-istoricheskiy zhurnal (Military Historical Journal)*. 1964. No. 7. Pp. 126–128. (In Russ.)

- Kuznetsov I. I. Enjoying friendship sealed in blood: Soviet-Mongolian military cooperation revisited. *Baykal*. 1966. No. 4. Pp. 146–150. (In Russ.)
- Kuznetsov I. I. Heroes of Khalkhin Gol and Their Deeds of Valor. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1969. 95 p. (In Russ.)
- Kuznetsov I. I. Heroes of Khalkhin Gol. 2nd ed., rev. and suppl. Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1978. 128 p. (In Mong.)
- Kuznetsov I. I. Heroes of Khalkhin Gol. *Istoriya SSSR (History of the USSR)*. 1968. No. 1. Pp. 93–106. (In Russ.)
- Kuznetsov I. I. Heroes of Khalkhin Gol. Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1984. 144 p. (In Russ.)
- Kuznetsov I. I. Heroes of the Mongolian People's Republic — combat veterans of Khalkhin Gol. *Voенно-istoricheskiiy zhurnal (Military Historical Journal)*. 1984. No. 6. Pp. 46–49. (In Russ.)
- Kuznetsov I. I. Pages from the Book of a Historian's Life. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 2001. 315 p. (In Russ.)
- Kuznetsov I. I. Soviet-Mongolian military cooperation: Key stages reviewed. In: Brin I. D. et al. (eds.) Transactions by Irkutsk Institute of National Economy. Vol. 1. Ser. 'Social Sciences'. Irkutsk, 1966. Pp. 221–230. (In Russ.)
- Kuznetsov I. I., Kuznetsov S. I. The unfinished memoirs of Yu. Tsendenbal. *Herald of the International Center of Asian Researches*. 2011. No. 18 (20th Century Mongolia. Conference proceedings). Pp. 114–138. (In Russ.)
- Kuznetsov S. I. (comp.) Celebrating the 75th Birthday of Ilya I. Kuznetsov: Biographical Materials. Irkutsk: Ottisk, 2000. 19 p. (In Russ.)
- Kuznetsov S. I. Historiography of the armed conflict: Battles of Khalkhin Gol in a Siberian historian's works. In: Skvortsov V. N. (ed.) The USSR and Russian Federation in Limited Wars, Mid-20th to Early 21st Century: Historical and Legal Aspects. Conference proceedings (St. Petersburg; December 16, 2011). St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2012. Pp. 101–108. (In Russ.)
- Malinochka I. Heroes of Khalkhin Gol — book authored by Irkutsk resident and published in the MPR. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1968, January 27. P. 3. (In Russ.)
- Mar N. Last conversation. *Literaturnaya gazeta*. 1979, November 14. P. 6. (In Russ.)
- Moore H. L. Soviet Far Eastern Policy, 1931–1945. Princeton: Princeton University Press, 1945. 284 p. (In Eng.)
- Nadirov Sh. G. Tsendenbal: The Year 1984. Moscow: BiG-N; Vostochnaya Literatura, 1995. 190 p. (In Russ.)
- Novikov M. V. Victory at Khalkhin Gol. Moscow: Politizdat, 1971. 110 p. (In Russ.)
- Shinkarev L. I. Tsendenbal and Filatova: Love, Power, Tragedy. Irkutsk: Saponov, 2004. 526 p. (In Russ.)
- Simonov K. M. Letters about War, 1943–1979. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1990. 720 p. (In Russ.)
- Zhilin P. A. (ed.) Victory at the River of Khalkhin Gol. Moscow: Nauka, 1981. 144 p. (In Russ.)
- Zorig G. Battles of Khalkhin Gol: Two historical approaches reviewed. In: Pevzner Ya. A., Petrov D. V. (eds.) Japan: Economy, Policy, History. Moscow: Nauka — GRVL, 1989. Pp. 270–273. (In Russ.)

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-65-82

Сотрудничество России и Монголии в научно-гуманитарной сфере: основные вехи (к столетию установления дипломатических отношений)

Иннокентий Галималаевич Актамов¹, Юлия Геннадьевна Григорьева²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 6670047, Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат педагогических наук, доктор философии (PhD), заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков»

 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13@gmail.com

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 6670047, Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0000-0003-4267-2465. E-mail: grigoreva-yulia23@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу развития гуманитарных связей между Советским Союзом (Россией) и Монгольской Народной Республикой (Монголией). В фокусе исследования — процесс культурного и научно-образовательного сотрудничества между странами, изучение основных механизмов и направлений взаимодействия за прошедшие сто лет со дня установления дипломатических отношений между странами. *Цель статьи* — осуществить краткий анализ нормативно-правовой базы реализации двусторонних отношений в гуманитарной сфере, а также выявить основные этапы развития отношений между странами в культурно-образовательной сфере. Это имеет принципиально важное значение с точки зрения создания прочных отношений между народами. *Материалы и методы.* Исследование проведено на основе анализа нормативно-правовых источников, публикаций, научной литературы. Авторы при написании статьи использовали историко-сравнительный, ретроспективный и хронологический методы. Это позволило проследить эволюцию развития двусторонних отношений в гуманитарной сфере в течение последних ста лет. *Результаты.* Определены основные этапы развития отношений в культурной и научной сферах, определены объективные причины охлаждения отношений между странами после распада СССР. Несмотря на стремление дистанцироваться от социалистического прошлого и идеологических основ в 1990-е гг. со стороны государств-преемниц СССР и МНР, культурные основы не претерпели принципиальной переоценки достижений. После 2000-х гг. начинается новый этап в развитии отношений между Россией и Монголией. Современный характер отношений достиг уровня всеобъемлющего стратегического партнерства. Одним из важных маркеров, характеризующих уровень и состояние двусторонних отношений,

является ряд научных мероприятий, проведенных в рамках празднования столетия установления дипотношений. В рамках данной работы выделены основные противоречия, возникающие между странами в современных условиях. Вместе с тем подчеркивается, что данные противоречия не носят системный характер. *Выводы.* В результате исследования авторы определили основные перспективы реализации совместных проектов для развития научно-гуманитарного направления сотрудничества, которые имеют принципиально важное значение с точки зрения создания прочных отношений между народами. Важная роль в развитии отношений между странами отводится подготовке кадров в высших учебных заведениях Советского Союза для монгольского государства. **Ключевые слова:** российско-монгольские отношения, СССР, МНР, гуманитарная сфера, научно-гуманитарное сотрудничество

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ — проекты «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия» (номер госрегистрации: 121031000302-9) и «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации: 121031000241-1).

Для цитирования: Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г. Сотрудничество России и Монголии в научно-гуманитарной сфере: основные вехи (к столетию установления дипломатических отношений) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 65–82. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-65-82

Milestones of Russia–Mongolia Scientific and Humanitarian Cooperation Revisited: Celebrating the Centenary of Diplomatic Relations

Innokentii G. Aktamov¹, Yulia G. Grigorieva²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (Pedagogy), PhD (History of Science), Head of Laboratory
 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13@gmail.com

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Junior Research Associate
 0000-0003-4267-2465. E-mail: grigoreva-yulia23@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Aktamov I. G., Grigorieva Yu. G., 2022

Abstract. Introduction. The study analyzes the development of humanitarian ties between the Soviet Union (Russia) and the Mongolian People's Republic (Mongolia). The work focuses on processes of cultural, scientific and educational cooperation between the countries, provides insight into main mechanisms and areas of interaction over the century of official diplomatic relations. *Goals.* The article aims at performing a brief analysis of the legal framework for the implementation of mutual relations in the humanitarian sphere, as well as at identifying key stages in the development of cultural and educational contacts, which is of utmost importance in terms of creating strong ties between nations. *Materials and methods.* The study examines

legal sources, publications, and scientific literature. *Results.* Ultimately, the paper determines main stages in the development of cultural and scientific cooperation, outlines objective reasons to have caused the cooling in relations between the countries after the collapse of the USSR. Despite the successor states of the USSR and the MPR were desperately seeking to distance themselves from the Socialist past and ideological foundations in the 1990s, the cultural essentials did not undergo any crucial reassessment of previous achievements. In the 2000s and onwards, a new stage in the development of relations between the Russian Federation and Mongolia has begun. The contemporary nature of interaction has reached the level of a comprehensive strategic partnership. One of the important markers characterizing the level and conditions of bilateral relations is the essential number of scientific events held as part of the centenary celebrations. The work highlights main contradictions that arise between countries under current conditions, though shows those contradictions are not actually systemic by nature. *Conclusions.* So, the study presents key prospects for the implementation of joint projects aimed at developing scientific and humanitarian cooperation that lay sound foundations of mutual relations. A special role therein was once played by professional training of Mongolia's citizens at Soviet universities.

Keywords: Russian-Mongolian relations, USSR, Mongolian People's Republic, humanitarian sphere, scientific and humanitarian cooperation

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000302-9 'The Oriental Languages and Archival Documents of the Peoples of Russia and Inner Asia in the Context of Inter-Civilization Interaction, 18th - Early 21st Centuries' and project no. 121031000241-1 'Historical Space of the Mongol World: Archaeological Cultures, Societies and States'.

For citation: Aktamov I. G., Grigorieva Yu. G. Milestones of Russia–Mongolia Scientific and Humanitarian Cooperation Revisited: Celebrating the Centenary of Diplomatic Relations. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 65–82. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-65-82

Введение

История взаимоотношений между Россией и Монголией в XX в. представляет научный интерес не только с точки зрения анализа политических отношений, но и изучения специфики развития гуманитарных связей. В ноябре 1921 г. были установлены дипломатические отношения между Советской Россией и Монголией. С указанного периода начинается история сотрудничества двух стран в XX в. Взаимодействие России и Монголии в гуманитарной сфере всегда занимало важное место в двусторонних связях. Это было обусловлено необходимостью решения вопросов развития социальной сферы. Первоочередной государственной задачей являлась ликвидация неграмотности. Принципиально важное значение имело решение высшего руководства Монголии от 9 ноября 1921 г. Об этом в своем исследовании пишет Т. И. Юсупова: «в целях ликвидации прежнего положения, когда Монголия была неграмотной, темной страной, в которой науки не изучались, а книг на монгольском языке было незначительное количество», создать Судар бичгийн хүрээлэн «для переводов самых важных иностранных книг и учебников на родной язык, просвещения народа и развития научных исследований» [Юсупова 2021: 79]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что наука и образование определялись как важная часть государственной политики Монголии. В русскоязычной традиции Судар бичгийн хүрээлэн стали называть Ученым комитетом (Учком).

Нормативно-правовые основы развития сотрудничества в гуманитарной сфере

Начиная с первой трети XX в. Монгольское государство начало активно перенимать опыт Советского Союза. В стране началась ускоренная модернизация общества — вновь была создана система всеобщего начального и среднего образования, которая призвана была решить в том числе и воспитательно-идеологические задачи. Особое социальное значение для монгольского государства имела организация системы здравоохранения [Бойкова 2001: 120–121].

В 1936 г. был подписан «Протокол о взаимной помощи», после которого Советский Союз получил правовые основы размещения военных частей на территории Монголии. Данный протокол определял принципы двусторонних отношений, в основу которых были заложены национальные интересы двух стран. Можно сказать, что это был определяющий документ, который так или иначе оказывал влияние на характер отношений во всех сферах.

В 1940 г. на очередном съезде Монгольской народно-революционной партии и Великого Народного Хурала были подведены основные итоги преобразований в социально-культурной сфере. По результатам была разработана обновленная программа строительства нового общества. Можно считать, что эта программа имела основополагающее значение в области реализации внутренней политики государства — Монголия переходит к решению задач социалистического строительства, формированию социалистической культуры [Алтанхуяг 2016: 175–180].

Для развития социальной сферы руководству МНР необходимо было решить проблему нехватки квалифицированных кадров для государства. В связи с этим решено было создать высшее учебное заведение — Монгольский государственный университет (Монгол Улсын Их Сургууль) [Их Сургууль].

В результате большой подготовительной работы и благодаря помощи Советского Союза первый монгольский вуз был открыт в 1942 г. Историческое значение данного события было отмечено и в СССР: 5 октября 1942 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР направил приветствие в адрес председателя Совета Министров МНР Хорлоогийн Чойбалсана: «Всесоюзный комитет по делам высшей школы по указанию советского правительства всегда оказывал, оказывает и будет оказывать помощь и поддержку развитию культуры в Вашей стране!» [Джагаева, Манжиков 2015: 262].

Монгольский государственный университет (Монгол Улсын Их Сургууль) на этапе организации состоял из трех факультетов, которые начали подготовку специалистов для наиболее востребованных сфер общества — образования, сельского хозяйства и здравоохранения. Соответственно, это были педагогический, зоологический и медицинский факультеты. Общее количество студентов составляло около 90 человек, а в 1946 г. был осуществлен первый выпуск специалистов [Актамов 2020: 224].

Первые годы существования университета были ознаменованы стремительным развитием, что отразилось на расширении перечня специальностей. Через десять лет после первого выпуска, в 1957 г., в составе Монгольского государственного университета вели подготовку экономической и истори-

ческий факультеты, факультет иностранных языков, факультет монгольской филологии.

При организации первого учреждения высшего профессионального образования невозможно переоценить открытие медицинского, ветеринарного, зоотехнического и агрономического факультетов. Вместе с тем, классическое университетское образование невозможно без математического, химического, биологического и физического факультетов, которые начали подготовку специалистов по своим направлениям. Данный факт следует считать одним из важнейших показателей качественного развития Монгольского университета. Общий контингент студентов, обучавшихся по образовательным программам в указанный период, превысил две с половиной тысячи человек [Актамов 2020: 223–224].

Как отмечает Т. И. Юсупова, «Договор о дружбе» между СССР и МНР от 1946 г. стал основополагающим документом, позволившим обеспечить политическую стабильность на Дальнем Востоке. Стабильность в политической сфере стала условием и стимулом для реализации сотрудничества по всем направлениям. Одновременно с Договором было подписано советско-монгольское «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве» [Юсупова 2018: 185]. В соответствии с данным документом началась реализация комплекса мероприятий в сфере культуры.

По прошествии десяти лет, в связи с решением поставленных задач, в 1956 г. был подписан новый документ — «Соглашение о культурном сотрудничестве». Новой формой совместной деятельности стал взаимный обмен научными сотрудниками на безвалютной основе [Юсупова 2021: 92–93].

Возвращаясь к задаче подготовки кадров, следует отметить, что, несмотря на сложности переходного периода, совместными усилиями советских и монгольских специалистов был реализован целый комплекс мероприятий. В результате к концу 1957 г. количество грамотных монголов в возрасте от 13 до 45 лет составило 93,4 %, а уже в начале 1970-х гг. МНР стала страной сплошной грамотности и вошла в ряд государств, обладающих высоким научным и культурным потенциалом [Энхбаяр 2011: 97].

Достижения в сфере образования в конце 1950-х гг. ожидаемо привели к расширению форм сотрудничества и повышению уровня научной коллаборации между странами. В результате в декабре 1960 г. в ходе визита делегации Комитета наук и высшего образования МНР было подписано очередное соглашение о научном сотрудничестве. Т. И. Юсупова отмечает: «это соглашение предусматривало координацию исследований по различным научным проблемам, проведение совместных работ, взаимное приглашение на научные мероприятия, установление связей между научными учреждениями, архивами и библиотеками, оказание взаимной помощи в приобретении материалов и приборов, литературы и документов. Делегацию монгольских ученых возглавлял председатель Комитета наук, один из авторитетнейших монгольских историков Б. Ширендыб, вскоре выбранный первым президентом Академии наук Монголии. Он внес большой вклад в дальнейшее развитие и укрепление российско-монгольского научного сотрудничества, активным инициатором и участником которого был сам» [Юсупова 2021: 94].

Достижения в научной сфере, качественные изменения в системе образования позволили пойти на организационные изменения в структуре науки: 16 мая 1961 г. был подписан указ о создании Академии наук МНР. Образование специализированного научного учреждения позволило не только систематизировать структуру научных кадров, но и постепенно увеличить количество сотрудников по различным направлениям исследований, организовать новые научно-исследовательские институты.

Подготовка кадров высшей квалификации для всех сфер общества получила особое развитие в 1980–1990 гг. По свидетельству Д. Энхбаяра, «в 1986–1990 годах из Монголии в советские вузы ежегодно направлялось до 1 300 чел., тогда как общее количество первокурсников из всех других стран, вместе взятых, составляло лишь 160 чел. в год» [Энхбаяр 2011: 97]. Таким образом, следует отметить, что к концу XX в. подготовка кадров для монгольского государства, в том числе и высшей квалификации, занимала особое место в гуманитарном сотрудничестве СССР с другими странами.

Геополитическая турбулентность и двусторонние отношения

В середине 80-х гг. XX в. в Советском Союзе начались масштабные изменения в социально-экономической и политической сферах. Данные процессы набрали критический заряд инерции, что в итоге привело к распаду государства. Обозначенный период характеризуется активизацией антисоветской риторики как в странах бывшего Советского Союза, так и в странах, ранее входивших единый социалистический блок.

«Демократическая эйфория», которая охватила эти государства, привела к тому, что были пересмотрены достижения предыдущего исторического периода, результаты советской эпохи, которые объективно не носили деструктивный характер. Следует отметить, что при помощи советского государства в отдельных странах, например, Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан), в XX в. была создана система всеобщего образования, высшего профессионального образования, проведена индустриализация промышленности и модернизация общества в целом.

Эти тенденции затронули и МНР. В результате в 1987 г. руководство Монголии приняло ряд решений, которые существенно повлияли на характер двусторонних гуманитарных связей. Одним из самых ярких показателей снижения уровня отношений является отмена государственного экзамена по русскому языку в университетах страны, а в 1988 г. отменили выпускной экзамен по русскому языку в общеобразовательных школах. По данным Д. Энхбаяра, «порядка 500 учителей русского языка остались без работы» [Энхбаяр 2011: 97].

Новое руководство Монголии предприняло следующий шаг и попросило отозвать специалистов из Советского Союза. Сокращение количества советских служащих, рабочих, учителей ожидаемо привело к снижению качества отношений в сфере образования, культуры, гуманитарной сферы в целом. Все, связанное с Советским Союзом, теперь преимущественно трактовалось не иначе как наследие «имперской политики», которое в новых условиях только мешало гармоничному развитию государства и от которого следовало избавиться [Актамов 2020: 224].

Вместе с тем этап охлаждения отношений не носил длительный характер. 20 января 1993 г. первый президент Монголии Пунсалмаагийн Очирбат прибыл в Москву с государственным визитом, по результатам которого был подписан «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве» между Монголией и Россией. В преамбуле к Договору было отмечено, что он основывается на «Декларации о дружбе и добрососедском сотрудничестве между МНР и РСФСР», подписанной 12 января 1991 г. Кроме того, была дана высокая оценка монголо-российскому соглашению от 05.11.1921 г. Договор 1993 г. заменял предыдущий «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» 1966 г. и был заключен на 20 лет с правом автоматической пролонгации на последующие пять лет, если ни одна из сторон не выразит желание внести изменения или отказаться от принятых обязательств [Договор 1993].

Договор 1993 г. стал первым документом подобного рода, подписанным на уровне глав России и Монголии. Данный документ стал базовым, определяющим отношения между странами в новый исторический период. В качестве новой тенденции в отношениях России и Монголии в конце XX и начале XXI вв. явилось развитие межрегиональных связей, которое особенно заметно обозначилось в сфере приграничного сотрудничества. Новые реалии объективно нуждались в систематизации норм и принципов взаимодействия. В 2000 г. было подписано «Соглашение о сотрудничестве приграничных аймаков Монголии и республик, областей, краев Российской Федерации», которое стало основным документом, регламентирующим и стимулирующим данный уровень сотрудничества. Соглашение в том числе определяло характер отношений регионов в гуманитарной сфере [Соглашение 2000]. Наиболее активно связи с Монголией в гуманитарной сфере развивают Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край и Забайкальский край.

Интенсивное двустороннее взаимодействие на новом этапе исторического развития позволило создать предпосылки для повышения уровня дипломатических отношений. Закономерным результатом стало подписание Улан-Баторской декларации (2000 г.) лидерами двух стран — Владимиром Путиным и Нацагийн Багабанди. Особый акцент в тексте декларации был сделан на гуманитарной сфере. В пункте 9 подчеркивается, что «Россия и Монголия привержены сохранению и упрочению традиционных уз духовной и культурной близости между народами двух стран. Они будут поощрять контакты между людьми, общественными, научными, спортивными и молодежными организациями двух стран. Российская Сторона будет и впредь оказывать содействие в подготовке монгольских национальных кадров в российских высших учебных заведениях. Стороны будут поддерживать сотрудничество в деле изучения русского и монгольского языков, исторического и культурного наследия друг друга» [Улан-Баторская декларация 2000].

В 2002 г. была подписана «Программа сотрудничества правительств РФ и Монголии в области науки и культуры на 2003–2006 гг.». Без преувеличения этот документ ознаменовал новый этап двусторонних отношений в научно-образовательной сфере. Программа послужила стимулом для заключения целого ряда соглашений в культурно-образовательной сфере. Кроме того, расширились образовательные программы в монгольских вузах, в качестве дополнительной

специализации был введен русский язык, в столице страны начали свою деятельность российские учреждения высшего образования, Россотрудничество увеличило количество квот для монгольских студентов по разным уровням образования — от бакалавриата до аспирантуры.

Самым важным достижением в развитии двусторонних отношений в данный период стало принятие правительством Монголии решения о введении с 7 класса русского языка в средних общеобразовательных школах Монголии [Родионов 2009: 258]. Это позволило расширить возможности монгольских учащихся из аймаков (районов) для участия в конкурсе на получение образовательных квот в вузах России. Кроме того, это давало возможности получить высшее образование на русском языке в вузах стран СНГ. Таким образом, Улан-Баторская декларация обозначила не только повышение уровня двусторонних дипломатических отношений, но и расширение направлений и форм гуманитарного взаимодействия.

В 2006 г. В. Путиным и Н. Энхбаяром была подписана Московская декларация, которая не только подтвердила приверженность развитию дружественных отношений, но и обозначила взаимодействие двух стран в рамках международных организаций регионального характера, таких как АТЭС, ШОС и ЕАЭС [Московская декларация 2006].

Довольно закономерным итогом развития двусторонних отношений стало подписание президентом России Дмитрием Медведевым и президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем «Декларации о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией» во время официального визита российского лидера в Монголию в августе 2009 г. [Декларация 2009].

С точки зрения межрегионального взаимодействия невозможно переоценить подписание «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии» [Соглашение 2014], которое позволило облегчить правила пересечения государственных границ. После введения безвизового режима было отмечено двукратное увеличение туристического потока из Монголии в Республику Бурятия [Возобновление 2014] и Республику Алтай [Безвизовый режим 2014]. Пассажиропоток благоприятно повлиял на развитие розничной торговли в указанных регионах, расширению сферы общественного питания и досуга.

Таким образом, мы можем говорить о том, что российско-монгольское сотрудничество, несмотря на относительно непродолжительный исторический период, имеет богатое событиями столетие. Особо следует подчеркнуть, что за исключением очень короткого промежутка времени в конце XX в. отношения носили исключительно дружественный и взаимовыгодный характер. Период упадка, который был связан с распадом Советского Союза и крушением социалистического блока, был болезненным для обеих стран. Как отмечает Г. Эрдэнэбаяр, «период с 1990 по 1993 г. характеризовался снижением уровня отношений по всем направлениям — культурном, научном, военном. Существенные изменения были отмечены в торгово-экономической сфере — товарооборот между странами в 1991–1993 гг. сократился на 40 %. Прежнее 30-процентное субсидирование монгольского годового бюджета в силу указанных ранее исторических причин также было прекращено» [Эрдэнэбаяр 2017: 466].

Резкое сокращение финансовой помощи со стороны СССР привело к упадку экономики и обострению социальных проблем. Монгольское руководство видело выход из сложившейся ситуации через поиск других партнеров, готовых оказать поддержку, в том числе в лице международных финансовых организаций. Монголия была вынуждена брать займы на решение своих неотложных социально-экономических вопросов. Согласно исследованию В. А. Родионова, «с начала 2000-х годов благоприятная конъюнктура на мировом рынке способствовала быстрому восстановлению экономики страны. Добывающая отрасль стала локомотивом экономического развития. Бурный рост в данном секторе привел к тому, что Монголия стала ареной конкуренции иностранных держав в горнорудной отрасли, которые помимо развития торгово-экономических отношений пытались расширить свое влияние и на другие сферы общества» [Родионов 2012: 31].

Несмотря на обозначенные тенденции, высшее руководство России и Монголии понимало, что восстановление отношений выгодно обеим странам. Но для этого нужны были другие механизмы, соответствующие новым реалиям. В следующей части мы рассмотрим особенности развития двусторонних отношений, направленных на создание устойчивой системы сотрудничества в гуманитарной сфере.

Институциональные основы российско-монгольского гуманитарного сотрудничества

Двусторонние отношения между странами получили системный характер после создания Российско-Монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Первые шаги по институционализации отношений между Россией и Монголией были предприняты еще в 1992 г.: распоряжением Президента РФ Б. Ельцина за № 255-рп был утвержден состав делегации Российской Федерации на переговорах по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству Российской Федерации с Монголией (г. Улан-Батор, 30 мая – 2 июня 1992 г.) [Распоряжение 1992]. В 1995 г. было подписано соглашение о создании Смешанной межправительственной комиссии по вопросам охраны окружающей среды. Что же касается гуманитарной сферы, то специализированным органом, реализующим проекты в данном направлении, стал Российский центр науки и культуры (РЦНК).

5 февраля 2002 г. вышел указ Президента РФ «О Российском центре международного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел РФ». На его основании 23 июля 2002 г. Российское правительство утвердило положение об этом центре. Российский Центр науки и культуры в Улан-Баторе является составной частью представительства в Монголии Федерального агентства по делам содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) [Российский центр].

Он был открыт в 1976 г. и на сегодняшний момент является крупнейшим российским информационно-культурным центром Азиатско-Тихоокеанского региона. Российский центр науки и культуры в Улан-Баторе призван развивать двусторонние связи в гуманитарной сфере, способствовать сохранению и расширению пространства российской культуры и русского языка, оказывать

содействие в расширении контактов российских и монгольских организаций, частных лиц в области науки, образования, спорта. Отдельным направлением работы является поддержка соотечественников. Обозначенные задачи реализуются через ознакомление граждан Монголии с достижениями российской культуры и науки, формирование объективного и позитивного восприятия современной России среди монгольской общественности, популяризацию и поддержку русского языка, продвижение российского образования в Монголии. Ежегодно на базе РЦНК проводится прием документов монгольских абитуриентов, желающих получить российское образование в рамках квот, выделяемых российским правительством по различным уровням образования и направлениям подготовки.

Одной из основных задач РЦНК является организация и проведение культурных, научных мероприятий, музыкальных фестивалей, кинопросмотров, фотовыставок. Особый интерес, особенно у старшего поколения, вызывают гастроли творческих коллективов из Москвы, Санкт-Петербурга и других российских регионов.

Деятельность представительства реализуется в тесной связи с Посольством Российской Федерации в Монголии. Организация и проведение различных мероприятий не представляется эффективным без сотрудничества с различными организациями, в том числе и общественного характера [[О представительстве](#)].

На постоянной основе на базе РЦНК функционируют Центр русского языка, библиотека и начальная школа «Кириллица» с обучением на русском языке. По информации официального сайта Россотрудничества в 2021 г. открыты четыре новых центра русского языка [[В Монголии открыли 2021](#)]. Это свидетельствует о том, что российская культура и образование пользуются высоким спросом в современном образовательном пространстве монгольской столицы.

В настоящее время характер российско-монгольского сотрудничества в гуманитарной сфере подвержен влиянию различных факторов, которые оказывают воздействие на тенденции развития культурной сферы Монголии. Перемены в экономической и социально-политической области повлияли на культурно-образовательное пространство столицы и страны в целом. Можно выделить основные тенденции развития гуманитарной сферы современной Монголии:

- возрождение традиционной монгольской культуры, ремесел, буддийской религии и тенгрианства. Все это служит концептуальной основой развития уникальной монгольской культуры и государственности;

- монгольское общество в условиях рыночной экономики, реализации совместных экономических проектов оказывается вовлеченным в орбиту интересов различных стран. Для эффективной реализации масштабных проектов иностранные государства реализуют политику распространения своего культурного влияния. Наиболее активными игроками являются США, Япония, Республика Корея, КНР, Германия;

- несмотря на возросшую конкуренцию в распространении своего культурного влияния, Российская Федерация традиционно воспринимается как надежный партнер в глазах монгольской общественности, особенно среди представителей старшего поколения. Вместе с тем современная монгольская молодежь уже не рассматривает Россию как основного партнера. Более того, по стратегиям молодежи относительно получения образования и последующего

трудоустройства явный приоритет отдается США, далее следуют страны ЕС, Республика Корея и КНР [Дагбаев, Актамов 2017: 78]. Вполне вероятно, что это связано с конструированием негативного образа России в СМИ со стороны ведущих информационных агентств и каналов западных стран, особенно после событий 2014 г.

Основные противоречия в реализации двустороннего гуманитарного сотрудничества

В настоящее время отношения между странами выстраиваются в рамках так называемой культурной дипломатии. Конечной целью является выстраивание доверительных отношений, создание устойчивого принятия как отдельных элементов культуры, так и всего, что связано с конкретной страной. Не являются исключением и взаимоотношения между Россией и Монголией. Если ранее Монголия была практически под полным влиянием Советского Союза, то после распада социалистического блока, монгольское государство стало ареной борьбы разных субъектов международных отношений, которые пытаются занять свои ниши. Россия в этом плане сталкивается с высоким уровнем конкуренции и не всегда может продемонстрировать свое преимущество в плане реализации политики «мягкой силы». Одной из причин является постепенное сокращение присутствия и влияния российской культуры в мире (в том числе и как следствие распада СССР) и снижение в 1990-е гг. экономических возможностей поддержки отечественной культуры за рубежом.

Информационная война в настоящее время стала одним из эффективных инструментов распространения внешнеполитического влияния. Пересмотру и определенной ревизии подвергаются исторические события и процессы, которые в угоду политическим интересам могут трактоваться весьма конъюнктурно. Довольно часто затрагиваются те или иные события времен Второй мировой войны [Кошкин 2019].

В этих условиях успешное продвижение позитивного образа России за рубежом будет зависеть от эффективности реализации политики в гуманитарной сфере. Особое значение в этом плане имеет развитие двусторонних отношений с Монголией, которая являлась союзником в течение всего XX в., в том числе и во время Второй мировой войны.

Монгольские авторы в качестве основных барьеров, которые так или иначе оказывают деструктивное влияние на реализацию проектов в гуманитарной сфере, называют отсутствие политической стабильности и преемственности официального внешнеполитического курса в Монголии, в том числе и в отношении России. Кроме того, не придают устойчивость отношениям частые изменения в нормативно-правовой базе, регулирующие иностранные инвестиции и права на месторождения полезных ископаемых. Особое внимание монгольские эксперты придают назначению Чрезвычайных и Полномочных Послов России в Монголии, которое, по их мнению, определяется исходя из заслуг перед правящей партией, а не дипломатического ранга и опыта [Батчулуун 2020: 50–59].

На характер гуманитарных связей большое влияние оказывают торгово-экономические отношения. По состоянию на сегодняшний день накопился перечень вопросов, который требует детальной проработки и принятия взвешенного решения по каждому из них. В качестве основных проблем упоминаются «от-

сутствие гибких механизмов в таможенном регулировании, сложные бюрократические процедуры согласования, оформления деловых сделок, различные санитарно-ветеринарные ограничения на ряд монгольских экспортных товаров. Как следствие, многие монгольские бизнесмены предпочитают иметь дело не с российскими, а с китайскими, японскими и западными компаниями» [Батунаев, Григорьева 2019: 98–109].

Как уже отмечалось выше, принципиальное политическое значение имеют исторические события и процессы, которые создают основу для развития сотрудничества. Так получилось, что 2021 г. занимает особое место в истории двусторонних отношений между Россией и Монголией. Главное юбилейное событие — 100-летие установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой. Наряду с этим, при непосредственном содействии СССР Монголия в 1961 г. стала членом ООН, полноправным субъектом международных отношений. В марте 1981 г. был совершен полет международного экипажа «Союз-39» с участием советского космонавта Владимира Джанибекова и первого монгольского космонавта Жугдэрдэмидийн Гуррагча.

Исторически важной датой в сфере научно-образовательных связей является 100-летие со дня образования первого научного учреждения Монголии — Ученого комитета. На базе данного учреждения впоследствии была создана Академия наук Монголии, которая также отмечает свой 60-летний юбилей. Это только наиболее значимые даты, которые определили характер и содержание двусторонних отношений между нашими странами.

В рамках юбилейных мероприятий в этом году было проведено несколько научных конференций, в том числе под эгидой Российского исторического общества в рамках ВЭФ во Владивостоке «Исторические и современные тренды взаимоотношений России и Монголии: навстречу 100-летию юбилею» [На ВЭФ обсудили 2021]. С кратким содержанием, программой, а также видеоматериалами конференции можно ознакомиться на официальном сайте Института востоковедения РАН [Международная конференция 2021а].

Особое значение для развития двусторонних отношений в сфере науки имела конференция, которая была организована и проведена в Республике Бурятия, — «Россия и Монголия в XX–XXI в.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений» [Международная конференция 2021б]. В рамках конференции было проведено выездное заседание Сибирского отделения Российской академии наук и Академии наук Монголии и подписание соглашения о научном сотрудничестве.

Завершающим научным мероприятием, посвященным юбилейной дате установления дипломатических отношений между Россией и Монголией, стала международная конференция, которую провели в стенах Института востоковедения РАН — «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству» [Международная конференция 2021в].

Юбилейный год завершился встречей на высшем уровне президентов двух стран 16 декабря 2021 г., по результатам которой была принята «Совместная декларация по случаю 100-летия дипломатических отношений между Российской Федерацией и Монголией» [Совместная декларация 2021].

Президент России Владимир Путин и президент Монголии Ухнаагийн Хурэлсух отметили успешную реализацию совместного плана мероприятий, приуроченных к 100-летию дипломатических отношений. Стороны особо отметили «Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией», подписанный в 2019 г., который зафиксировал на бессрочной основе качественно новый уровень двусторонних отношений [[Совместная декларация 2021](#)].

Заключение

2021 год имеет особое значение в истории наших стран с точки зрения юбилейных дат и событий. Двусторонние научно-гуманитарные связи берут начало с 9 ноября 1921 г., даты основания первого научного учреждения Монголии — Ученого комитета. Столетний юбилей, который отмечается на протяжении всего 2021 г., — хорошая возможность не только вспомнить славные страницы истории, но и определить конкретные перспективы развития отношений в условиях глобального взаимодействия в Северо-Восточной Азии.

Российской стороне необходимо учитывать, что современная молодежь Монголии в целом и молодые научные сотрудники в частности, ориентированы на культурные координаты своего «третьего соседа». Более того, реализация правительственной программы обучения монгольских студентов по направлениям подготовки магистратуры и докторантуры в вузах КНР уже сформировало целое поколение управленцев среднего звена, получивших образование в вузах Китая, на хорошем уровне владеющих китайским языком, понимающих и принимающих культурные ориентиры страны. Это поколение в скором времени будет определять научную, образовательную, политическую повестку монгольского государства. В этом плане развитие российского монголоведения приобретает стратегическое значение для современной России. Научно-гуманитарные связи между нашими странами, с одной стороны, уже имеют богатую историю. С другой стороны, сто лет по меркам истории срок сравнительно короткий. В торжественных юбилейных мероприятиях приняли активное участие представители научной интеллигенции, многие из которых являлись руководителями совместных проектов, основоположниками научных школ, отдельных направлений исследований. Опыт сотрудничества с академическими институтами и университетами Монголии показывает, что основным языком коммуникации пока еще остается русский, но в ближайшей перспективе данная ситуация изменится. В Монголии по разным причинам за последние десять с небольшим лет была приостановлена работа нескольких филиалов российских вузов. Общеобразовательные школы с русским языком находятся в условиях высокой конкуренции с китайскими, британскими, японскими, южнокорейскими школами [[Актамов 2020: 230](#)]. Российское правительство ежегодно увеличивает количество квот на обучение монгольских выпускников в российских вузах, но данные меры не могут системно решить весь спектр вопросов, которые накопились к юбилейной дате [[Фалилеева и др. 2013: 10–22](#)].

Отрадно отметить, что, несмотря на объективные проблемы, возникающие в российской системе образования, ведущие университеты страны реализуют программы подготовки специалистов в области монголоведения. Традиционно

монголоведение развивается в стенах Института стран Азии и Африки Московского государственного университета, Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного института международных отношений (У), Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Буквально несколько лет назад реализацию образовательных программ по монголоведению начали в Московском государственном лингвистическом университете и Высшей школе экономики. Данный пример является не только отражением государственной политики в сфере образования, но и актуальным запросом современной молодежи на получение специальности. Подготовка российских монголоведов является рациональным ответом на возросшую конкуренцию в культурно-образовательном пространстве современной Монголии.

Научно-гуманитарное сотрудничество должно основываться на подготовке профессиональных кадров, которые не только будут компетентными в своем научном направлении, но и выступать в качестве практиков, экспертов в области экономики, политики. Принципиально важной компетенцией будет являться хорошее знание монгольского языка. Не теряет своего глубокого смысла довольно простая фраза, которую часто произносят на двусторонних и многосторонних встречах: «Отношения между государствами — это отношения между людьми». Тесная связь между представителями разных государств закладывается в образовательной и научно-гуманитарной сферах.

Литература

- Актамов 2020 — *Актамов И. Г.* Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX – начале XXI веков // Научный диалог. 2020. № 4. С. 221–237.
- Актамов 2017 — *Актамов И. Г.* Горнорудная промышленность трансграничных регионов России и Монголии: социально-экологический аспект // Социальные эффекты развития горнорудной отрасли трансграничных регионов (на материале России, Монголии, Китая) / отв. ред. И. Г. Актамов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2017. 140 с.
- Алтанхуяг 2016 — *Алтанхуяг З.* Культурное сотрудничество России и Монголии // Регион в приграничном пространстве: мат-лы Межд. науч. конф., посвящ. 165-летию образования Забайкальской области, 165-летию Забайкальского казачьего войска и 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией / Е. В. Дроботушенко (гл. ред.), А. В. Дроботушенко, М. В. Пряженникова, Ю. Г. Саранчина, О. А. Яремчук. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 175–180.
- Батунаев, Григорьева 2019 — *Батунаев Э. В., Григорьева Ю. Г.* Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства // Известия Восточного института. 2019. № 3 (43). С. 98–109.
- Батчулуун 2020 — *Батчулуун Б.* Российско-монгольские отношения: реальность, проблемы, перспективы // Международные отношения. 2020. № 4. С. 50–59.
- Безвизовый режим 2014 — Безвизовый режим между Россией и Монголией увеличил пассажиропоток через пункт в Ташанте (Республика Алтай) [электронный ресурс] // Совет Федерации. Новости. 9 декабря 2014 г. URL: <http://council.gov.ru/events/regions/49496/> (дата обращения: 19.10.2021).
- Бойкова 2001 — *Бойкова Е. В.* Советско-монгольское сотрудничество в 1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. С. 120–121.

- В Монголии открыли 2021 — В Монголии открыли четыре центра русского языка [электронный ресурс] // Официальный сайт Россотрудничества. Новости. 15.11.2021. URL: <https://rwp.agency/news/698/> (дата обращения: 19.12.2021).
- Возобновление 2014 — Возобновление безвизового режима привело к двукратному увеличению турпотока из Монголии в Бурятию [электронный ресурс] // Совет Федерации. Новости. 18 ноября 2014 г. URL: <http://council.gov.ru/events/news/48474/> (дата обращения: 19.10.2021).
- Дагбаев, Актамов 2017 — *Дагбаев Э. Д., Актамов И. Г.* Ценностные ориентации и установки современной молодежи Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 2. С. 73–80.
- Декларация 2009 — Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией [электронный ресурс] // Посольство РФ. 25 августа 2009 г. URL: <https://mongolia.mid.ru/dvustoronnie-otnosenia> (дата обращения: 15.10.2021).
- Джагаева, Манжиков 2015 — *Джагаева О. А., Манжиков Э. Б.* Сотрудничество СССР и МНР в области образования и науки в 1940-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 261–263.
- Договор 1993 — Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией (Москва, 20 января 1993 г.) (документ утратил силу) [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: <https://base.garant.ru/2541371/> (дата обращения: 20.12.2021).
- Кошкин 2019 — *Кошкин Анатолий.* Победа над Японией началась на озере Хасан и в степях Халхин-Гола [электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. 21 августа 2019 г. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2695623.html> (дата обращения: 20.10.2021).
- Международная конференция 2021a — Международная научная конференция «Исторические и современные тренды взаимоотношений России и Монголии: навстречу 100-летию юбилею» [электронный ресурс] // Оф. сайт Института востоковедения РАН. Новости ИВ РАН. 2 сентября 2021 г. URL: <https://www.ivran.ru/povosti?artid=17785> (дата обращения: 05.11.2021).
- Международная конференция 2021б — Международная научная конференция «Россия и Монголия в XX – начале XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений» [электронный ресурс] // Оф. сайт Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН. Инф. Письмо оргкомитета. 2021. URL: http://imbt.ru/?page_id=11620 (дата обращения: 05.11.2021).
- Международная конференция 2021в — Международная научная конференция «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству» [электронный ресурс] // Оф. сайт Института востоковедения РАН. Новости ИВ РАН. 21 октября 2021 г. URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=17911> (дата обращения: 05.11.2021).
- Московская декларация 2006 — Московская декларация [электронный ресурс] // Администрация Президента РФ. 8 декабря 2006 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4725> (дата обращения: 15.10.2021).
- На ВЭФ обсудили 2021 — На ВЭФ обсудили историю и современные тренды развития отношений России и Монголии [электронный ресурс] // Российское историческое общество. 02.09.2021. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/na-vef-obsudili-istoriyu-i-sovremennye-trendy-razvitiya-otnoshenij-rossii-i-mongolii.html> (дата обращения: 05.11.2021).
- О представительстве — О представительстве [электронный ресурс] // Оф. сайт Россотрудничества. URL: <https://mng.rs.gov.ru/%20/about> (дата обращения: 17.10.2021).
- Распоряжение 1992 — Распоряжение Президента Российской Федерации [электронный ресурс] // Оф. интернет-портал правовой информации. 26 мая 1992 г. URL: <http://>

- pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102016374&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 17.10.2021).
- Родионов 2009 — *Родионов В. А.* «Мягкая» сила в современных российско-монгольских отношениях // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 255–260.
- Родионов 2012 — *Родионов В. А.* Конкуренция иностранных держав в горнорудной отрасли Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 1. С. 31–37.
- Российский центр — Российский центр науки и культуры в Улан-Баторе [электронный ресурс] // Оф. сайт Российского центра науки и культуры URL: <http://mng.rs.gov.ru/ru/about> (дата обращения 13.07.2021).
- Совместная декларация 2021 — Совместная декларация по случаю 100-летия установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Монголией [электронный ресурс] // Администрация Президента РФ. 16 декабря 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5757> (дата обращения: 21.12.2021).
- Соглашение 2000 — Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии [электронный ресурс] // Посольство РФ. 14 ноября 2000 г. URL: <https://mongolia.mid.ru/dvustoronnie-otnosenia> (дата обращения: 21.12.2021).
- Соглашение 2014 — Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии [электронный ресурс] // Посольство РФ. 3 сентября 2014 г. URL: <https://mongolia.mid.ru/bezviz> (дата обращения: 15.10.2021).
- Улан-Баторская декларация 2000 — Улан-Баторская декларация [электронный ресурс] // Администрация Президента РФ. 13 ноября 2000. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3217> (дата обращения: 15.10.2021).
- Фалилеева и др. 2013 — *Фалилеева Н. В., Филин С. А., Дугаржав Л., Ерофеева И. А.* Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9. № 12 (201). С. 10–22.
- Энхбаяр 2011 — *Энхбаяр Д.* Трансформация системы образования Монголии // Власть. 2011. № 3. С. 96–99.
- Эрдэнэбаяр 2017 — *Эрдэнэбаяр Г.* Россия – Монголия: по пути стратегического партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. Серия: История России. Вып. 16. № 3. С. 462–476.
- Юсупова 2018 — *Юсупова Т. И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.
- Юсупова 2021 — *Юсупова Т. И.* Российско-монгольское научное взаимодействие (1920–1960-е гг.): становление, развитие, особенности // Монголия – Россия: век независимости — век сотрудничества / сост. и отв. ред. И. В. Кульганек, Т. И. Юсупова. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. С. 76–99.
- Их Сургууль — Монгол Улсын Их Сургууль [электронный ресурс] // Оф. сайт Монгольского государственного университета. URL: <https://www.num.edu.mn/> (дата обращения: 20.12.2021).

References

- About betrayal. On: Rossotrudnichestvo (website). Available at: <https://mng.rs.gov.ru/%20/about> (accessed: October 17, 2021). (In Russ.)
- Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia regarding Principles of Cooperation between Executive Bodies of Russia's Federal Subjects and Those of Mongolia's Provincial Administrations. On: Embassy of the

- Russian Federation in Mongolia (website). Posted on November 14, 2000. Available at: <https://mongolia.mid.ru/dvustoronnie-otnosenia> (accessed: December 21, 2021). (In Russ.)
- Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia regarding Conditions of Mutual Visits of Russia and Mongolia's Citizens. On: Embassy of the Russian Federation in Mongolia (website). Posted on September 3, 2014. Available at: <https://mongolia.mid.ru/bezviz> (accessed: October 15, 2021). (In Russ.)
- Aktamov I. G. Education as an instrument of Russian "soft power" in Russian-Mongolian relations at the end of XX – beginning of XXI centuries. *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 4. Pp. 221–237. (In Russ.)
- Aktamov I. G. Ore mining facilities in cross-border regions of Russia and Mongolia: A social and environmental aspect. In: Aktamov I. G. (ed.) *Ore Mining Development in Cross-Border Regions and Its Social Effects: Case Studies of Russia, Mongolia, and China*. Ulan-Ude: Buryat State University, 2017. 140 p. (In Russ.)
- Altankhuyag Z. Cultural cooperation between Russia and Mongolia. In: Drobotushenko E. V. et al. (eds.) *Region in Border Space. Jubilee conference proceedings*. Chita: Transbaikalian State University, 2016. Pp. 175–180. (In Russ.)
- Batchuluun B. Mongolia-Russia relations: Reality, problems, and prospects. *International Relations*. 2020. No. 4. Pp. 50–59. (In Russ.)
- Batunaev E. V., Grigorieva Yu. G. Russian-Mongolian relations: From recession to a comprehensive strategic partnership. *Oriental Institute Journal*. 2019. No. 3 (43). Pp. 98–109. (In Russ.)
- Boykova E. V. Soviet-Mongolian cooperation in the 1930s. In: *Russia and Mongolia. The New Perspective on the History of 20th-Century Relations*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2001. Pp. 120–121. (In Russ.)
- Celebrating the 100th Anniversary of Diplomatic Relations between Russia and Mongolia: From Amity to Comprehensive Strategic Partnership. International scientific conference. On: Institute of Oriental Studies (RAS) (website). News column. Posted on October 21, 2021. Available at: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=17911> (accessed: November 5, 2021). (In Russ.)
- Dagbaev E. D., Aktamov I. G. Value orientations and attitudes of modern youth in Mongolia. *The Buryat State University Bulletin*. 2017. No. 2. Pp. 73–80. (In Russ.)
- Declaration on Development of Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia. On: Embassy of the Russian Federation in Mongolia (website). Posted on August 25, 2009. Available at: <https://mongolia.mid.ru/dvustoronnie-otnosenia> (accessed: October 15, 2021). (In Russ.)
- Decree of the President of the Russian Federation. On: The Official Internet Portal of Legal Information (Russian Federation). Posted on May 26, 1992. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102016374&page=1&rdk=0#I0 (accessed: October 17, 2021). (In Russ.)
- Dzhagaeva O. A., Manzhikov E. B. Cooperation between the USSR and the Mongolian People's Republic in the sphere of education and science in 1940s. *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 12. Pp. 261–263. (In Russ.)
- Eastern Economic Forum discussed history and current development trends of Russia-Mongolia relations. On: Russian Historical Society (website). Posted on September 2, 2021. Available at: <https://historyrussia.org/sobytiya/na-vef-obsudili-istoriyu-i-sovremennye-trendy-razvitiya-otnoshenij-rossii-i-mongolii.html> (accessed: November 5, 2021). (In Russ.)
- Enkhbayar D. Transformation of Mongolia's educational system. *Vlast'*. 2011. No. 3. Pp. 96–99. (In Russ.)
- Erdenebayar G. Russia – Mongolia from the 1990s to 2016: On the way of strategic partnership. *RUDN Journal of Russian History*. 2017. Vol. 16. No. 3. Pp. 462–476. (In Russ.)
- Falileeva N. V., Filin S. A., Dugarzhav L., Erofeeva I. A. Problems of interaction of Russia and Mongolia in education. *National Interests: Priorities and Security*. 2013. Vol. 9. No. 12 (201). Pp. 10–22. (In Russ.)

- Four Russian language centers opened in Mongolia. On: Rossotrudnichestvo (website). News column. Posted on November 15, 2021. Available at: <https://rwp.agency/news/698/> (accessed: December 19, 2021). (In Russ.)
- Historical and Contemporary Trends of Russia-Mongolia Relations: Approaching the 100th Anniversary. International scientific conference. On: Institute of Oriental Studies (RAS) (website). News column. Posted on September 2, 2021. Available at: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=17785> (accessed: November 5, 2021). (In Russ.)
- Joint Declaration to Celebrate the 100th Anniversary of Diplomatic Relations between the Russian Federation and Mongolia. On: Presidential Executive Office of Russia (website). Posted on December 16, 2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5757> (accessed: December 21, 2021). (In Russ.)
- Koshkin A. Victory over Japan began at Lake Khasan and in Steppes of Khalkhin Gol. On: REGNUM News Agency. Posted on August 21, 2019. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2695623.html> (accessed: October 20, 2021). (In Russ.)
- Moscow Declaration. On: Presidential Executive Office of Russia (website). Posted on December 8, 2006. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/4725> (accessed: October 15, 2021). (In Russ.)
- National University of Mongolia (home page). On: National University of Mongolia (website). Available at: <https://www.num.edu.mn/> (accessed: December 20, 2021). (In Russ.)
- Restoration of visa-free regime doubled tourist flow from Mongolia to Buryatia. On: Federation Council (website). News column. Posted on November 18, 2014. Available at: <http://council.gov.ru/events/news/48474/> (accessed: October 19, 2021). (In Russ.)
- Rodionov V. A. 'Soft' power in the modern Russian-Mongolian relations. *The Buryat State University Bulletin*. 2009. No. 8. Pp. 255–260. (In Russ.)
- Rodionov V. A. Foreign powers competition in the mining sector of Mongolia. *The Buryat State University Bulletin*. 2012. No. 1. Pp. 31–37. (In Russ.)
- Russia and Mongolia in the 20th – Early 21st Centuries: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution and Diplomatic Relations. International scientific conference. On: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS) (website). Call for Papers. 2021. Available at: http://imbt.ru/?page_id=11620 (accessed: November 5, 2021). (In Russ.)
- Russian Cultural Center (home page). On: Russian Cultural Center in Mongolia (website). Available at: <http://mng.rs.gov.ru/ru/about>. (accessed: July 13, 2021). (In Russ.)
- Treaty of Amity and Cooperation between the Russian Federation and Mongolia (Moscow; January 20, 1993) (repealed). On: GARANT Legal Information Resource. Available at: <https://base.garant.ru/2541371/> (accessed: December 20, 2021). (In Russ.)
- Ulaanbaatar Declaration. On: Presidential Executive Office of Russia (website). Posted on November 13, 2000. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3217> (accessed: October 15, 2021). (In Russ.)
- Visa-free regime between Russia and Mongolia increased passenger flow through border crossing point in Tashanta (Altai Republic). On: Federation Council (website). News column. Posted on December 9, 2014. Available at: <http://council.gov.ru/events/regions/49496/> (accessed: October 19, 2021). (In Russ.)
- Yusupova T. I. Russian-Mongolian scientific cooperation: Emergence, development, peculiarities. In: Kulganek I. V., Yusupova T. I. (comps., eds.) *Mongolia – Russia: The Century of Independence and Cooperation*. St. Petersburg: Petropolis, 2021. Pp. 76–99. (In Russ.)
- Yusupova T. I. *Soviet-Mongolian Scientific Cooperation, 1921–1961: Emergence, Development, and Main Results*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 312 p. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39(=512.3)(571.56)(091)
DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-83-94

О даурах в Якутии XVII в.

Максим Николаевич Сибиряков¹, Андрей Николаевич Ефремов²

¹ Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
аспирант, магистр исторических наук

 0000-0002-6857-1438. E-mail: maximssibiryaakov@yandex.ru

² Региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации по Республике Саха (Якутия) (д. 15, ул. Октябрьская, 677027 Якутск, Российская Федерация)

старший специалист 1 разряда, магистр исторических наук

 0000-0001-9743-7388. E-mail: eandros1994@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Сибиряков М. Н., Ефремов А. Н., 2022

Аннотация. В данной статье на основании ясачных книг проводится исследование дауров, живших в Якутии в середине XVII в. (1634–1678). Целью исследования является анализ всех имеющихся данных об обитавших в бассейне реки Алдан даурах. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: 1) анализ источников, где упоминаются алданские дауры XVII в.; 2) выявление сходств и различий у даурского населения Якутии и родственных им народов. *Материалы и методы.* Основой исследования стали научные труды по истории Якутии, а также опубликованные архивные документы того периода — ясачные книги, приказы и челобитные. В работе была сделана опора на исторические методы исследования — историко-описательный (нарративный), сравнительный, метод лингвистического анализа. *Результаты и выводы.* В статье выдвинуты предположения относительно происхождения перечисленных в ясачной книге людей, а также сделан подробный анализ-сравнение даурских имён с именами других народов для их этнической идентификации. Статья не затрагивает вопроса о происхождении народа саха (якутов) и посвящена лишь даурам Якутии. В работе показано, что в настоящее время недостаточно источников для точной этнической идентификации дауров Якутии, и эта проблема требует дополнительного исследования во всех областях.

Ключевые слова: дауры, алданские дауры, хоролоры, ясак, Алдан, Усть-Камнинское, Якутия

Для цитирования: Сибиряков М. Н., Ефремов А. Н. О даурах в Якутии XVII в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 83–94. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-83-94

Daur in 17th-Century Yakutia Revisited

Maxim N. Sibiriyakov¹, Andrey N. Efremov²

¹ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

M. A. (History), Postgraduate Student

 0000-0002-6857-1438. E-mail: maximssibiriyakov@yandex.ru

² Social Insurance Fund of the Russian Federation, Sakha (Yakutia) Branch (15, Oktyabrskaya St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

M. A. (History), Senior Specialist

 0000-0001-9743-7388. E-mail: eandros1994@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sibiriyakov M. N., Efremov A. N., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines ‘*yasak*’ books and explores Daur to have resided in Yakutia in 1634-1678. *Goals.* The study aims to analyze all available data on Daur who had inhabited the Aldan River Basin (‘Aldan Daur’). The objectives to be pursued thereto include as follows: 1) analysis of sources mentioning the 17th-century Aldan Daur, 2) identification of similarities and differences between the Daur population of Yakutia and kindred ethnic groups. *Materials and methods.* The study primarily analyzes scientific works on the history of Yakutia, as well as published archival documents of that period — *yasak* books, orders, and petitions. The work employs historical research methods, i.e. the historical descriptive (narrative), comparative ones, and that of linguistic analysis. *Results.* The paper articulates assumptions about origins of individuals mentioned in the *yasak* book, and provides a detailed linguistic analysis of Daur and other names for the former’s ethnic identification. The article deals with the Daur of Yakutia only, and does not address the issue of the origin of the Sakha people (Yakuts). The work shows that the available sources are insufficient for accurate ethnic identification of Yakutia’s Daur. This question requires further comprehensive research.

Keywords: Daur, Aldan Daur, Khorolors, *yasak*, Aldan, Ust-Kamninskoe, Yakutia

For citation: Sibiriyakov M. N., Efremov A. N. Daur in 17th-Century Yakutia Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 83–94. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-83-94

Введение

Дауры (другие названия этого народа — *дахуры* или *дагуры*) — это современный 131-тысячный монголызычный этнос, проживающий на территории Китая, где они известны как 达斡尔族 [пиньинь *Dáwō’ěrzhú*], себя же они называют *Irgen Dайа*. Свое происхождение дауры берут от древней монгольской (шивэй-киданьской) общности, что подтверждается данными, полученными генетиками, лингвистами и археологами [Бравина 2021: 127].

В настоящее время дауры проживают на территории провинции Хэйлунцзян Автономного района Внутренняя Монголия и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. Однако еще на рубеже XVI–XVII вв. дауры населяли обширную территорию — от Еравнинских озер и верховьев Витима на западе (современные Республика Бурятия и Забайкаль-

ский край) до притока Амура в среднем течении р. Буреи — на востоке (ныне Бурейский район Амурской области); на севере доходили до устья притока Алдана — р. Амга (современная Республика Саха (Якутия)), на юге граница проходила по правому берегу Амура, в районе притоков Кун и Букур (северная часть провинции Хэйлунцзян, КНР) [Цыбенев 2011: 238].

Начало эпохи больших перемен в истории дауров связано с военной экспансией молодой империи Великая Цин. В 1616 г. даурские поселения в междуречье Амура и Зеи подверглись набегам маньчжуров во главе с императором Нурхаци. Даурское население, проживавшее по нижнему течению р. Зеи и среднего течения р. Амур, с 1627 по 1632 г. платили дань маньчжурской казне соболями. Однако владычество даурских князей над этими землями закончил поход русских казаков 1650 г. во главе с В. Д. Поярковым, позднее Е. П. Хабаровым — для подчинения «даурской земли» Русскому государству. Это вынудило дауров переселиться в Западную Маньчжурию в 1651–1652 гг., затем, в 1653 г., правительство Цинской империи переселило дауров в район предгорья Большого Хингана, а точнее в долину р. Нонни [Цыбенев 2017: 138–141].

В то же время в XVII в. на территории восточной части современной Якутии, в районе реки Камнун (ныне существуют трудности в уточнении геолокации этой реки), предположительно на территории современного Томпонского района проживала небольшая группа людей, которых называли «братья даурского рода» (далее — алданские дауры). Что это были за люди и какая связь была между ними и амурскими даурами, доподлинно неизвестно, и мы в данной статье попытаемся раскрыть эту тему.

Материалы и методы исследования

В настоящей работе использованы историко-описательный (нарративный), ретроспективный, сравнительный, метод лингвистического анализа. Историко-описательный (нарративный) и ретроспективный методы комбинировались, благодаря этому были выявлены сведения об алданских даурах. Сравнительный метод был направлен на изучение даурских имен и их сравнение с именами других монгольских народов, а затем полученные результаты были подвергнуты лингвистическому анализу для выявления отличительных и общих черт.

Материалами для исследования послужили различные разрозненные сведения об алданских даурах, которые мы будем рассматривать в данной статье. В частности, это «Наказ стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену, для строения острога и приведения в русское подданство сибирских инородцев» (1638), сообщение енисейского пятидесятника Федора Чурочки (Чурки) об основании Камнунского зимовья (1634, 1638) и записи из ясачных книг Камнунского зимовья, которые мы будем рассматривать ниже [Тимофеев 1875: 50; Долгих 1958: 128; Долгих 1960: 498, 507].

Одно из первых сведений о неких «братах», которые жили на обширных просторах Якольской земли, встречается в «Наказе стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену, для строения острога и приведения в русское подданство сибирских инородцев», дати-

рованном 6 августа 1638 г. В этом документе упомянуты некие «братские тайши» наряду с другими народами: «а по тем по всем рекам живут Якольские и Якуцкие и Братцкие тайши, конные и пешие сидячие многие люди» [Тимофеев 1875: 520].

Однако далее о «братских тайшах» ничего не конкретизируется, поэтому невозможно сказать, имелись ли в виду конкретно алданские дауры или иная монголоязычная группа.

Самым первым достоверным сообщением об алданских даурах является сообщение енисейского пятидесятника Федора Чурочки (Чурки) об основании Камнунского зимовья, которое датировано 1634 г., по другим данным — 1638 г. [Долгих 1958: 128].

В дальнейшем дауры были зафиксированы на страницах ясачной книги Камнунского зимовья, данные из которой были опубликованы в монографии Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в 17 веке», где как раз упоминаются «братья даурского рода», т. е. алданские дауры [Долгих 1960: 498, 507].

В ясачных книгах за 1655–1656 гг. список плательщиков ясака собственно Камнунского зимовья начинается именно с них, озаглавленный таким образом: «Род Даурский Камнунского зимовья». Так, в 1656 г. ясачных дауров звали: Малко, Дергак Малков брат, Игас Малков брат и Римка. Первый и последний платили по одному соболю, остальные — по два соболя [Долгих 1960: 498].

Уже в 1656 г. помечено, что Игас и Римка «сошли безвестно». В 1678 г. числятся дауры: Игас Малков брат, Салдыча Васиганов, Чимчаки Васиганов, Мукамут (Дагича). Относительно Игаса помечено: «сшел в Горбинское зимовье», относительно Салдачи — «лежал в расслабленье», относительно Чимчаки — «бедный», относительно Мукамут — «стар». Игас заплатил два соболя, остальные — по одному [Долгих 1960: 498].

В списке «тунгусов озьянского рода» зафиксированном в 1678 г., имеется некий Якуня Малков, заплативший два соболя, который, по-видимому, кровно связан с даурами [Долгих 1960: 498].

Относительно численности «дауров Камнунского зимовья» Б. О. Долгих считал, что ясачных дауров было к 50-м гг. XVII в. около 6 мужчин, учитывая, что туда не попали не платившие ясак (дети, женщины и старики), вероятнее всего, общее число было около 25 человек. К 80-м гг. XVII в. — 5 человек (все-го 20 человек). К концу XVII в. этих ясачных дауров было, наверное, не более 3 чел. (всего 10 чел.) [Долгих 1960: 498].

Примечательно, что, согласно данным, приведенным Б. Д. Цыбенным в его статье «Даурские роды в 17 веке», в составе дауров выделяют род *алдан*, название которого соответствует аналогичному гидрониму — реке Алдан (южная часть Республики Саха). Особенностью рода алдан, как и судуров и витимских дауров, является их удаленность от бассейна рек Амур и Зея. Маленькая группа дауров, именуемая как род алдан, была зафиксирована русскими в 30-х гг. XVII в. на Алдане, в районе устья его притока р. Амга [Цыбенков 2011: 244, 245]. Нам кажется очевидным, что «братья даурского рода», описанные в книге Б. О. Долгих, и «дауры рода алдан» у Б. Д. Цыбенова — это одна и та же этническая группа.

Какой-либо значимый след алданские дауры в современной Якутии не оставили, там, где предположительно находилось Камнунское зимовье, не удалось обнаружить топонимов или гидронимов даурского или хотя бы монгольского происхождения.

Б. О. Долгих отмечает, что в бассейне реки Алдан, в районе устья Камнуны, оказались рядом сразу две группы населения, относительно предков которых можно предполагать, что они были монголоязычными: это хоролоры, в документах тех лет — «коринская волость», и дауры. Одна из этих групп — хоролоры — сумела сохранить свое племенное название, а другая — дауры — носила название, которое тунгусы давали своим монголоязычным соседям [Долгих 1960: 498].

Вероятно, в конце XVII в. хотя бы часть алданских дауров позже смешалась с тунгусами и растворилась в их среде. Отчасти это подтверждается записью в документах о некоем тунгусе-озяне — Якуня Малков [Долгих 1960: 498]. Если учесть, что среди дауров были, согласно записям, Игас Малков брат и Дергак Малков брат, то, скорее всего, Якуня был его сыном.

В этом свете нам кажется интересным, что в книге Я. И. Линденау «Описание народов Сибири», в разделе описания якутов, в главе 3 «Как якуты себя и другие народы называют и кто их соседи» отмечено, что якуты китайских тунгусов называют «Dagur» [Линденау 1983: 23].

К сожалению, кого автор имел в виду под «китайскими тунгусами», неизвестно: дауры это были или какая иная этническая группа, жившая на Амуре? Однако можно предположить, что раз Я. И. Линденау упомянул этот факт, то какая-то часть якутов знала о неких «dagur», но в их представлении это были тунгусы из Китая. Мы предполагаем, что эта путаница могла возникнуть у соседствовавших с тунгусами-озянами якутов, которые еще на рубеже XVII–XVIII вв. могли встречать людей, идентифицировавших себя как «dagur», т. е. дауры, однако уже полностью тунгусоязычных. Тогда встает вопрос, почему якуты первой половины XVIII в. отождествляли неких «dagur» с Китаем. Поэтому данное обстоятельство порождает лишь вопросы.

Один из этих вопросов: существовала ли какая-либо этническая связь между алданскими даурами и хоролорами? Дело в том, что казаками они описаны как «братья даурского рода». Трудность в разрешении этого вопроса является тот факт, что казаки могли называть «братами» вообще все монголоязычные этносы при их описании. Так в документах XVII в. первоначально амурских дауров называли «братскими людьми», т. е. так же, как и бурятов. Об их языке в архивных документах того времени сообщается, что *«розных де языки по Зеи и по Шингалу и по Амуру пять языков: брацкий, дучерский, шингальский, нацкий, гильяцкий»*, но сами *«брацкие люди говорят по-колмацки»* [Долгих 1958: 128].

Однако «братами» казаки преимущественно называли бурят, поэтому можно предположить, что хоролоры и дауры могли иметь общее происхождение и некогда были частью единой этнической группы — «хоринским племенем», или, наоборот, сами хоролоры могли быть в прошлом частью «даурского народа». Это подкреплено тем, что между хоролорами и даурами обнаруживаются некие этнические и языковые связи, которые существовали в прошлом.

В частности, этот вопрос рассматривала якутский археолог, доктор исторических наук Розалия Иннокентьевна Бравина. Она выявила, что в прошлом

существовала некая связь между населением центральной и восточной Якутии, преимущественно с хоролорами, с населением Приамурья. Р. И. Бравина указывает на сходства в религиозном отношении: отмечается, что древнее население Амура, в частности чурчжэни-удигэ, и якуты центральной Якутии того же периода имели одинаковый обряд «кормления» духа огня, т. е., приступая к трапезе, они бросали в огонь немного пищи с целью задобрить духа огня [Бравина 2021: 202].

Особенно эта связь отразилась на погребальном обряде якутов XIV–XVII вв., например, погребальные колоды, костяные наконечники стрел, украшения, предметы конской сбруи и др. характерные для погребального обряда ундугунской и владимировской культуры, обнаруживаются и в якутских погребениях [Бравина 2021: 202].

Р. И. Бравина приводит такой пример: во время зачистки заполнения плавиных печей на Шайгинском городище были обнаружены костяки детей не старше десятилетнего возраста. Все кости находились в анатомическом порядке, однако черепа были разбиты на мелкие части. Погребение с похожим обрядом, датированное XIV–XVI вв., открыто в Якутии в местности Кёрдюгэн Мегюренского наслега Мегино-Кангаласского района, который входил в ареал расселения хоролоров [Бравина 2021: 202].

Эта связь могла отразиться в названиях некоторых предметов обихода якутов более позднего периода. Так, у якутов бронзовая курительная трубка называлась *добур хамса*, что можно перевести как «даурская трубка» [Бравина 2021: 203]. Вероятно, это может говорить о даурском происхождении такого предмета, однако нельзя быть в этом полностью уверенным.

Еще одним интересным моментом, который затрагивает Р. И. Бравина, является «утино-гусиная» речь, приписываемая якутами хоролорам: в олёминском варианте Олонхо сопоставляется, вероятно, с китайским языком — *Кытай курдук кустуу-хаасты лахсыя турда* 'Продолжил он говорить по-птичи, словно китаец'. Для языка дауров характерно значительное число заимствований из языка маньчжур и китайцев, наиболее древний пласт которых датируется ранним средневековьем [Бравина 2021: 204]. В этом свете нам кажется интересным упомянутое ранее сообщение Я. И. Линденау, что якуты называют китайских тунгусов «Dagur» [Линденау 1983: 23], где мы также видим, что якуты по какой-то причине связывают народности, относительно предков которых можно предполагать, что они были монголоязычными, с Китаем: в первом случае это хоролоры и во втором — «Dagur».

Р. И. Бравина отмечает наличие ряда общих элементов в материальной и духовной культуре современных дауров и якутов, что, вероятно, свидетельствует об их былых этнических контактах. Например, в комплект охотничьей одежды дауров таежных районов Прихинганья входят зимняя шапка *мяат магал*, сшитая из выделанной шкуры головы козули, лисы, волка, и рукавицы *бээль*, в длину доходящие до локтя и имеющие в районе кисти специальные разрезы, в которые можно высунуть руки, подобная одежда встречается и у якутов [Бравина 2021: 204].

Примечательно, что бисер и бусы якуты именуют *хоро чончу симэх* 'хоринские украшения', а металлические бубенчики шаманского кафтана — *хоро хобо* 'хоринские бубенчики' [Бравина 2021: 203]. Эти предметы обихода яку-

ты относили к хоролорским предметам точно так же, как курительная трубка отождествлялась с даурами.

О существовании пути из бассейна реки Амур в бассейн реки Алдан пишет еще Б. О. Долгих. Так, в своем труде он пишет, что в верховья Алдана и по Тонторе промышляли в первой половине XVII в. маньчжурские подданные из бассейна Амура, главным образом с Зеи. Когда даурское население было переселено с Амура и Зеи на Нонни, тогда и прекратилось, наверное, проникновение этих охотников в бассейн Алдана [Долгих 1960: 510].

Из вышеперечисленного мы можем предположить, что одна часть так называемых хоролоров на самом деле являлась даурами, переселившимися с Амура в Центральную и Восточную Якутию, во время торгового транзита с юга на север. Большая часть из них смешалась с местными якутскими племенами, влившись в состав хоролоров, однако долгое время оставалась последняя группа — алданские дауры, которые относились к одноименному роду алдан.

Отчасти это подтверждает сам Б. О. Долгих, который пишет, что так называемые «братья даурского рода», вероятно, приплыли в бассейн реки Алдан с притоков Тонтора или Учуры, куда они зашли с бассейна реки Зеи во время зимнего охотничьего сезона [Долгих 1960: 510].

В начале 80-х гг. XVII в. «дауры Камнунского зимовья» могли перебраться обратно в районы Приамурья, а оттуда — в Маньчжурию [Долгих 1958: 128]. Примечательно, что, по вышеуказанному предположению, дауры после зимнего охотничьего сезона решили остаться и жили у берегов Алдана как минимум с 1634 по 1678 гг., т. е. 44–45 лет.

Встает вопрос: что же могло заставить дауров остаться на берегах Алдана на такой длительный срок? Можно выдвинуть предположение, что миграция дауров в начале XVII в. далеко на север связана с противостоянием между императором Нурхаци и даурскими князьями.

Часть дауров, в связи с вышеуказанным, могла перебраться на север по реке Зее на реку Алдан, а оттуда добраться до устья Камнуна, чтобы не выплачивать маньчжурам дань, что согласуется с мнением Б. О. Долгих [Долгих 1958: 128]. Подобное случилось и с якутами из рода Чорду, которые перебрались на север, избегая выплаты ясака, в район озера Ессей, где живут и поныне. Однако вопрос все еще остается открытым.

Анализ личных имен алданских дауров

В связи с вышеизложенным материалом мы можем выдвинуть рабочую гипотезу, что часть якутских хоролоров и алданские дауры в прошлом входили в одну общность, в связи с этим у них должна быть определенная связь, отраженная в именах.

Эта гипотеза имеет право на существование, но проблема в том, что, кроме описания в ясачных книгах, на материале которых осуществил свое исследование Б. О. Долгих, и в редких архивных документах, алданские дауры нигде больше не упоминаются. Поэтому приходится провести анализ их личных имен в вышеуказанных книгах.

Единственным, что может пролить свет на их происхождение, является сравнительно-лингвистический анализ их имён, сохранившихся в ясачных

книгах. Имена, описанные выше, уникальны. Стоит заметить, что у тунгусов и якутов, которые соседствовали с даурами в те времена, подобные имена найти не удалось, и, вероятно, имен, похожих на даурские, у этих народов не было, даже «коринцам Камнунского зимовья» свойственны якутские имена. Эта особенность сразу же поставила под сомнение версию о долгих и непрерывных отношениях алданских дауров с хоролорами, т. е. о долгом соседстве дауров с якутами, в том числе хоролорами и якутскими тунгусами.

Теперь же подробнее рассмотрим имена ясачных «дауров Камнунского зимовья». В разный период было записано несколько имен: *Васиг* (в форме притяжательного прилагательного Васиганов), *Дергак*, *Игас*, *Малко* (в форме притяжательного прилагательного Малков), *Мукамут*, *Римка*, *Салдыч*, *Чимчак* и *Якуня* [Долгих 1960: 498].

Стоит отметить, что вышеуказанные имена не имеют совпадений с другими даурскими именами, встречающимися в русскоязычной историографии. Например, с такими именами, как: *Лавкай*, *Албаз*, *Кулиркэн*, *Эмдиган*, *Чипа*, *Балдачи*, *Фэйянгу*, *Жингучи*, *Галдас*, *Габур*, *Эсур*, *Алитай*, *Кэйин*, *Улис*, *Бомбогор*, *Вандай*, *Галинга*, *Гайгудар*, *Пэйлэр Умэди*, *Чип*, *Екод*, *Мул*, *Суданг* [Цыбенев 2011: 137–141; Цыбенев 2017: 241–244]. Эти имена принадлежали даурским князьям и родоначальникам. Как мы видим, ни одного соответствия с именами алданских дауров не наблюдается.

С первого раза можно предположить, что эти имена имеют явно немонгольское происхождение. Однако это ошибочное предположение. Во-первых, казаки и переписчики часто искажали сложные инородческие имена, например, якутские имена часто искажались для благозвучия: так, в архивных документах и в крестильных книгах можно встретить имена: «Тымка» вместо «Тынхаал», «Убан» вместо «Уйбаан» (рус. Иван), «Микулай» вместо «Ньюкулай» (рус. Николай), «Гирелий» вместо «Киргизлэй» (рус. Григорий). Во-вторых, имена сибирских народов могли исказиться из-за похожего звучания с именами народов, с которыми русские первопроходцы уже встречались. Для большего наглядного примера мы проведем сравнительный анализ даурских имен с именами других народов, населяющих Россию. Для сравнения мы взяли имена известных нам дауров и имена народов Поволжья, Кавказа и Приуралья. Имена для сравнения нами были взяты из разных источников [Ал-Карнаки 2012; Джанузаков, Есбаева 1988; Справочник 1987; Сводный словарь 2012] (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная таблица имен дауров с именами народов Приуралья и Кавказа
[Table 1. Names of Daur and those of peoples inhabiting the Cis-Urals and Caucasus. A comparative table]

№	Даурский	Татарский	Башкирский	Казахский	Иные
1	Васиг	Васиф	Васих	Бейсек	Вазиф (лезг.)
2	Дергак	–	–	–	Дергехан (лезг.)
3	Игас	Игез (устар.)	Игез (устар.)	Егизбай	Игас (лезг.)
4	Малко	Малик	Малик	Малкен	Малгами (лезг.)
5	Мукамут	Мухаммуд	Мухамуддин	Мугаммед	Мугудин (лезг.)
6	Римка	Рим	Рам	–	Ремихан (лезг.)

7	Салдыч	–	–	Салтай	Салдай (чув.)
8	Чимчак	Шэмси	Шэмси	Шамшат	Шамси (лезг.)
9	Якуня	Яган	Яганб	–	Яхун (чув.)

Как можно увидеть по таблице № 1, имена алданских дауров по какой-то причине совпадают в той или иной степени с именами мусульманских народов: татар, башкир, казахов и лезгин. Вызвано ли это простым совпадением в звучании имен дауров с уже знакомыми для русских именами мусульманских народов, или же, как мы уже отмечали ранее, это было искажением, которое допустили казаки во время сбора ясака, так как не сумели записать собственно даурские имена правильно, — этот вопрос остается без ответа. Согласно нашему мнению, оба эти замечания верны, однако без достоверных данных что-либо сказать об этом наверняка невозможно.

Похожие имена встречаются и среди монгольских народов, за несколькими исключениями. Стоит отметить, что имена алданских дауров весьма своеобразны и сильно отличаются от имен родственных им народов: бурят, монголов и калмыков. Отдельно стоит упомянуть, что, к большому сожалению, имен собственно современных дауров, среди которых могут быть потомки тех самых алданских дауров, нам обнаружить не удалось. Ниже приведена сравнительная таблица между именами ясачных дауров и именами современных монголоязычных народов. Имена монголоязычных народов были взяты из таких работ, как: [Митрошкина 2013; Монраев 2012; Ульгийсайхан, Скородумова 2008] (см. табл. 2).

Таблица 2. Сравнительная таблица имен ясачных дауров с именами монгольских народов
[Table 2. Names of yasak Daur and those of Mongolian peoples.
A comparative table]

№	Даурские	Бурятские	Совр. даур.	Калмыцкие	Монгольские
1	Васиг	Басай	?	Босха	–
2	Дергак	Доржоо	?	Дарга	Даргиа; Даржаа
3	Игас	–	?	–	Ихэ
4	Малко	Малхан	?	–	Малхан; Мэлхий
5	Мукамут	–	?	Мамут	Мам
6	Римка	–	?	–	–
7	Салдыч	Солдоо	?	Салда; Салдус	Салдан
8	Чимчак	–	?	Чомучин	–
9	Якуня	Яхунай	?	Яха	Ягаан

Несмотря на то, что имена *Игас* и *Римка* не удалось найти в списке имен монгольских народов, остальные имеют аналоги у других монголоязычных народов. Как мы можем судить по полученным данным, имена ясачных дауров, вероятнее всего, имеют монгольские корни, за исключением нескольких, которые, видимо, были искажены под влиянием субъективных причин, указанных выше в статье.

Таким образом, можно сделать несколько выводов по анализу имен алданских дауров:

1) такие имена, как *Васиг*, *Дергак*, *Малко*, *Салдыч*, *Чимчак* и *Якуня*, явно имеют монгольское происхождение и имеют аналоги среди имен других монгольских народов, больше всего параллелей в звучании обнаруживается с калмыцкими именами. Так, имя *Васиг*, скорее всего, является искаженной вариацией имен *Басай* (бур.) или *Босха* (калм.); имя *Дергак*, вероятно, связано с *Дарга* (калм.) и с *Даргаи* (монг.); *Малко* — с *Малхан* (бур., монг.) или *Мэлхий* (монг.); *Салдыч* — *Солдоо* (бур.), *Салдус* (калм.); *Чимчак* — *Чоличун* (калм.); *Якуня* — *Яхунай* (бур.), *Яха* (калм.) и *Ягаан* (монг.) (см. табл. 2);

2) в то же время имеются имена, которые мы не можем однозначно отнести к монгольским. Имя *Игас*, может быть, имеет тюркское происхождение, и, вероятно, было позаимствовано предками алданских дауров у тюркоязычных этносов. Это имя встречается преимущественно у тюркских этносов в формах: *Игез*, *Егизбай*, *Игас* (см. табл. 1), хотя похожее имя встречается у монголов — *Ихэ* (см. табл. 2). Имена *Римка* и *Мукамут* уникальны в первую очередь тем, что имеют сходство с именами народов Поволжья и Кавказа, которые имеют либо персидское, либо арабское происхождение. Хотя имя *Мукамут* может быть либо каким-то аналогом калмыцкого имени *Мамут*, либо искаженной формой какого-то другого даурского имени.

К сожалению, мы не смогли обнаружить исследований, посвященных даурским именам, а имена дауров, приведенные в других источниках и похожие на имена алданских дауров, найти не удалось. Более того, среди якутов и тунгусов XVII в. и более позднего времени, имен, похожих на имена алданских дауров, найти также не удалось.

Дело осложняется еще тем, что точное месторасположение Камнунского зимовья неизвестно. Более того, существует проблема идентификации реки Камнун, в устье которой и было построено зимовье, хотя на старых картах под рекой Камнун обозначалась либо река Хандыга, либо река Мана, но сейчас принято считать, что так казаки называли реку Хамна.

Используя описания, взятые из ясачных книг, можно было бы определить местопребывание дауров относительно зимовья и начать археологические изыскания. В результате археологических исследований можно было бы пролить свет на происхождение дауров по особенностям их культуры, в сравнении с культурой амурских дауров или байкальских бурятов тех лет, что поставило бы точку в вопросе об этнической принадлежности алданских дауров.

Выводы

Подытоживая данное исследование, можно констатировать тот факт, что мы имеем уникальную для Якутии этническую группу. Скорее всего, алданские дауры были именно даурами, а не «монголоязычными хоролорами», т. е. хоринцами. Хотя и последняя гипотеза имеет право на существование, подобной точке зрения противоречит то, что у соседей алданских дауров, «коринцев Камнунского зимовья», были якутские имена, а у тунгусов и якутов тех времен подобных имён нам обнаружить не удалось. В то же время в именах алданских дауров обнаруживается определенная связь с именами современных бурят, калмыков и монголов. Большая связь в плане ономастики обнаруживается между алданскими даурами и современными калмыками, это может свидетельствовать о монгольском происхождении алданских дауров.

Однако обнаруженных данных недостаточно для точной этнической идентификации, и эта проблема требует дополнительного исследования во всех областях. В результате археологических исследований можно было бы определить особенности материальной культуры дауров, что дало бы ответ на многие интересующие нас вопросы.

На этом этапе изысканий об алданских даурах мы можем констатировать тот факт, что алданские дауры, вероятно, были людьми, пришедшими на среднее и верхнее течение Алдана в начале XVII в., и их еще тогда пришло очень мало, это бы объяснило, почему дауры не оставили своего следа в гидронимах и топонимах долины рук Хамна и Хандыга. Однако зачем они пришли туда, до сих пор непонятно. Были ли это купцы, которые остались жить в тех краях, либо это какая-то группа охотников, которые остались в тех краях, — непонятно. Почему они пришли ограниченной группой примерно в 50 человек? Если они пришли задолго до прихода русских, почему не оставили о себе никакой памяти у якутов, кроме образа «китайских тунгусов», и дали название предметам обихода, пока у тех же якутов существует огромный пласт фольклора и исторической памяти о «хоролорах». Учитывая, что в погребальном обряде якутов, особенно у якутов-хоролоров, обнаруживается связь с аналогичными обрядами у населения Приамурья того же периода, то дауры могли посещать центральную часть Якутии. Говорит ли это, что хотя бы часть хоролоров на самом деле являются потомками амурских дауров, которые переселились в центральную часть современной Якутии, но были ошибочно отождествлены соседними якутами с «хоролорами»? На эти вопросы пока еще нет ответа.

Литература

- Ал-Карнаки 2012 — *Ибн Мирзакарим ал-Карнаки*. Мусульманские имена. Словарь-справочник [электронный ресурс] // Серия: Мир ислама. Ред. Х. А. Мадраимов. СПб.: Дия, 2012. 448 с. URL: <https://www.rulit.me/books/musulmanskie-imena-slovar-spravochnik-read-279411-1.html> (дата обращения: 18.02.2013).
- Бравина 2021 — *Бравина Р. И.* Якутские хоролоры // История Якутии: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2021. Т. 1. 536 с.
- Джанузаков, Есбаева 1988 — *Джанузаков Т. Д., Есбаева К. С.* Казак есімдері (= Казахские имена). Алма-Ата: Наука, 1988. 480 с.
- Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в 17 веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 627 с.
- Долгих 1958 — *Долгих Б. О.* Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 125–142.
- Митрошкина 2013 — *Митрошкина А. Г.* Словарь бурятских личных имен. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. 200 с.
- Монраев 2012 — *Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Герел, 2012. 255 с.
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Сводный словарь 2012 — Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. Р. Ю. Намитокова. М.: Флинта, Наука, 2012. 584 с.

- Справочник 1987 — Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской (отв. ред.), Ю. М. Гусева. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 656 с.
- Тимофеев 1875 — *Тимофеев А. И.* Русская историческая библиотека, издаваемая археологической комиссией. Т. II: [1291–1645 гг. / ред. А. И. Тимофеев]. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. 1228 стб.
- Ульгийсайхан, Скородумова 2008 — *Ульгийсайхан Д., Скородумова Л. Г.* Современный монгольско-русский тематический словарь. М.: Вост. лит., 2008. 362 с.
- Цыбенков 2011 — *Цыбенков Б. Д.* Даурские роды в 17 веке // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2011. № 8. С. 238–246.
- Цыбенков 2017 — *Цыбенков Б. Д.* Из истории Даурского народа в 17 веке // Власть. 2017. № 2. С. 137–141.

References

- Bravina R. I. Yakut Khorolors. In: Alekseev A. N., Bravina R. I., Romanova E. N. (eds.) History of Yakutia. In 3 vols. Novosibirsk: Nauka, 2021. Vol. 1. 536 p. (In Russ.)
- Dolgikh B. O. Peoples of Siberia, 17th Century: Clans and Tribes. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 627 p. (In Russ.)
- Dolgikh B. O. Peoples of the Amur, 17th century: Ethnic groups and areas inhabited as evidenced by Russian sources. In: Collected Articles on Far Eastern History. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. Pp. 125–142. (In Russ.)
- Dzhanuzakov T. D., Esbaeva K. S. Kazakh Names. Alma-Ata: Nauka, 1988. 480 p. (In Kaz.)
- Ibn Mirzakarim al-Karnaki. Muslim Names: A Reference Dictionary. Series 'The World of Islam'. Kh. Madraimov (ed.). St. Petersburg: Dilya, 2012. 448 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/musulmanskie-imena-slovar-spravochnik-read-279411-1.html> (accessed: February 18, 2013). (In Russ.)
- Lindenau J. J. Description of Siberia's Peoples, Early-to-Mid 18th Century: Historical and Ethnographic Materials on Peoples of Siberia and Russia's Northeast. Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. A Dictionary of Buryat Personal Names. Ulan-Ude: Buryat State University, 2013. 200 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. Kalmyk Personal Names: Semantics. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Russ.)
- Namitokova R. Yu. (ed.) Peoples of the North Caucasus: A Composite Dictionary of Personal Names. Moscow: Flinta, Nauka, 2012. 584 p. (In Russ.)
- Superanskaya A. V., Gusev Yu. M. (eds.) Peoples of the RSFSR: A Dictionary of Personal Names. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 654 p. (In Russ.)
- Timofeev A. I. The Russian Historical Library: An Edition of the Archaeographic Commission. Vol. II. St. Petersburg: Panteleev Brothers, 1875. 656 p. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. Daur clans, 17th century. *Buryat State University Bulletin. Pedagogy. Philology. Philosophy.* 2011. No. 8. Pp. 238–246. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. From the history of Daur people in the 17th century. *Vlast'*. 2017. No. 2. Pp. 137–141. (In Russ.)
- Ulgisaikhan D., Skorodumova L. G. The Contemporary Mongolian-Russian Thematic Dictionary. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. 362 p. (In Mong. and Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 391 + 393

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-95-110

О традициях народной медицины аларских бурят

Галина Виссарионовна Махачкеева¹

¹ независимый исследователь (д. 1-5, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

 0000-0002-7558-9302. E-mail: ecoprint@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Махачкеева Г. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье впервые рассматриваются локально-региональные лечебные традиции аларских бурят, ныне расселенных в Аларском районе Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области и относимых к группе бурят, населяющих западный берег Байкала и потому называемых западными или предбайкальскими (ранее, в дореволюционных исследованиях, — северными). Лечебные практики современных аларских бурят унаследовали богатейший опыт от предшествующих поколений. Обусловлены они были факторами, среди которых наиболее важными являются естественно-географические условия лесостепной полосы, где органично сочетались разные хозяйственные типы: пашенное земледелие, полуседлое скотоводство, сезонная промысловая деятельность. Народная медицина данной этнической группы также тесно связана с шаманскими верованиями, которые, несмотря на многолетние гонения, сохранились до сих пор. *Актуальность* работы продиктована слабой ее изученностью. Особый интерес представляет лечебная практика аларских бурят и потому, что она не была в зоне влияния тибетской медицины, так как на территории расселения данной этнической группы буддизм не успел пустить глубокие корни из-за активного противостояния православия. *Целью* исследования является анализ лечебных практик аларских бурят. Основой для статьи стали немногочисленные публикации, архивные данные, экспедиционные авторские материалы. *Результаты.* В работе рассмотрены шаманское врачевание, средства лечения растительного и животного происхождения, психологического воздействия, иррациональные практики и профилактические методы. Сделана попытка систематизации лечебного комплекса. Внимание уделено этимологии названий определенных заболеваний и диалектной медицинской терминологии. Рассмотрена природа определенных болезней и явлений, проведены сравнительные параллели с лечебными традициями других этнических групп.

Ключевые слова: аларские и предбайкальские (западные) буряты, здоровье, народная медицина, лечение, профилактика, шаманское врачевание, медицинская терминология, болезни

Для цитирования: Махачкеева Г. В. О традициях народной медицины аларских бурят // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 95–110. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-95-110

Folk Medicine Traditions of Alar Buryats Revisited

Galina V. Makhachkeeva¹

¹Independent Researcher (1/5, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

 0000-0002-7558-9302. E-mail: ecoprint@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Makhachkeeva G. V., 2022

Abstract. *Introduction.* The article provides a first insight into local and regional folk medicine traditions of Alar Buryats (once a part of Balagansk Buryats) nowadays inhabiting Alarsky District of Ust-Orda Buryat Autonomous Okrug (Irkutsk Oblast, Russia) and clustering with Buryats from the western coast of Lake Baikal, the latter therefore referred to as ‘western’ or ‘Cis-Baikalia’ (sometimes ‘northern’) Buryats. Healing practices of present-day Alar Buryats include richest experiences of previous generations, the former largely determined by a number of natural and geographic factors and conditions of the forest-steppe zone that resulted in consistent combinations of economic patterns, such as arable farming, semi-sedentary livestock breeding, seasonal hunting and fishing. Folk medicine of this sub-ethnic group retains strong ties to shamanic beliefs to have survived the long decades and centuries of persecution. The research topic proves interesting enough since the region under consideration — like the entire Baikal Region — is characterized by a lack of Tibetan medicine influence to have resulted from Orthodox Christianity’s resistance to the expansion of Buddhism. This factor made it possible to preserve the unique ancient traditional treatment techniques, while shamanic healing patterns based on a mythological worldview also constitute a large unexplored area of Baikalia at large. So, local healing traditions remain somewhat understudied. There are only fragmentary data in some works on this subject. *Goals.* The study aims to analyze the available data on traditional healing practices of Alar Buryats — publications, archival materials, and field notes. *Results.* The article classifies a set of animal and plant medicines, methods of psychological impact, irrational practices, preventive healthcare approaches and shamanic healing methods. Special attention is paid to etymologies of names of certain diseases and dialect medical terms. An effort is made to analyze the nature of some diseases and phenomena in comparison to healing traditions of other ethnic groups with due regard of modern medical knowledge.

Keywords: Alar Buryats, Buryats of Cis-Baikalia, health, folk medicine, treatment, preventive healthcare, shamanic healing, medical terminology, diseases

For citation: Makhachkeeva G. V. Folk Medicine Traditions of Alar Buryats Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 95–110. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-95-110

Введение

Народная медицина бурят Предбайкалья — область малоизученная. Ученными отмечено, что западные буряты почти в неприкосновенном виде сохранили пласты медицинских знаний, восходящих к глубокой древности [Галданова 1987: 34].

Целью данного исследования является анализ имеющихся материалов о локальных лечебных традициях, выработанных аларскими бурятами, рассеявшимися в лесостепной зоне левобережья Ангары в Предбайкалье, для которых был характерен многоотраслевой тип хозяйствования. Источниками исследования стали немногочисленные работы по этой тематике.

В 1877 г. Н. Н. Агапитов изучал лекарственные травы Приангарья [Агапитов 1878]. В 1895 г. врач М. Т. Поротов провел антропологические исследования аларских бурят, на основе которых им была защищена диссертация на степень доктора медицины «К антропологии бурят. Буряты-аларцы» [Поротов 1895]. М. Т. Поротов отмечал, что аларцы «редко имели дело с эндемическими заболеваниями», бывали эпидемии кори, скарлатины, дифтерии, из хронических сыпных болезней — экземы, из болезней дыхательных органов — чахотка. Фатальность автор видел «в переселении из юрты, где был всегда свежий воздух, в пыльную, жарко натопленную, полную испарений избу» [Поротов 1895: 55]. Нередко наблюдались у аларцев заболевания желудочно-кишечного тракта. Катар желудка (кислотное брожение) врач приписывал обильному употреблению кисломолочных продуктов [Поротов 1895: 55].

В начале XX в. некоторые сведения по народной медицине аларцев были собраны краеведом П. П. Баторовым [Баторов 2006]. В этот же период фрагментарные данные о лечебных практиках бурят Предбайкалья зафиксированы в историко-этнографических публикациях Ц. Жамцарано, Г-Д. Нацова [Жамцарано 2011; Нацов 1995], в советское время — в работах М. Н. Хангалова, В. А. Михайлова [Хангалов 1958; Михайлов 1987].

К исследованию привлекались данные архивных [Зимин 2017], фольклорных [Баирова 2004; Манжигеев 1978], а также полевых материалов автора [ПМА 2013а; ПМА 2013б; ПМА 2014; ПМА 2016а; ПМА 2016б; ПМА 2016в; ПМА 2017а; ПМА 2017б; ПМА 2018; ПМА 2019; ПМА 2020].

Для изучения и проведения сравнительно-сопоставительного анализа привлекались данные из традиций родственных этнических групп и народов, в частности калмыков [Галданова 1992; Бакаева, Гучинова 1992].

Особенности традиций народной медицины

Состояние здоровья аларских бурят до возникновения советской системы здравоохранения

Установившийся веками строй жизни коренного населения Сибири был нарушен с появлением новых потоков переселенцев — колонистов. Ведь, как известно, в их числе был в основном деклассированный элемент: беглые, «преступники, отставные солдаты, в 1760 г. был издан указ, разрешавший помещикам отправлять в Сибирь провинившихся крестьян в зачет рекрутского набора» [История Бурятии 2011: 95]. С появлением переселенцев из других регионов в среду были привнесены новые болезни: оспа, тиф, венерические заболевания, скарлатина [Содномпилова 2019: 186]. В XVII–XVIII вв. страшные опустошения производили эпидемии брюшного тифа и оспы. В 1772 г. казна выделила 1 000 руб. на покупку оспенного дома в Иркутске. Буряты отнеслись к этому нововведению здраво, приезжая с детьми на прививки за 200–300 верст [Богданов 2008: 123].

В целом, И. Г. Георги отмечал, что «болезней у них мало, однако до 60 лет редко доживают» [Георги 1799: 35]. Перечисляя распространенные болезни, он называет чесотку коростой или по-бурятски *хаму*, *халуун убэиэн* ‘брюшной тиф’ — «горячкой» или «местной лихорадкой», сибирскую язву (*боомо*) или чуму (*бодо*) (все ли здесь правильно? как будто не хватает слова). Также автор отмечает, что «незнакома между ними венерическая болезнь» [Георги 1799: 35].

Думается, решающим ранее был и такой фактор, как естественный отбор. В деревянных бурятских юртах всегда был свежий воздух, что способствовало естественному процессу закаливания. Выросший в таких условиях человек имел хороший иммунитет и редко болел. У аларских бурят есть понятие, обозначаемое метафорой *сээжин усюубуун* (досл. ‘грудной ребенок’), под которым имеют в виду слабого ребёнка, рожденного женщиной, организм которой не успел восстановиться от частых родов. Если раньше такие дети просто не выживали, то в советское время их начали выхаживать. Люди с ослабленным иммунитетом отличаются вялостью, неспособностью нести большие физические нагрузки. Поэтому раньше буряты обращали внимание на происхождение будущей невестки, ее здоровье и наследственность [ПМА 2008: Махачкеева].

На протяжении многих поколений аларские буряты выработали своеобразные лечебно-оздоровительные и профилактические методы, часть которых сохранилась до наших дней. В основном это процедуры, содержащие доступные продукты и компоненты. Большой цикл представляла шаманская магико-медицинская практика, многие аспекты которой остаются невыясненными и требуют специального изучения.

Шаманское врачевание

Внутри этого целительства у аларских бурят существовала узкая специализация.

1. Отдельную группу представляли повитухи *нарайлхада нуудаг* (досл. ‘находящаяся при родах’) или *хоохэ абааша* (досл. ‘принимающая ребенка’). Повивальную бабушку называли *хайхан тоодэй* (досл. ‘красивая бабушка’), повитуху помоложе — *хууни нуудал дээрэ нуудаг тоодэй* (досл. ‘бабушка, сидящая в доме у людей’). Кроме выполнения акушерских обязанностей, повитухи проводили обряд призывания предков-покровителей, своих и роженицы, прося помощи для благополучного исхода родов. Делали массаж, могли оказать помощь при неправильном предлежании плода: если послед долго не отходил, опытная повитуха могла рукой его вытащить *хани гардат абаха* [ПМА 2016в: Хинхаева]. М. Т. Поротов отмечал, что осложнения при родах были очень редкими [Поротов 1895: 89]. Занимающиеся родовспоможением женщины, как правило, имели наследственный дар и приравнивались к шаманкам — *одегон*, но низшего ранга. По этой причине после смерти они подвергались земному, а не воздушному погребению, которому подлежат шаманы высшей иерархии. Необходимость в услугах повитух с появлением и развитием советской системы здравоохранения постепенно отпала.

2. К особой когорте врачевателей относят костоправов *баряаши* — людей, обладающих наследственным умением «править» кости, мышцы, суставы, т. е. лечить травмы и болезни опорно-двигательного аппарата: переломы, ушибы, вывихи, растяжения, хондрозы, радикулиты, сотрясение мозга и т. д. Неоспорим тот факт, что этот метод лечения относится к шаманскому врачеванию, поскольку разрешение на практику получают проведением специального обряда. Дар целительского мастерства передается по наследству *удхаара*. В литературе последних лет за лечением подобного рода прочно утвердилась следующая терминология: мануальная медицина, мануальная терапия, остеопатия, кранио-

сакральная терапия, прикладная кинезиология, прикладная кинезиотерапия, висцеральная мануальная терапия [Что такое мануальная терапия].

3. Отдельное направление представляла лечебная практика шаманов-кузнецов — особо почитаемой когорты в шаманской иерархии. Виды кузнечного лечения достаточно подробно описаны М. Н. Хангаловым. Это сложные обряды с заклинаниями *тарим* с применением кипящей воды и горячего металла [Хангалов 1958: 507]. Исследователи отмечают, что эти способы лечения обладают генетической общностью с лечебными приемами тюркских скотоводческих народов, имеющих индоевропейские истоки [Дашиева 2019: 50]. Сегодня они практикуются редко.

4. Лечение занимаются и другие шаманы, арсенал целительских средств которых довольно широк. Среди них: традиционные методы народной медицины, массажи контактные (*эльбэхэ*, *бариха*) и бесконтактные (лечение пациента силой мысли с использованием шаманских кодов, в том числе дистанционная практика, в основном применяющаяся для тех людей, с которыми ранее целитель контактировал), заговоры, снятие испуга, порчи и сглаза, следствием которых являются болезни, т. е. работа с полем причин.

Выявление причины болезни является главной и сложной задачей в шаманском врачевании. Тема остается за пределами внимания исследователей, в связи с чем слабо изучена. Известно, что болезнь — это симптом того, что наш путь отклонился от правильного вектора, т. е. ее причины лежат в поведении и психике человека. И задача шамана, лечащего недуг, давать человеку изменение этого вектора и направлять его на путь, который поможет избежать болезней [Истомин 2017: 18]. Обнаруживается, что причины многих проблем со здоровьем лежат в плоскости экзотерических знаний, в традиционном обществе ранее широко известных, но ныне частично утраченных.

Так, в бурятском шаманизме все, что связано с кузницей, было окутано сакральностью. Кузнечный культ наблюдался и во многих других обществах, например якутском, где положение кузнеца почти равнялось положению шамана [Турза 2009: 94]. Но с изменением хозяйственно-производственной деятельности человека кузницы утратили свое значение. Оказали влияние и гонения на шаманизм, в связи с чем подверглась забвению и устно передаваемая из поколения в поколение информация об особенностях кузнечного культа. Анализ конкретных примеров, приводимых информантами, выявил, что тяжелые болезни, часто со смертельным исходом, преследовали всех, кто нарушил незыблемость кузнечных канонов. Например, если есть нарушения при проведении кузнечного обряда, где виновным признается шаман; несоблюдение людьми неприкосновенности кузнечного пространства, в том числе бывшего: использование с места старой кузницы бревен, земли и даже шлака — отходов, оставшихся от обработки металла.

Связанный с вывозом шлака один любопытный случай, поведанный информантом, представляется особенно наглядным: семья заселилась в дом, недалеко от которого высилась гора шлака — переработанных кузнечных отходов. По их поводу ворожеей-узэлиэ, к которой обратились при покупке дома хозяева, было сказано: «эти отходы будете вывозить не своими руками». Поэтому шлак в качестве строительного материала был предложен знакомым,

строившим дом. Несчастья начались сразу же: непосредственный исполнитель почувствовал себя плохо и не успел далеко уехать со смертельным грузом, через несколько дней ему был диагностирован рак на последней стадии. Пострадали и участники события, оказывавшие содействие. В тот же день ребенок водителя, находившийся в сопровождающей машине, выпил электролит, приняв его за лимонад. Пострадали и члены семьи хозяина дома, которые не принадлежали к шаманским родам и, соответственно, не имели защиты (мать и теща): у первой был зафиксирован инфаркт со смертельным исходом, у второй — инсульт в тяжелой форме. Проблемы со здоровьем начались и у хозяина дома [ПИМА 2014: Махачкеева].

Наказания в виде тяжелых болезней преследуют за неподобающее поведение и в других сакральных местах. Например, тракторист во время вспашки поля задел сук священной березы *барисы* — придорожного культового дерева, у которого обязан остановиться каждый путник, результат — впал в кому; ранее, в советское время, из-за шалостей у этого же дерева пострадали подростки, один из которых остался тяжелым инвалидом [ПИМА 2017а: Ухакшинова].

Итак, в описанных ситуациях наблюдается осквернение сакральных мест, когда наказание последовало незамедлительно. Неприкосновенным является все, что касается кузнечного дела: заброшенное здание, земля под кузницей и вокруг нее, и даже переработанные отходы. Незнание законов, как видим, и в шаманизме не освобождает от ответственности, но особенно строгий счет выставляется кузнечным *дарханским* нарушениям. Согласно воззрениям аларских бурят, это выражается метафорой «*Дархадууд дарабэдэ-барабэдэ халхабэ*», что означает «кузнечные божества не успокоятся, пока не покончат с виновником» [ПИМА 2020: Дагаева]. В таких случаях выход один — провести кузнечный обряд просительного-умилостивительного характера, который проводится шаманом, имеющим черные кузнечные корни. Обряд может провести шаман и с белой кузнечной наследственностью (работа с белым металлом), но в этом случае она обязательно должна быть непрерывной на протяжении семи поколений. Обряд проводится безлунной ночью, с жертвоприношением бараном черной масти, цель — вымолить прощение, если проступок был совершен по незнанию [ПИМА 2016б: Лигай].

У шаманистов издавна известно, что если запрет нарушают, заведомо зная о нем, то последствия всегда бывают плачевные, за исправление ошибки ни один шаман уже не возьмется. Если же случайно или по неведению, то еще есть шанс исправить ситуацию, но только в начале события. Нарушения такого рода обязательно влекут за собой тяжелые болезни, в результате — сокращение жизненного срока человека, иногда грех переходит к потомкам.

Согласно поверьям балаганских бурят, каждая болезнь имела своего хозяина [Хангалов 1958: 455]. Об этом говорят улигеры:

У Дагтай Хара тэнгрия было семь сыновей,
Хозяев болезней-прострелов — с отеками головами,
С единственными клыками в громадных полостях ртов,
С единственными глазами на громадных своих макушках:
Старшим сыном был Хозяин язвы сибирской,
Вторым сыном был Хозяин раковой болезни,
Третьим сыном был Хозяин болячек (сыпи),

Четвертым сыном был Хозяин болезни «70 телег» (?)
Пятым сыном был Хозяин карбункула,
Шестым сыном был Хозяин язвы,
Седьмым сыном был Хозяин чесотки.

[Баирова 2004: 121].

Здесь четвертый сын, согласно древним представлениям, — Хозяин неустановленной болезни *далан тэргэд* ‘70 телег’. В шаманистической мифологии болезнь называется *далан тургэд* (досл. ‘70 быстрых’ — 70 безымянных духов-гениев болезни, вызывающих нарывы — карбункулы) [Манжигеев 1978: 42]. Болезнь также записана еще в двух вариантах: «*далан турготэ* — карбункул, лечат густою арцою, прикладывали овечий сырой курдюк» [Баторов 2006: 56]; нарыв *далан торгод* [Хангалов 1958: 455]. В действительности же эта четвертая болезнь — фурункул, одноголовчатый чирей *шиихан*, также называемый у аларцев *эрэ шиихан* (досл. ‘мужской чирей’), а пятая болезнь — карбункул, тот же чирей, но многоголовчатый — *эмэ шиихан* (досл. ‘женский чирей’) [ПИМА 2016а: Елтунова].

«Фиксация болезней, считающихся братьями в шаманском фольклоре, видимо, есть одна из первых попыток персонификации болезней: лишай *элдин*, нарыв *далан торгод*, неустановленной природы болезнь *сасьхя*» [Буряты 2004: 322]. Отметим, что последней неустановленной болезнью *сасьхя*, *сатьха* у аларцев называются кожные высыпания, вызванные герпесвирусами: опоясывающий лишай, герпес на губах [Баторов 2006: 57]. Появление чирья считается хорошим признаком, так как он выводит из организма шлаки и яды, служит «гарантией от заражения более опасными для жизни болезнями» [Манжигеев 1978: 99]. При лечении этих недугов аларские буряты обращались к шаманам, к заговорам, вытягивали гной компрессами из муки и органов животных.

Средства животного происхождения

До сих пор в Алари применяются своеобразные древние методы лечения, называемые *боро арга* — домашнее лечение [Шагдаров, Черемисов 2010: 142]. Практикуют его люди, имеющие наследственный дар. Следует подчеркнуть, что любое врачевание у бурят передается по наследству [Михайлов 1987: 165].

Лечение органами овцы, козы, коровы, собаки, лошади от опухолей, кожных и воспалительных заболеваний у западных бурят впервые были описаны в 1903 г.: в теплую шкуру только что забитого животного заворачивают больного, положив на его тело внутренние органы по принципу «подобное к подобному»: сердце — на сердце, печень — на печень и т. д. [Жамцарано 2011: 44]. На лоб аларцы клали селезенку. При укусе змеи сразу забивали барана, к ранке прикладывали трепещущее сердце, вытягивающее яд. Бывает слышно, как чмокает сердце. А если запоздали, и человека раздуло, обкладывали его органами и шкурой лошади [Жамцарано 2011: 44].

Процедура имеет разные названия: *боро арга*, *адаһа барюулха*, если прикладывали органы овцы — *хони дахаха*, свиньи, считавшиеся более сильными, — *гахай дахаха*. Лечили органами птиц, при головных болях — органами курицы, маленьких детей — органами ягнят, щенков. Методы являлись эффективными при соблюдении всех правил во время и после проведения лечения: считалось, что выводятся все токсины, организм очищается и оздоравливается.

При проведении процедуры важно было успеть проделать все манипуляции, пока шкура и органы животного еще «живые» и обладают, согласно поверью, способностью «вбирать» в себя токсины из тела больного, и не менее важно не упустить момент завершения, чтобы не навредить. Необходимо было строго соблюдать правила реабилитации: тепло одеваться, избегать тяжелых физических нагрузок, переохлаждения, переедания, курения, спиртного, т. е. беречь себя *бэе наръяр абат ябаха* [ПМА 2013б: Ухакшинов].

Практиковали такое лечение и закаменские буряты, состоящие с аларскими в одной племенной группе хонгодоров. У них процедуры именуется: *арханда уруулха* ‘ведение в шкуру’ и *жэн табиха* ‘компресс’ [Галданова 1992: 95]. Обёртыванием в шкуру с накладыванием компресса лечили только тяжело больных, а обертывание без компресса практиковалось более широко. Также у закаменских бурят было известно лечение *набтаһан* — заворачивание в плаценту (послед) крупного рогатого скота маленьких детей. Было замечено, что, пройдя процедуру, они растут крепкими, менее подверженными всяким болезням [ПМА 2019: Шагжиева].

Использовали ранее аларские буряты при лечении кровь животных и птиц: чтобы не болеть ангиной, охотники пили горячую кровь косули; заболевания полости рта, стоматиты *гэм*, кровоточивость дёсен лечили кровью из надрезанного куриного или петушиного гребешка, уха ягненка, теленка, щенка. Но сначала надо было распознать вид стоматита. Для этого обращались к знающим людям *гэм таниха хун*: желтизну на языке, овечий стоматит *хонинэй гэм* лечили овечьей кровью; белизну, козий стоматит *ямаанэй гэм* — козьей кровью; гнойное воспаление на десне, муравьиный стоматит *шоргоолжонэй гэм* — муравьиной кислотой; гнойные воспаления по бокам языка, шиповниковый стоматит *уургэнэй гэм* — отваром ветвистого шиповника, причем ветки шиповника различались: одиночные, так называемые женские, *бэһэзгэй* (досл. ‘без ремня’), мужские, с ответвлениями, *бэһэтэй* (досл. ‘с ремнем’) [ПМА 2016в: Хинхаева]. Мужские и женские отвары варили отдельно. К этим методам прибегали в случае, если лечение стоматита квасцами (купорос) *байбан(э)* не помогало. Как известно, квасцы применяются в современной медицине как дезинфицирующее, вяжущее, прижигающее и кровоостанавливающее средство [БТС 1998]. О том, что аларские буряты издавна знали квасцы, свидетельствуют незаимствованные термины: *хухэ байбан* ‘медный купорос’, *сагаан байбан* ‘нашатырь’ [Шагдаров, Черемисов 2010: 104].

Больные суставы (ревматизм, полиартрит) лечили обкладыванием согреваемым желудком и кишечника домашних животных, горячей травяной массой. Эффект гарантировался при соблюдении восстановительного периода. При тяжелых легочных болезнях, в частности при туберкулезе, кормили больного вареным собачьим мясом, так как считалось, что оно обладает лечебными свойствами. Очень эффективен при кашле нутряной животный жир (свиной, бараний, говяжий), который горячим втирают в грудную клетку и спину больного, а затем тепло его укутывают. Также при простудных заболеваниях для взрослых использовали и используют медвежий и барсучий жиры.

В свете современного модного увлечения обезжиренными диетами интересным представляется отношение аларских бурят к жирной пище: считается, что

отказываться от нее нельзя, она всегда была необходимым компонентом бурятской кухни. Издавна известно, что человек, не употребляющий жирное, постоянно мерзнет, *яһан даарана* (досл. 'кость мерзнет'), т. е. отказ от жирного может привести к уменьшению, а затем и отсутствию в костях костного мозга *сэмһэн*. У такого человека мало жизненной энергии [ПМА 2013а: Бульгова].

В этом аспекте любопытные выводы о наблюдениях русского народа были сделаны выдающимся ученым А. Н. Энгельгардтом еще во II половине XIX в.: согласно поговорке «как поедает, так и поработает», люди точно знают, какая пища к какой работе подходит [Сеятели и хранители 1992: 277]. При косьбе, например, требуется пища прочная, чтобы крепко стоять на ногах, а молотить лучше натошак, чтобы быть полегче. Считая мясо важной частью пищи, крестьянин даже на самой трудной работе вовсе не придает ему важности относительно рабочего эффекта. Главное значение он придает жиру, считая, что чем жирнее пища, тем лучше: «Маслом кашу не испортишь». Пища хороша, если она жирна, сдобна, маслена. Щи хороши, когда так жирны, «что не продуешь», когда в них «много навару, то есть жиру» [Сеятели и хранители 1992: 277].

Уникальные наблюдения разных народов подтверждаются современными исследованиями. По некоторым данным новейшей медицины, миф о вреде жирной пищи развенчан: в жире в первую очередь нуждается костный мозг, самая активная стволовая ткань в организме человека. Так что нетрудно предсказать последствия маложировой диеты: проседает иммунитет, а это ведет к проблемам с кроветворением, онкологии и т. д. [Никонов 2018: 19].

Активно использовались в лечении у аларцев молочные продукты: соленую сметану применяли при порезах, ранах как заживляющее средство; кипяченую *хоорлоһон* (термин в словарях отсутствует) пили при поносах; сметаной — вареной с мукой до появления масла (*саламат*) — массажировали больные места, например, живот при надсаде. Жирной молочной пенкой лечили заеды, трещины на сосках кормящих женщин, паховые складки у грудных детей, кожу рук, лица от обветривания [ПМА 2008: Махачкеева].

Горячее молоко с растопленным барсучьим жиром и кумыс пили при легочных заболеваниях. И сегодня практикуют аларцы молочные и кумысные ванны. Особенно эффективны для детей теплые ванны из свежего или разбавленного молока, теплого обрата, которыми лечили кожные, аллергические проявления; считается, что такие ванны вытягивают токсины, оказывают общее оздоровительное действие. Известно, что дети становятся спокойными, растут крепкими. Употребление горячей сыворотки помогает при запорах, ломоте в суставах [ПМА 2017б: Ухакшинова].

Лечение психосоматических заболеваний

Любопытен метод лечения мастита *энгээ*, *обто хойло* (термины в словарях не зафиксированы), практикующийся у аларцев и в наши дни [Зимин 2017].

Часто, кроме переохлаждения и стрессов, как считалось предками аларцев, причиной мастита у кормящих женщин может быть и неудовлетворение их кулинарных желаний. При появлении застойных явлений в молочных железах больной сразу говорили: «Вспоминай, где, какую еду тебе хотелось, но не довелось отведать?». Лечение своеобразное: вожделенное кушанье подавали, но

когда больная протягивала руку, блюдо с едой отбирали. Повторяли обманный трюк три раза.

Подобное лечение мастита существовало и у калмыков: «Если у молодой матери вдруг заболит грудь, ее подробно расспрашивают, не заходила ли она к кому-нибудь. Хозяйка дома в таком случае специально готовит названное блюдо, и, трижды выслушав просьбу отведать его, „обиженная“ съедает угощение, после чего жар, боли, согласно поверью, немедленно проходят» [Бакаева, Гучинова 1992: 97].

Как видим, этот метод из разряда психосоматических. Видимо, смысл заключается в том, что в данном случае клин выбивается клином, т. е. симптомы устраняются таким же образом, каким создавались *юунһэ энгэи — тэрээхэрээ аргалха* (досл. ‘от чего заболела маститом, тем и лечишься’) [ПМА 2018: Бабаринова].

По мнению ученых, о формировании психосоматических симптомов существует множество концепций. Наиболее понятная и простая такова: есть неотреагированная эмоция или глубокое чувство, в силу разных симптомов имеющие психогенный характер причин. Не находя для себя «выхода» в привычной психической сфере, они «стучатся» в соматическую, т. е. в тело [Рыбакова 2019].

От икоты *зохотхо*, согласно поверью, пили воду, задерживая дыхание; лучшее средство — соединить большой палец с мизинцем, крепко сжать и держать до прекращения икоты [Баторов 2006: 55].

При гнойных воспалениях в глаза закапывали женское грудное молоко, промывали детской мочой. Любые маленькие порезы, высыпания смачивали по утрам, только проснувшись, слюной *улэн шулһэн* (досл. ‘голодная слюна’) [ПМА 2008: Махачкеева].

Средства растительного происхождения

В питании аларских бурят мучные продукты всегда занимали важное место, поскольку регион издревле был земледельческим. Хлеб здесь всегда ценили, считали, что он обладает охранными и целебными свойствами. И лечение тестом *талхар балталха* было всегда популярным: при простудных заболеваниях мучными лепешками на теплом молоке обкладывали грудную клетку; для вытягивания гноя накладывали на фурункулы, карбункулы, рожистые воспаления, ушибы и растяжения, кожные высыпания, в том числе прыщи, на живот больного при поносах. Также при поносах пили зерновой отвар [ПМА 2020: Дагаева].

Кусочком теплого теста на молоке убирали щетинку на затылке, из-за которой новорожденные дети были плаксивы и плохо спали. Незаменимым считалось применение муки при ожогах: обожженное место засыпали мукой, предварительно смазав яичным белком (если есть в наличии), и бинтовали рану. Замечено, что боль в таком случае затихала мгновенно.

Отметим, что действительно «пшеничная (цельнозерновая) мука обладает рядом полезных свойств. Благодаря высокому содержанию витаминов группы В, марганца и меди продукты из нее способны поддерживать наш организм в постоянном энергетическом тонусе, стимулировать умственную деятельность, усиливать иммунитет, улучшать образование, регуляцию и свертываемость крови [Одной муки 2022].

Также из злаковых активно использовался овес: при заворачивании в шкуру животного больной ложился на толстый слой горячего распаренного овса, а сверху его укрывали шкурой; овсяным отваром и по сей день лечат болезни печени и почек [ПМА 2013б: Ухакшинов].

Припарки горячей золой, солью особенно эффективными считались при ушных болезнях, радикулитах, прострелах, суставных болях. При расстройстве кишечника употребляли черемуху, обладающую вяжущими свойствами.

Зубная боль *шудэни убэиэн* у аларских бурят лечилась довольно необычным способом: считалось, что зубы могут разъесть черви и их надо выманить из дупла. Делалось это так: на блюде насыпали горстку черных семян лука-батун и поджигали. Больной открытым ртом вдыхал луковый дым. Через некоторое время на скатерть выпадали, по поверьям, крохотные тоненькие белые червячки с черной головкой. После этого применяли полоскание ротовой полости соляным раствором или собственной, а также детской мочой. По данным информантов, в старину зубные болезни были редки, возможно, потому, что постоянно жевали листовничную смолу [ПМА 2008: Махачкеева].

В качестве обеззараживающего средства аларцы применяли труху гриба-дождевика (пылевик, табачник) *бурхан баабайн тамхин*, которой присыпали раны, останавливали кровотечение; труху вдыхали при насморке, отваром из нее полоскали больное горло. На поиски таких грибов обычно отправляли детей [ПМА 2018: Бабаринова].

Опрелости *нутхалдха* лечили порошком из корня ревеня *эшууһэн*, а также наскобленной мелкой корой сосны [Баторов 2006: 57]. Чесотку *хамуун-маажур* лечили березовым дегтем и сосновой смолой, смешанной со старым конским жиром [Баторов 2006: 59].

Широко практиковались в лечении и травы: младенческая трава, серебрянка, колокольчик, филицин корень, трилистка, шадровник, кимильтейка, киллетека, молочай, подснежник, чистотел и т. д. [Агапитов 1878: 96]. От кашля пили отвары веток шиповника, листовницы, пихты. Но под влиянием традиционных русских сюжетов о знахарях, колдунах и ведьмах, несущих на себе всю жизнь тяжкое бремя волшебной силы, постепенно произошла утрата интереса к лечебным травам [Содномпилова 2019: 186].

Минеральные источники

Пользовались аларцы для лечения и целебной силой минеральных источников *аршанов*. С этой целью ездили в соседние Тункинскую и Унгинскую долины, имея при себе большой запас продуктов, везли с собой барана. Считалось, что необходимо хорошо питаться, иначе организм мог не выдержать лечебную нагрузку *уһанда дарагдаха* (досл. 'быть побежденным водой'). Вообще старшее поколение аларцев относится к курортному лечению с осторожностью, считая, что без надобности нельзя принимать водные и грязевые ванны, чтобы не спровоцировать болезни. И в лечении важно не переусердствовать, надо соблюдать меру, а после — все правила восстановительного периода [ПМА 2016а: Елтунова].

При посещении лечебных, считающихся сакральными, мест соблюдают еще одно важное правило: обязательно проводить ритуал угощения хозяина местности белой пищей, испрашивая разрешения на лечение, а при отъезде — не забыть поблагодарить.

Уриноterapia

Лечение мочой имеет древние традиции у многих народов. Лечебной у аларцев считалась срединная моча маленьких детей или собственная. Ею лечили суставные, простудные, глазные болезни, кожные высыпания и воспаления.

К профилактическим средствам относится вся бытовая культура аларских бурят: умение правильно питаться, одеваться и организовывать свой труд по сезону и погоде. Особо щепетильны буряты по отношению к сырости, к резким переходам от тепла к холоду [Ленхобоев, Жамбалдагбаев 1983: 74].

Рацион питания аларцев был веками выработан: кисломолочные и мучные продукты, топленое масло, животные жиры. В холодное время года питались кониной, обладающей согревающими свойствами, а летом — бараниной и молочными продуктами. После баранины, как и вообще после жирной пищи, аларцы не пьют холодные напитки и избегают любого переохлаждения, так как сочетание жирного с холодным может привести к расстройству желудка или даже к кишечной непроходимости. Это очень опасное состояние называется *санхатаха* и может угрожать жизни. Спасают ситуацию только горячий черный чай, часто с солью, также теплые припарки на область живота [ПМА 2014: Махачкева].

Основным лечебно-профилактическим средством молочного происхождения у аларских, как и у всех западных бурят, являлся национальный молочнокислый напиток *хурэнгэ* (*курунга*), сегодня известный как лучший симбиотик, имеющий в своем составе особый бродильный грибок. Издавна *курунга* была распространена в Приангарье, где из-за природно-климатических условий предпочтение отдавалось разведению крупного рогатого скота. Пили *курунгу* ежедневно и считали ее общеродовым напитком [Егунов 1990: 52].

Полезные свойства продукта долгое время никто не рассматривал, но было замечено, что увеличение заболеваемости чахоткой напрямую было связано с уменьшением употребления *курунги*. Подробно лечебные свойства были изучены бурятским ученым П. А. Шаблиным, который на основе этого напитка создал уникальный продукт функционального питания с высочайшими регенеративными свойствами «ЭМ-Курунга».

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что традиционная народная медицина аларских бурят обладает богатым древним арсеналом лечебных средств с самостоятельной терминологией. Показательны целительные свойства средств, основанных на компонентах окружающей среды, а также профилактика заболеваний и их взаимосвязь с наработками новейшей медицины. Представляет интерес для науки и древняя своеобразная система шаманского целительства, свидетельствующая о том, что природа заболеваний кроется в представлениях человека об окружающем мире, его связей с ним, поведении и соблюдении морально-этических правил и норм.

Источники

Зимин 2017 — Зимин Ж. А. Словарь диалектных слов // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 26. (Фонд Ж. А. Зимина). Оп. 1. Д. 28.

Sources

Zimin Zh. A. Dictionary of Dialect Words. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). Coll. 26. (Zh. A. Zimin Collection). Cat. 1. File 28. (In Bur. and Russ.)

Полевые материалы автора

- ПМА 2008 — Информант С. Ц. Махачкеева 1935 г. р. (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). Запись 2008 г.
- ПМА 2013а — Информант А. Б. Бультова 1951 г. р. (с. Куркат Аларского района Иркутской области). Запись 2013 г.
- ПМА 2013б — Информант М. М. Ухакшинов 1958 г. р. (с. Кукунур Аларского района Иркутской области). Запись 2013 г.
- ПМА 2014 — Информант Т. В. Махачкеева 1973 г. р. (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). Запись 2014 г.
- ПМА 2016а — Информант Н. И. Елтунова 1953 г. р. (п. Аршан Тункинского района, Республика Бурятия). Запись 2016 г.
- ПМА 2016б — Информант Н. Д. Лигай 1971 г.р. (Улан-Удэ, Республика Бурятия). Запись 2016 г.
- ПМА 2016в — Информант Е. И. Хинхаева 1935 г. р. (с. Кукунур Аларского района Иркутской области). Запись 2016 г.
- ПМА 2017а — Информант А. М. Ухакшинова 1962 г. р. (с. Кукунур Аларского района Иркутской области). Запись 2017 г.
- ПМА 2017б — Информант Е. М. Ухакшинова 1979 г. р. (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). Запись 2017 г.
- ПМА 2018 — Информант В. А. Бабаринова 1953 г. р. (п. Кутулик Аларского района Иркутской области). Запись 2018 г.
- ПМА 2019 — Информант Т. О. Шагжиева 1972 г. р. (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). Запись 2019 г.
- ПМА 2020 — Информант Н. Б. Дагаева 1936 г. р. (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). Запись 2020 г.

Author's Field Data

- Informant 1: V. A. Babarinova, b. 1953, Kutulik village (Alarsky District, Irkutsk Oblast, Russia). Rec. in 2018. (In Bur. and Russ.)
- Informant 2: A. B. Bulytova, b. 1951, Kurkat village (Alarsky District, Irkutsk Oblast, Russia). Rec. in 2013. (In Bur. and Russ.)
- Informant 3: N. B. Dagaeva, b. 1936, Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia). Rec. in 2020. (In Bur. and Russ.)
- Informant 4: N. I. Yeltunova, b. 1953, Arshan village (Tunkinsky District, Republic of Buryatia, Russia). Rec. in 2016. (In Bur. and Russ.)
- Informant 5: N. D. Ligai, b. 1971, Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia). Rec. in 2016. (In Bur. and Russ.)
- Informant 6: S. Ts. Makhachkeeva, b. 1935, Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia). Rec. in 2008. (In Bur. and Russ.)
- Informant 7: T. V. Makhachkeeva, b. 1973, Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia). Rec. in 2014. (In Bur. and Russ.)
- Informant 8: M. M. Ukhakshinov, b. 1958, Kukunur village (Alarsky District, Irkutsk Oblast, Russia). Rec. in 2013. (In Bur. and Russ.)
- Informant 9: E. I. Khinkhaeva, b. 1935, Kukunur village (Alarsky District, Irkutsk Oblast, Russia). Rec. in 2016. (In Bur. and Russ.)
- Informant 10: A. M. Ukhakshinova, b. 1962, Kukunur village (Alarsky District, Irkutsk Oblast, Russia). Rec. in 2017. (In Bur. and Russ.)

- Informant 11: E. M. Ukhakshinova, b. 1979, Kukunur village (Alarsky District, Irkutsk Oblast, Russia). Rec. in 2017. (In Bur. and Russ.)
- Informant 12: T. O. Shagzhieva, b. 1972, Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia). Rec. in 2019. (In Bur. and Russ.)

Литература

- Агапитов 1878 — *Агапитов Н. Н.* Краткий отчет о поездке в Балаганский и Иркутский округа летом 1877 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСО РГО). 1878. Т. 9. № 3–4. С. 80–96.
- Баирова 2004 — *Баирова Л. К.* Истоки и тайны бурятских улигеров. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 192 с.
- Бакаева, Гучинова 1992 — *Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М.* Магия в обрядах родинного ритуала калмыков // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. С. 89–99.
- Баторов 2006 — *Баторов П. П.* Материалы по народной медицине аларских бурят // Петр Павлович Баторов. Сб. ст. Ч. 1. Иркутск; Усть-Орда: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2006. 79 с.
- Богданов 2008 — *Богданов М. Н.* Очерки истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. 303 с.
- БТС 1998 — Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. [электронный ресурс] // Коллекция словарей и энциклопедий. URL: <https://endic.ru/kuzhescov/Kvasc-59507.html> (дата обращения: 23.12.2021)
- Буряты 2004 — *Буряты* / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Галданова 1992 — *Галданова Г. Р.* Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX вв.). Новосибирск: Наука, 1992. 182 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. IV. СПб.: Изд-во Имп. академии наук, 1799. 214 с.
- Дашиева 2019 — *Дашиева Н. Б.* Кузнечный культ бурят: историко-культурное исследование (конец XIX – начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2019. 264 с.
- Егунов 1990 — *Егунов Н. П.* Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 176 с.
- Жамцарано 2011 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Респ. тип., 2011. 262 с.
- Истомин 2017 — *Истомин Н.* Записки шамана. М.: Изд-во «Э», 2017. 176 с.
- История Бурятии 2011 — История Бурятии: в 3 т. / редкол.: Б. В. Базаров (отв. ред.), О. В. Бураева (науч. ред.), В. И. Дятлов [и др.]. Т. II. XVII – начало XX в. / Л. Л. Абаева, Е. Ф. Афанасьева, Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
- Ленхобоев, Жамбалдагбаев 1983 — *Ленхобоев Г. Л., Жамбалдагбаев Н. Ц.* К изучению бурятской народной медицины // Современность и традиционная культура народов Бурятии. Сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 72–81.
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 125 с.
- Михайлов 1987 — *Михайлов Т. М.* Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
- Нацов 1995 — *Нацов Г.-Д.* Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I / пер. и прим. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.
- Никонов 2018 — *Никонов А.* Альтернативщик. Интервью с доктором Шишониным // STORY. 2018. № 5. С. 14–20.

- Одной муки 2022 — Одной муки — 14 видов! Зачем нам столько, какая самая полезная и что не так с пшеничной [электронный ресурс] // Тольятти-онлайн. Сеть городских порталов Shkulev Media Holding. 30 января 2022 г. URL: <https://tolyatty.ru/text/food/2022/01/30/70409915/> (дата обращения: 15.03.2022)
- Окладников 2013 — *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. 390 с.
- Поротов 1895 — *Поротов М. Т.* К антропологии бурят. Буряты-аларцы. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1895. 175 с.
- Рыбакова 2019 — *Рыбакова А.* Психосоматика: психологические причины болезней и способы борьбы с ними [электронный ресурс] // URL: <https://www.passion.ru/health/zhenskoe-zdorove/psikhosomatika-psikhologicheskie-prichiny-boleznei-i-sposoby-borby-s-nimi.htm> (дата обращения: 08.07.2019)
- Сеятели и хранители 1992 — Сеятели и хранители. Очерки об известных агрономах, почвововедах, селекционерах, генетиках, экономистах-аграрниках; отрывки из документов, научных статей, воспоминаний / сост. В. В. Володин. Кн. 1. М.: Современник, 1992. 415 с.
- Содномпилова 2019 — *Содномпилова М. М.* Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М.: Наука, Вост. лит., 2019. 206 с.
- Турза 2009 — *Турза Я.* Якутская коллекция в Линден-музее Штутгарта (материальная культура якутов в коллекциях Ойгена Александера и Юлиуса Хойса). Якутск: Бичик, 2009. 144 с.
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. 1 / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 551 с.
- Что такое мануальная терапия? — Что такое мануальная терапия? [электронный ресурс] // Медицина в Петербурге. Петербургский медицинский портал. URL: <https://medicina-peterburg.ru/stati-novosti/1032-chto-takoe-manualnaya-terapiya> (дата обращения: 15.03.2022).
- Шагдаров, Черемисов 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. Т. 1. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 635 с.

References

- Abaeva L. L., Afanasieva E. F., Bazarov B. V. History of Buryatia. Vol. II: 17th to Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 624 p. (In Russ.)
- Abaeva L. L., Zhukovskaya N. L. (eds.) The Buryats. Moscow: Nauka, 2004. 633 p. (In Russ.)
- Agapitov N. N. A journey to Balagansk and Irkutsk Districts in the summer of 1877: A brief report. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1878. Vol. 9. No. 3–4. Pp. 80–96. (In Russ.)
- Bairova L. K. Buryat Uligers: Origins and Secrets. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat State University, 2004. 192 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Guchinova E.-B. M. Sorcery in birth-related rituals of Kalmyks. In: Traditional Ritualism of Mongols. Novosibirsk: Nauka, 1992. Pp. 89–99. (In Russ.)
- Batorov P. P. Materials on folk medicine of Alar Buryats. In: Batorov P. P. Collected Papers. Vol. 1. Irkutsk; Ust-Orda: Sochava Institute of Geography (SB RAS), 2006. 79 p. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. Essays on the History of Buryat Mongols. Ulan-Ude: Buryat State University, 2008. 303 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. The Buryat Blacksmith Cult: A Study in History and Culture, Late 19th to Mid-20th Century. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, 2019. 264 p. (In Russ.)
- Egunov N. P. The Pre-Russian Buryatia. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1990. 176 p. (In Russ.)
- Fourteen types of flour only! Why that many, which is most wholesome, and what is wrong with the wheat one? On: Tolyatti Online. Posted on January 30, 2022. Available at: <https://tolyatty.ru/text/food/2022/01/30/70409915/> (accessed: March 15, 2022). (In Russ.)

- Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 115 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Zakamensk Buryats: Historical and Ethnographic Essays, Mid-19th to Mid-20th Century. Novosibirsk: Nauka, 1992. 182 p. (In Russ.)
- Georgi J. G. Description of All Peoples Inhabiting the Russian State. Part 4. St. Petersburg, 1799. 214 p. (In Russ.)
- Istomin N. A Shaman's Notes. Moscow: E, 2017. 176 p. (In Russ.)
- Jamtsarano Ts. Travel Diaries, 1903–1907. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2011. 262 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works. Vol. 1. G. Rummyantsev (ed.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 551 p. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (comp., ed.) Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. On: Collected Dictionaries and Encyclopedias (website). Available at: <https://endic.ru/kuzhecov/Kvasc-59507.html> (accessed: December 23, 2021). (In Russ.)
- Lenkhoboev G. L., Zhambaldagbaev N. Ts. Buryat folk medicine: Approaching the issue. In: Contemporaneity and Traditional Culture of Buryatia's Peoples. Collected papers. Ulan-Ude: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (Buryatia Subdivision), 1983. Pp. 72–81. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)
- Mikhaylov T. M. Buryat Shamanism: History, Structure, and Social Functions. Novosibirsk: Nauka, 1987. 288 p. (In Russ.)
- Natsov G.-D. Materials on Buryat History and Culture. Vol. I. G. Galdanova (transl., comment.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. 156 p. (In Russ.)
- Nikonov A. The alternativist: An Interview with Dr. Shishonin. *STORY*. 2018. No. 5. Pp. 14–20. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Western Buryat Mongols, 17th–18th Centuries: Historical Essays. Ulan-Ude: Buryat State University, 2013. 390 p. (In Russ.)
- Porotov M. T. Revisiting Buryat Anthropology: Alar Buryats. St. Petersburg: P. P. Soykin, 1895. 175 p. (In Russ.)
- Rybakova A. Psychosomatic Medicine: The Psychological Causes of Diseases and Respective Treatment Strategies. Available at: <https://www.passion.ru/health/zhenskoe-zdorove/psikhosomatika-psikhologicheskie-prichiny-boleznei-i-sposoby-borby-s-nimi.htm> (accessed: July 8, 2019). (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. Vol. 1. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 635 p. (In Bur. and Russ.)
- Sodnompilova M. M. Between Medicine and Sorcery: Folk Medicine Practices in Mongolic Cultures, 17th–19th Centuries. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2019. 206 p. (In Russ.)
- Turza Ya. Yakut Collection at the Linden Museum: Material Culture of Yakuts in the Collections of Eugen Alexander and Julius Heuss. Yakutsk: Bichik, 2009. 144 p. (In Russ.)
- Volodin V. V. (comp.) The Seeders and Guardians: Essays on Renown Agriculturists, Soil Scientists, Plant Breeders, Geneticists, Agricultural Economists. Suppl. with documents, scholarly papers, memoirs. Vol. 1. Moscow: Sovremennik, 1992. 415 p. (In Russ.)
- What is manual therapy? On: Medicine in St. Petersburg (medical portal). Available at: <https://medicina-peterburg.ru/stati-novosti/1032-chto-takoe-manualnaya-terapiya> (accessed: March 15, 2022). (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-111-129

Домашний як и его гибрид в номадном стаде монголов и бурят

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Жамбалова С. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* Цель статьи — характеристика разведения уникального номадного животного кочевников Внутренней и Центральной Азии — домашнего яка (*сарлык*) и его гибрида (*хайнак*) в стаде монголов и бурят. Впервые с этнографических позиций рассматриваются статистические данные о динамике количества животных в диахронном аспекте, их адаптационные свойства, позволяющие выживать в экстремальных условиях высокогорья, экстерьер животного, специфика содержания и поведение, хозяйственное значение. *Материалы и методы.* Статья базируется на литературных, полевых и электронных источниках, в ней используется методология компаративистского анализа, в частности сравнительно-историко-генетический метод. Материалы о яководстве у тюркоязычных народов носят верифицирующий характер. *Результаты.* Монголы и буряты, перечисляя пять видов скота, не упоминают их: они рассматриваются в одной связке с крупным рогатым скотом. Монголия занимает по их количеству второе место в мире после КНР. В постсоциалистическое время поголовье увеличивается в Монголии, но сокращается в России. Домашние яки обладают уникальными адаптационными свойствами к условиям пониженного парциального давления кислорода, экстремального холода и скудной кормовой ниши. Неполной доместикацией животных обусловлена высокая рентабельность их содержания, осуществляемого экстенсивным способом. Сарлыки и хайнаки имели важное экономическое значение в традиционном хозяйстве номадов как мясное, молочное и рабочее животное. В XXI в. их продукция становится экзотическим и экологически чистым продуктом питания, а кожа, волос, шерсть, пух и другие компоненты — уникальным сырьем для легкой промышленности, фармакологии и косметологии. *Выводы.* В Монголии, где обширная благоприятная среда для обитания яка, в XXI в. его поголовье значительно возрастает: здесь развита промышленная переработка ячьего сырья. В СССР в 1980-е гг. проводилась активная целенаправленная работа по развитию яководства. В постсоветское время поголовье животных у бурят сократилось, а его ареал сузился. Ситуация обусловлена невосребованием ячьих продуктов из-за отсутствия рынка сбыта и инфраструктуры для промышленной переработки пищевого и промышленного сырья. Номады Внутренней Азии — монголы и буряты — благодаря содержанию в стаде домашнего яка и его гибрида значительно

расширили производственные границы этнической территории и освоили высокогорье с альпийскими и субальпийскими лугами.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, высокогорные регионы, монголы, буряты, домашний як, гибрид, статистика, динамика, адаптационные свойства, специфика содержания и поведение, хозяйственное значение

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания — проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Жамбалова С. Г. Домашний як и его гибрид в номадном стаде монголов и бурят // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 111–129. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-111-129

Domestic Yak and Its Hybrid in Nomadic Herds of Mongols and Buryats

*Sesegma G. Zhambalova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Zhambalova S. G., 2022

Abstract. *Goals.* The article aims at characterizing a unique animal of Inner and Central Asian nomads — the domestic yak (*sarlyk*) and its hybrid (*khainak*) that have been bred by Mongols and Buryats for hundreds of years. The work provides a first ethnographic insight into statistical data on yak population dynamics in synchronous and diachronous perspectives, reviews adaptive properties of the animal instrumental in surviving in extreme conditions of highlands, its exterior, breeding and behavioral specifics, economic significance. *Materials and methods.* The article explores literary, field and online sources to employ the methodology of comparative analysis, in particular, the comparative-historical-genetic method. Materials about yak breeding among Turkic peoples are essentially verifying by nature. *Results.* When it comes to declare the five traditional types of livestock bred, Mongols and Buryats mention no yak, the latter be clustered with cattle. Mongolia's yak population ranks second worldwide — after China. The post-Socialist era witnessed an increase in yak numbers in Mongolia paralleled by a decrease in Russia. Domestic yaks have unique adaptive properties towards low oxygen partial pressure, extreme cold, and meagre fodder resources. The incomplete domestication of animals is determined by high profitability via such extensive farming techniques. Being meat, dairy and working animals, *sarlyks* and *khainaks* were most essential to the traditional economy of nomads. In the 21st century, their products become exotic and environment friendly food items, while skin, hair, wool, undercoat and other components serve as unique raw materials for light industry, pharmacology and cosmetology. *Conclusions.* The 21st century Mongolia with its vast yak friendly territories witnesses a significant head increase resulting in industrial processing facilities of yak raw materials nationwide. In the 1980s, the Soviets were undertaking active purposeful efforts to develop yak breeding, while the free market period decreased both numbers of animals held by Buryats and their habitat. The situation is due to the lack of demand for yak products and the lack of infrastructure for industrial processing of raw materials. The domestic yak and its hybrid had made it possible for nomads of Inner

Asia — Mongols and Buryats — to significantly extend economic boundaries of their ethnic territories and inhabit montane grasslands and shrublands.

Keywords: Inner Asia, highlands, Mongols, Buryats, domestic yak, hybrid, statistics, dynamics, adaptive properties, breeding and behavioral specifics, economic significance

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries’.

For citation: Zhambalova S. G. Domestic Yak and Its Hybrid in Nomadic Herds of Mongols and Buryats. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 111–129. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-111-129

Введение

Актуальность темы обусловлена ценными свойствами уникального домашнего животного кочевников Внутренней и Центральной Азии — домашнего яка, численность которого, как будет видно далее по тексту, в постсоциалистическое время постепенно увеличивается в Монголии, но сокращается в России и других сопредельных странах, ранее входивших в состав СССР. Данная ситуация прослеживается на фоне возрастающего интереса к рентабельности и уникальности продукции яководства: намечается постепенное увеличение спроса на нее. Актуализирует тему также то обстоятельство, что в мире есть потребность увеличения мясного сырья, молочных и других животных продуктов, в том числе от домашних животных, выращенных на экологически чистых территориях.

Масштабное увеличение производства экологически чистой продукции сельского хозяйства и продовольствия имеет экономическое, социальное и демографическое значение и становится критерием экономической успешности и прогрессивности животноводства [Иванов, Кундиус 2014: 149, 154].

Яководство — перспективная отрасль животноводства, способная обеспечить население ценным экологически чистым пищевым и промышленным сырьем.

Цель исследования — охарактеризовать разведение домашнего яка, высокогорного домашнего животного в стаде монголов и бурят.

Специальные научные работы на русском языке о домашних яках написаны в основном специалистами сельскохозяйственных, биологических, экономических и других наук. Одно из первых исследований принадлежит монгольскому исследователю Т. Бат-Эрдэнэ [Бат-Эрдэнэ 1961]. С. Г. Бадмаев на бурятских материалах изучил особенности разведения яка Восточного Саяна [Бадмаев 2007]. По теме, помимо бурятских исследователей [Попов 2012; Баженова и др. 2018], работают алтайские и тувинские специалисты [Бахтушкина, Подкопытов 2015; Кан-оол 2020]. Во всех работах аргументируется перспективность развития яководства для увеличения производства экологически чистого мяса. В некоторых статьях обосновывается также рентабельность его содержания, уникальность молока, шерсти и пуха животного.

Специальных этнологических исследований на русском языке по изучению разведения домашнего яка как домашнего животного в стаде монголов и бурят не выявлено. Яководство рассмотрено в работах общего характера Чулуун Сампилдондовын и Л. Р. Павлинской, исследующих этнографические группы

хотогойтов и окинских бурят, проживающих в предгорных районах Восточного Саяна Монголии и Бурятии [Чулуун 2004; Павлинская 2002]. Сведения о домашних яках имеются в монографии Ичинхорлоо Лхагвасурена об алтайских урянхайцах, проживающих в северо-западной части Монгольского Алтая, где расположена наивысшая точка Монголии — пик Хуйтэн на г. Табын-Богдо — 4 653 м [Лхагвасурэн 2013: 21]. Данные о разведении животных у бурят имеются в работах Д. М. Маншеева [Маншеев 2005; Маншеев 2006].

Материалы и методы

Статья основывается на литературных источниках. Кроме того, в ней использованы не архивированные полевые материалы автора, записанные в Окинском районе Республики Бурятия в 1987 г. [ПМА 1987: Кондакова; ПМА 1987: Цыремпилова], а также сведения из электронных ресурсов. В статье используется методология компаративистского анализа, в частности сравнительно-историко-генетический метод, выявляющий сходство явлений в результате их родства по происхождению. Материалы рассматриваются на синхронном и диахронном срезах. Материалы о яководстве у тюркоязычных народов носят верифицирующий характер.

Характеристика домашнего яка и его гибрида: аргументы в пользу их разведения в номадном стаде

Домашний як (сарлаг) и его гибрид (хайнаг) (*Bos Porphagus grunniens*) — млекопитающее из рода настоящих быков семейства полорогих, относится к отряду парнокопытных, подсемейству быковых (*Bovinae*). Русское название произошло от тибетского названия самца яка, также используется слово *сарлык* — производное от монгольского названия *сарлаг*. В Монголии и Сибири издавна известна гибридизация яка с крупным рогатым скотом, поэтому у монголов, бурят и тувинцев широко распространено название гибрида — хайнак (*хайнаг*).

Монголоязычные народы сарлыков причисляют к крупному рогатому скоту, что не противоречит научной классификации. В науке (в широком значении понятия) к крупному рогатому скоту причисляют всех представителей рода *Bos* (дикие и домашние полорогие парнокопытные), а в узком смысле относят домашних коров и быков, произошедших от дикого быка тура — вид *Bos taurus* семейства полорогих (*Bovidae*) [КРС].

Наличие крупного рогатого скота в стаде номадов обусловлено тем, что это кочевые и стадные животные, где один бык приходится на множество коров, большую роль играет иерархия в стаде. Все эти свойства присущи сарлыкам и позволяют использовать их в экстенсивном кочевом хозяйстве номада. Крупный рогатый скот, яки и их гибриды имеют общие возрастные названия [Лхагвасурэн 2013: 39]. Такая же картина наблюдается и в бурятском языке [Маншеев 2006: 52].

Монголы и буряты не упоминают отдельно сарлыков при перечислении пяти видов скота *табан хуушун мал*, рассматривая их в одной связке с крупным рогатым скотом. Это представление нашло отражение в работе Чулуун Сампилдондовын, исследовавшей историю хотогойтов в XIX – начале XX в., проживающих в северо-западном трансграничном с Россией регионе страны в Прихубсугулье. Она пишет, что крупный рогатый скот состоит из яков, хайнаков и монгол ухэр. В стаде по численности доминируют сарлыки (яки) и хайнаки,

адаптированные к выпасу в горах и у подножий гор. Условия географической среды обитания повлияли на видовой состав крупного рогатого скота у хотогойтов [Чулуун 2004: 132].

В 2009 г. в высокогорьях Прихубсугуля сарлыки продолжают заменять в хозяйстве крупный рогатый скот и обеспечивают население молоком [Николаева 2009].

Статистические данные

По одним данным 2018 г., в мире больше 15 млн домашних яков, из которых 12 млн разводят в КНР [Баженова и др. 2018: 19]. По другим, в мире насчитывается около 13 млн диких и домашних яков, при этом количество диких меньше в сотни раз [Давыдов 2012: 130].

Наибольшее количество животных обитает в районах Западного Китая и Цинхай-Тибетского нагорья. Их разводят в Монголии, в России, в Киргизстане, Таджикистане и других странах у Гималаев, в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. По статистическим данным 2020 г., в Монголии числилось 4,7 млн крупного рогатого скота, в состав которого включены сарлыки. В 2011 г. в Монголии насчитывалось 615 тыс. сарлыков, занимая по их количеству второе место в мире после Китая [Гурова 2011: 158]. В 2018 г. их было более 900 тыс. голов [Баженова и др. 2018: 19].

В середине XX в. распространение сарлыков и хайнаков на территории МНР было неравномерно. Наибольшая их плотность наблюдалась в Центральном Хангае (2,5 голов на 1 км²), в западном Прихубсугулье (2 головы), в Монгольском и Гобийском Алтае в горах Хархира, Сийлюгем, Хан Хухэй (1,1 головы), в районах западного Хэнтэя (0,7 голов) [Бат-Эрдэнэ 1961: 3–4]. Думается, что приблизительно такая картина наблюдается и в XXI в.

В Российской Федерации животных разводят в Саяно-Алтайском регионе в Туве, в Горном Алтае, в Бурятии [Оюн 2018: 3]. В Бурятии они обитали в высокогорных районах Восточного Саяна, а также Малого Хамар-Дабана (от 1 200 до 2 500 м над уровнем моря). В XXI в. их ареал сузился и сохранился в Окинском районе и в западной части Закаменского района Республики Бурятия [Маншеев 2005: 76]. В Тункинском районе, где они раньше обитали, их нет с 1992 г. [Бадмаев 2007: 8].

В постсоветское время с распадом колхозов и совхозов в России численность сарлыков значительно сократилась. Это видно на примере популяции Закаменского, Окинского и отчасти Тункинского районов Бурятии, наиболее близкой к монгольской. По мнению С. Г. Бадмаева, эта периферийная популяция домашнего яка находится на грани исчезновения. В 2007 г. в Закамне на Малом Хамар-Дабане оставалось 120 особей. В Окинском районе в 1952 г. было 8 242 головы. В результате постоянного сокращения в 1981 г. осталось 4 003 особи. В 1982 г. начали работу по восстановлению их численности и их количество удвоилось. С 1995 г. из-за развала колхозов поголовье стремительно сократилось, но сохранилось генофондное стадо, сформированное в племенном хозяйстве «Туяа» в период с 1982 по 1995 гг. В 2007 г. сарлыков разводили в мелких фермерских хозяйствах, где насчитывалось 4 368 голов [Бадмаев 2007: 3, 7, 8].

Подобная ситуация наблюдается в Саяно-Алтае в Республике Тыва, где численность поголовья за последние десятилетия резко сократилась [Оюн 2018: 3].

В связи с экономическими преобразованиями в стране численность яков значительно снизилась в Республике Алтай. Здесь прослеживается следующая динамика. В 1930-х гг. разводили около 6 тыс. голов. Впоследствии в результате целенаправленной работы по развитию мясного скотоводства в советское время в регионе к 1990 г. их стало 18 468. В постсоветское время поголовье значительно сократилось, и в 2005–2013 гг. было 4 130–4 926 голов, 80 % из которых принадлежали хозяйствам высокогорного Кош-Агачского района [Бахтушкина, Подкорытов 2015: 110].

В Киргизии максимальное количество яков пришлось на 1980–1990 гг. — 170–180 тыс. Позднее их насчитывалось всего 15–17 тыс. Снижение произошло из-за интенсивного убоя. К началу 2006 г. поголовье достигло 22–25 тыс. [Алымбеков 2007: 43–44].

Сарлыки, к сожалению, в статистических материалах 1930-х гг. А. Д. Симукова о крупном рогатом скоте Монголии не выделены в отдельную строку, однако ученый создает объективную картину, позволяющую судить о важном значении животных в отдельных регионах страны [Симуков 2007г: 384]. Характеризуя кочевой быт монголов Южно-Гобийского аймака, он отмечает, что в Гурбан-Сайхан разводят все основные виды монгольского скота. Крупного рогатого скота очень мало, и сколько-нибудь заметную роль они не играют. Далее он пишет: «Редким контрастом общему тону района является разведение сарлыков в высоких хребтах Гурбан Сайхан, придающее ландшафту этих гор совершенно хангайский характер. Сарлыки приурочены исключительно к горам Гурбан Сайхан, Халга и Баян Цагаан» [Симуков 2007в: 455–456].

Адапционные свойства домашних яков

С. Г. Бадмаев выявил, что окинскую популяцию домашних яков, близкую к монгольской, отличает высокая степень адаптации к жестким условиям среды обитания. Благодаря этой способности они круглогодично содержатся на пастбищах в высокогорьях Восточного Саяна. Эта особенность, выражающаяся в высоком уровне адаптации, обусловлена более низким уровнем доместикации данной популяции по сравнению с домашними яками других популяций [Бадмаев 2007: 19].

В экологии и поведении животных выявлены следующие адаптивные особенности: сезонность размножения, высокий темп развития молодых особей в теплое время года, сезонная смена пастбищ, высокая организованность структуры стада [Бадмаев 2007: 19].

Высота размещения домашних яков составляет от 1 500 м над уровнем моря и выше, а диких популяций — от 2 500–3 000 м до 4 000–5 000 [Давыдов 2012: 130]. Нижняя граница его распространения не везде одинакова и зависит от природно-климатических условий региона. В холодных северных районах Монголии (Прихубсугулье, Центральный Хангай) она ниже, чем в Монгольском и Гобийском Алтае [Бат-Эрдэнэ 1961: 3].

Ареал яка в высокогорных регионах характеризуется низкими температурами и низким содержанием кислорода в атмосфере. По сравнению с дикими домашние яки обитают на относительно низкой высоте, где также экстремально низкая температура, высотная гипоксия и бескормица. Поэтому здесь также необходима адаптация к высокогорью и способность жить в суровых условиях,

большую часть года добывая скудный корм из-под снега [Оюн 2018: 3]. У яков выраженный дыхательный тип строения грудной клетки, обладающий способностью ее сильного расширения. Имеется еще один результат физиологической адаптации к высокогорью и адаптивных свойств животных к условиям пониженного парциального давления кислорода: количество рёбер у них больше, чем у таджикского зебувидного скота [Шабунова и др. 2016: 117]. Стада яков бурят обитают в высокогорных районах Восточного Саяна благодаря высоким возможностям выживания [Маншеев 2005: 76].

Домашние яки из разных географических зон Азии по своим размерам не имеют существенных различий из-за сходства природно-климатических условий в районах их разведения, а также из-за малой степени селекционной работы. Домашние яки Монголии сравнительно небольшого роста. Более крупные из них распространены в Хангайском аймаке, а мелкие — в Алтайском, где кормовые условия более скудные [Бат-Эрдэнэ 1961: 6–7].

Это крупное животное имеет длинное туловище и довольно короткие ноги с широкими, округлыми копытами. Голова большая и низко посаженная. У них большое сердце и легкие, позволяющие хорошо переносить разреженный высокогорный воздух. Животное покрыто длинной шерстью, образующей своего рода сплошную «юбку», почти закрывающую ноги. У них уникальный волосяной покров, обладающий теплоизоляционными свойствами. Благодаря сильной оброслости туловища они переносят низкие температуры. Волосяной покров неоднороден. Хвост, нижняя часть туловища, лоб, затылок, холка и подгрудок покрыты длинным и грубым волосом. Более тонкая и короткая шерсть с большим подшерстком располагается на боках и шее. Короткий, грубый волос растет на морде и нижней части ног. Состав шерстного покрова меняется в течение года по сезонам, так как неравномерно по времени происходит линька и разная продолжительность обрастания остевых (грубых) и пуховых (тонких) волокон. Большая часть тела покрыта густой и ровной шерстью, а на брюхе, боках и ногах она длинная и косматая. Густой свалывшийся подшерсток защищает от зимних холодов. Вымя у маток покрыто мягким и густым волосом, оно значительно меньше, чем у коров, а соски маленькие, 2–3 см, поэтому их доят пальцами [Кан-оол 2020: 8].

Як — холодолюбивое животное, и при 15 градусах тепла он перегревается. Молодняк плохо переносит морозы и ветер, поэтому зимой взрослые животные, 25–30 особей, окружают их со всех сторон. Спасаются от перегрева в жару тем, что поднимаются на вершины гор, пасутся у ледников, отдыхают на них, купаются в снегу, стоят в воде [Бадмаев 2007: 10].

Специалистами выявлен еще один результат биологической адаптации яков к ареалу их обитания со скудной и низкорослой растительностью высокогорных пустынь и степей, крутых и каменистых склонов. Они отличаются от крупного рогатого скота тем, что имеют для захватывания травы более совершенный ротовой аппарат. При довольно узкой морде у них подвижные тонкие губы, позволяющие захватывать и поедать траву, недоступную для других видов. Поэтому у них есть возможность зимой кормиться более питательными низкорослыми растениями: сухие стебли крупных, высоких растений менее калорийны [Табылдиева 2017: 148].

Экстерьер животного

Высота монгольского яка-производителя в холке около 128,2 см, кастрата — 127,1 см, матки/коровы — 108,1 см. В 1958 г. перед нагулом кастраты 5 и 6 лет весили в среднем 327,6 кг, а 3-летние кастраты — 244,4 кг. С 30 июля до 30 октября за 120 дней нагула привес составлял в среднем 61,5–62,4 кг и (43–88 кг) при среднесуточном привесе 510–520 гр. Ячье мясо по химическому составу мало отличается от говядины. В мышцах яков мало жира, поэтому мясо выше средней упитанности не имеет «мраморности», как у говядины [Бат-Эрдэнэ 1961: 7, 12].

Яки окинской популяции Восточного Саяна (Бурятия) по своим размерам близки к монгольским, они также меньше животных других регионов мира. Самцы (310–448 кг) в 1,2–1,5 раза массивнее самок (213–296 кг). Их мясная продуктивность высока: убойный выход мяса составляет 50,3–53,7 % от живого веса. Молочная продуктивность невысокая: за лактацию получают 390–450 кг питательного молока с жирностью от 3,8 % до 10,8 %. Ячье молозиво в три раза превосходит коровье по калорийности [Бадмаев 2007: 9].

Хайнак, гибрид крупного рогатого скота и домашних яков, широко распространен в Монголии и в Сибири. Т. Бат-Эрдэнэ исследовал животных и дал характеристику их экстерьера, живого веса, молочной продуктивности, рабочих качеств. Гибридизация обоих видов происходит стихийно: прямое, когда спариваются самка яка и бык крупного рогатого скота, и обратное, встречающееся крайне редко. Гибридов первого поколения от обоих видов скрещивания называют хайнак. При этом особей от прямого скрещивания называют *саран хайнаг* (лунный хайнак), а от обратного — *наран хайнаг* (солнечный хайнак). Гибриды второго поколения получили название *ортот*, а гибриды третьего поколения — *балям*. По преобладанию крови крупного рогатого скота или яка различают: *ортот* и *балям* яка, *ортот* и *балям* монгольского скота [Бат-Эрдэнэ 1961: 18].

Буряты Восточного Саяна гибридов первого поколения от прямого скрещивания называют *алтан хайнаг* (золотой), а от обратного — *мунгэн* (серебряный) *хайнаг*. Золотой превосходил по физическим качествам серебряного [Маншеев 2006: 51].

Самцы хайнаков стерильные. Продолжительность жизни хайнака больше, чем у яков и достигает 36 лет. При этом самка ежегодно дает приплод, поэтому за жизнь приносят на 9 телят больше, чем коровы. Хайнак за год дает в среднем около 5 400 л молока с жирностью 3,2 %, а корова не более 4 500 л [Хайнак 2015].

Жители Окинского района считают, что гибриды первого поколения крупнее, отличаются крепкой конституцией, выносливые, поэтому содержать их практичнее и выгоднее. Они не требуют особого ухода, наравне с сарлыками пасутся на горных пастбищах, не скользят на льду. В то же время, в отличие от сарлыков, они могут выживать в более низких местах. Буряты разводили их в Туранской и Хойтогольской котловинах Тункинского района (около 1 000 м над уровнем моря) и в Закаменском районе ниже Санагинской долины (912 м). У тункинских бурят гибрид самки хайнака с быком монгольской породы, от которого старались избавиться, называется *ортот*. Они небольшие, малопродуктивные и плохо переносят холод, их приплод мало пригоден к жизни. В Тунке его называли *уһан гүзээн* ('водяное брюхо'), в Закамне — *хүхэ гүзээн* ('сивое брюхо') [Маншеев 2005: 76].

Специфика содержания и поведение

Домашних яков содержат экстенсивным способом в течение всего года на подножном корме без подкормки. В сельскохозяйственных организациях МНР стельным сарлыкам, хайнакам и молодняку в периоды бескормицы давали немного сена [Бадмаев 2007: 3–4].

Животные легко добывают корм из-под снега и могут выживать без подкормки даже в период обильного снегопада — зуд. Алтайские урянхайцы Монголии не строили специальных сооружений для них, за исключением каменных стен рядом с загонем для мелкого рогатого скота, где они отдыхали, и открытого загона для телят. Обычно одно хозяйство создавало стадо (*сарлагийн сурэг*) из 40–60 голов, что позволяло рационально использовать пастбищные угодья. Большие стада могли быстро выбить пастбище [Лхагвасурэн 2013: 38].

Буряты Восточного Саяна животных полувольно содержали круглый год на пастбищах без постоянного окарауливания и с редкой подкормкой. Корм они находят на крутых горных склонах, не доступных другим домашним животным [Маншеев 2005: 76]. Основной их корм — это растения естественных субальпийских и альпийских пастбищ. В Монголии это бедные по своему ботаническому составу, но довольно питательные кобрезневые и осоково-кобрезневые пустоши и пустошные луга [Бат-Эрдэнэ 1961: 4].

Стадо по пастбищу распределяется упорядочено, и животные «растекаются» по нему, сохраняя индивидуальную дистанцию. Двигаются они в определенном направлении, выбранному лидером стада. Такое поведение способствует эффективному использованию пастбища во все сезоны года [Бадмаев 2007: 13]. Благодаря этой специфике поведения при выпасе домашние яки меньше, чем пасущиеся лошади, повреждают травяной покров [Маншеев 2005: 76].

Стада вне брачного сезона формируются по половому признаку. Взрослые самцы обычно пасутся отдельно, а в период гона приходят в маточное стадо. После брачного сезона в октябре они пасутся недалеко от маточного стада группами по 4–6 голов. В период гона они дерутся, чтобы установить первенство. Стадо маток возглавляют старые хайнаки или матки-доминантки. Конфликты разрешаются путем демонстративного поведения. Бесплодные самцы-хайнаки образуют отдельную группу. Несмотря на их бесплодность, для подавления полового инстинкта их кастрируют в годовалом возрасте: по размерам они превышают самцов-яков и в период гона могут отбить у них самок. Все члены стада поддерживают связь между собой, поэтому в случаях опасности оно действует как единое целое [Бадмаев 2007: 10–11]. Эти бдительные животные заботятся о своем потомстве, защищают его от хищников [Табылдиева 2017: 147].

В 1950-е гг., в период социалистической модернизации, в сельскохозяйственных объединениях и госхозах МНР стада формировали по половым и возрастным группам. Летом недойные стада уводили в высокогорье на альпийские пастбища. Дойные коровы с телятами паслись в межгорных долинах и по северным склонам средневысотных гор. Зимой животных угоняли в средние части высоких гор, на малоснежные южные и северные склоны и в межгорные ущелья. Маток и молодняк зимой в ночное время загоняли на стоянки и в загонны под навесом. В первую случку животных пускали в возрасте 2–2,5 лет так, чтобы отел состоялся с марта по май. Телят выращивали подсосно-поддойным методом, маток доили с мая до декабря [Бат-Эрдэнэ 1961: 4].

Хозяйственное значение

Сарлыки и хайнаки имеют важное экономическое значение в традиционном хозяйстве номадов. Они дают качественное мясо, жирное молоко, при переработке которого получают ценные молочные продукты (масло, сыр, творог, *тараг*, пенки и т. д.), шерсть с хорошими теплоизолирующими свойствами, пух и волос. Себестоимость одного центнера мяса в 2–3 раза ниже, чем мясо крупного рогатого скота. Молочная продуктивность у них низкая, средний удой составляет 633,5 л (от 382 до 1 018 литров), с учетом молока, выпитого телянком [Бат-Эрдэнэ 1961: 13–14].

Тувинцы доят якоматов в летне-осенний период в зависимости от времени отела от 7 до 9 мес. [Кан-оол 2020: 8].

В 2000-е гг. в Бурятии в среднем с одного животного собиралось 1–2 кг шерсти, волоса — 0,3–0,5 кг [Маншеев 2005: 76].

В 1950-е гг. с монгольского сарлыка собирали в среднем 0,4 кг волоса и 0,6 кг шерсти. Его шерстный покров состоит из ости, пуха и переходного волоса, их длина, тонина и густота в разных частях туловища различна. Летняя оброслость состоит из коротких остевых волокон, пух отрастает к осени. В 12-месячном возрасте животные имеют наибольшее количество длинного и тонкого пуха (66,7 %) и наименьшее — ости (8,5 %). С возрастом количество пуха уменьшается, а в 12–14-летнем возрасте все типы волокон становятся грубыми и короткими [Бат-Эрдэнэ 1961: 15–17].

Шерсть домашнего яка собирают весной во время линьки: под длинными волокнами имеется густой мягкий подшерсток, из которого изготавливают тонкую и прочную пряжу. Главные достоинства пуха домашнего яка — мягкость и тепло. При толщине волокон 20–24 мкм и длине 34–35 мм он хорошо прилегает к коже и защищает ее от переохлаждения, а также отводит пот и препятствует образованию неприятного запаха. Вещи, изготовленные из такого материала, устойчивы к износу и скатыванию, а также не требуют особых условий хранения. Владельцы одежды из пуха яка отмечают, что по удобству она сравнима с кашемировым гардеробом. Привлекают покупателей натуральные цвета пуха яка: темно-коричневый, серый, светло-коричневый [Пух тибетского яка].

В Монголии в 1950-е гг. среди рабочих животных хайнаки-кастраты расценивались наиболее высоко. Думается, что такое положение сохраняется и поныне при сохраняющемся кочевом образе жизни. Они очень выносливы, их используют до 18–20 лет на различных внутрихозяйственных работах и для дальних перевозок груза вьюком и в упряжи. Их грузоподъемность намного выше (210–280 кг в телеге), чем у волов (140–210 кг). Будучи более рослыми, они быстрее в движении, чем волы, не требовательны к уходу, содержанию и кормлению. Поэтому в то время поголовье хайнаков-кастратов трех лет и старше составляло 45 % от их общего числа, а волы и яки-кастраты составляли соответственно 15,0 и 8,7 % [Бат-Эрдэнэ 1961: 21].

Обсуждение

Содержание пяти видов скота позволялономадам Внутренней и Центральной Азии наиболее полно и рационально использовать природные пастбища. Веским примером является разведение монголами и бурятами сарлыков и хайнаков, входящих в классический состав скота, способных дать все необходимое для

жизнеобеспечения. Увеличение пастбищ за счет эксплуатации субальпийских и альпийских лугов высокогорного пояса позволило расширить производственные границы этнической территории. Л. Р. Павлинская отмечает, что использование окинскими бурятами горных пастбищ, «высвобождало более ровные участки угодий для выпаса лошадей, монгольской породы КРС и овец» [Павлинская 2002: 89–90].

В постсоциалистическое время у монголов традиционная хозяйственная практика по содержанию сарлыков и хайнаков активно развивается, а у бурят так же, как у тувинцев и алтайцев, резко сокращается. В Киргизстане картина снижения поголовья в начале постсоветского времени сменилась небольшим приростом в начале XXI в. [Алымбеков 2007: 43].

Сохранение и развитие отрасли в Монголии и деградация у бурят в России обусловлены географическими, историческими и социально-экономическими причинами. У бурят домашних яков изначально было намного меньше, чем у монголов: их разводили только буряты, проживающие в Окинском и отчасти в Тункинском районах (Восточный Саян) и в Закаменском районе (Восточный Саян и Малый Хамар-Дабан). В Монголии количество и площадь мест для разведения сарлыков намного обширней: их содержат в высокогорьях Центрального Хангая, Прихубсугуля, Монгольского и Гобийского Алтая, в горах Хархира, Сийлюгем, Хан-Хухэй и в небольшой западной части Хэнтэйского хребта [Бат-Эрдэнэ 1961: 3].

В XXI в. в Монголии домашних яков и их гибридов продолжают активно разводить там же, где они традиционно занимали высокое место. А. Д. Симуков пишет, что в МНР в 1930-е гг. сарлык «распространен преимущественно в более высокой западной половине страны по высоким хребтам и нагорьям. Есть ряд небольших районов, где он является единственным видом скота, возможным к разведению. Это специфические высокогорные места с альпийскими лугами, высокогорными тундровыми болотами, крутосклонными ущельями, богатыми россыпью и древними ледниковыми моренами» [Симуков 2007г: 396].

В Ара-Хангайском аймаке в 1933 г. проживало 3 396 чел. (1 463 арата-мужчин, 1 608 женщин, 325 лам), всего 843 хозяйства. Аратское стадо состояло из 4 403 лошадей (21 %), 10 814 голов крупного рогатого скота (40 %), в том числе 3 496 крупного рогатого скота монгольской породы, 5 405 сарлыков, 1 913 хайнаков, 48 017 овец (35 %), 8 122 козы (4 %). Верблюдов не было. Сарлыки и хайнаки составляли 68 % в поголовье крупного рогатого скота [Симуков 2007г: 484].

В Ара-Хангайском аймаке в стаде крупного рогатого скота было 140 600 яков (45 %), а хайнаков — 24 500. В аймаке, где ведущим скотом являлся крупный рогатый скот, а второе место занимали овцы, процент сарлыков в составе крупного рогатого скота в отдельных поселениях составлял 12 %, 40 %, 51,6 % и достигал 89 % [Симуков 2007а: 516, 519].

В Южно-Гобийском аймаке население в 1933 г. состояло из 33 381 человека, при этом 50 % взрослого мужского населения были ламы, хозяйств было 8 949. Здесь содержали все виды домашнего скота, включая сарлыков. Верблюдов было 118 411 голов, лошадей — 78 850, крупного рогатого скота — 20 405, в том числе монгольской породы — 18 317, сарлыков — 2 066, хайнаков — 22. Многие хозяйства среднего и ниже среднего достатка кочевали в горах. В то-

варной продукции доля крупного рогатого скота составляла 0 %, овец — 54 %, верблюдов — 36 %, коз — 8,5 % [Симуков 2007д: 528].

Материалы свидетельствуют о том, что в 1950-е гг. в МНР по государственной программе активно развивалось яководство в целях увеличения мясного производства. Оно имело важное народно-хозяйственное значение в северо-западных районах страны. В стране сарлыки составляли 30 % в поголовье крупного рогатого скота. В высокогорных районах они заменяли крупный рогатый скот и, как он, являлись мясным, молочным и рабочим животным. Они давали не меньше продукции при меньших затратах средств и труда. Ячье молоко по сравнению с коровьим дает больший выход молочного жира [Бат-Эрдэнэ 1961: 1].

В Монголии в постсоциалистическое время после перехода к новым рыночным отношениям поголовье сарлыков постоянно увеличивается, и страна продолжает занимать второе место в мире по их численности [Гурова 2011: 158; Баженова и др. 2018: 19].

Иная картина наблюдается в других постсоциалистических странах. С распадом колхозов и совхозов в бывших республиках СССР их поголовье значительно сократилось. Выявляются следующие исторические причины, влияющие на отрицательную динамику поголовья животных в Бурятии. По всей видимости, у бурят до Октябрьской революции и последовавшей коллективизации домашних яков было гораздо больше. Возможно, активисты того времени считали их неперспективными животными и сократили их поголовье. В 1925 г. жители с. Санага Закаменского района содержали примерно 10 тыс. голов, что равнялось 70–80 % общего поголовья крупного рогатого скота. В 1946 г. их было 1 597. В это же время в Окинском районе зафиксировано 4 507 голов, в Тункинском — 318. Статистические данные подтверждаются полевыми материалами Д. М. Маншеева: окинские жители считают, что до революции сарлыков в регионе было больше, чем коров монгольской породы [Маншеев 2006: 49–50].

С. Г. Бадмаев проследил динамику численности животных в Бурятии за 1947–1998 гг., которая выявляет полное исчезновение яков с 1992 г. в Тункинском районе. В 1947 г. там их было 222, в 1981 г. — 96, в 1992 и 2007 гг. — 0. Наибольшее количество животных в Окинском районе, где в 1947 г. числилось 3 954, в 1981 г. — 4 003, в 1992 г. — 9 090, в 1998 г. — 2 560, в 2007 г. — 4 368 голов. В Закаменском районе в эти же годы соответственно было: 1 032, 422, 960, 120, 165 голов [Бадмаев 2007: 8].

Эти данные свидетельствуют, что в настоящее время единственным районом, где имеется некоторая перспектива увеличения поголовья, является Окинский. Видно, что здесь с 1982 по 1995 г. были предприняты государственные меры по планомерному развитию отрасли в племенном хозяйстве «Туяа», где было создано генофондное стадо, однако процесс был прерван новыми экономическими условиями. В последнее время намечается некоторый прирост поголовья в фермерских хозяйствах [Бадмаев 2007: 8].

Во время этнографического обследования Окинского района в конце XX в. Л. Р. Павлинская выявила, что главным из изменений, которые произошли к концу 1980-х гг., старшее поколение назвало резкое сокращение сарлыков и хайнаков, которые составляли основу скотоводства [Павлинская 2002: 89–90]. Интересно, что здесь же она замечает: «особенно обнадеживающим фактом

является сохранение в годы реформ значительного поголовья сарлыков, которое <...> менее всего подверглось разрушению» [Павлинская 2002: 97].

В 1999 г. здесь было 1 430 яков, из которых 252 в крестьянских хозяйствах, 74 — в личных, 1 104 — в колхозе «Туяа». Она считает, что этот колхоз может служить основной базой для дальнейшего развития важнейшей для восточно-саьянского региона отрасли животноводства [Павлинская 2002: 97].

Как видно, в Закаменском и Тункинском районах на протяжении советского времени отношение к сарлыкам и хайнакам как сельскохозяйственным домашним животным оставалось неизменно неперспективным. Зато, как было замечено ранее, в Окинском районе в советское время планировалось активное развитие яководства. В Бурятии в постсоветское время яководство, как и все животноводство, уже не привлекает особого государственного внимания и стихийно сохраняется в частных и небольших фермерских хозяйствах, не имеющих практически никаких ресурсов для модернизации и роста.

Полевые материалы 1987 г. свидетельствуют, что окинские буряты стремились содержать в личном хозяйстве вместо коров монгольской породы хайнаков, как более выгодных животных. Д. Р. Кондакова, 1928 г. р. из рода махараг, жительница с. Сорок Окинского района, рассказывала: «В семейном хозяйстве у нас все хайнаки: 1 дойная корова, две трехлетки (*гунжа*), которые будут телиться в будущем году, две однолетки (*буру*), один теленок. Их выгодно содержать в хозяйстве: они не мерзнут, корм всегда находят сами. В сильный мороз они едят ветки и тем прокармливаются. Монгольские коровы требуют ухода, хотя если нет большого наста, они тоже хороши. Сарлыков держать очень хорошо, молоко у них густое, пасутся сами, но достать их негде» [ПМА 1987: Кондакова]. Видимо, в то время не поощрялось содержание данных животных на частном подворье.

Про содержание этих животных она говорила: «Хайнаки утром приходят с пастбища на дойку, затем уходят пастись. Вечером они снова приходят, их доят, и они уходят пастись. Они приходят из-за телят. Хайнаки бывают разные — спокойные, бодливые, но если их держать в одних руках, то быстро приручаются. Наш хайнак вечером дает 3 л молока, утром — 2, при этом кормит еще теленка. Доят так: сперва подпускают теленка, затем доят, потом снова подпускают теленка. Перед отелом один месяц доят без теленка, матка ее сама отгоняет, лягает. Это дойка называется у нас «в сухую» (*хурэгар*). Телятся они в марте. Чтобы хайнаки охотнее возвращались домой, утром и вечером даем понемногу сена. Они пасутся зимой и летом *Ахын ордо биедэр*. Везде зеленка и сенокосы, поэтому им некуда больше идти, и вот на этом клочке пасутся больше 200 коров» [ПМА 1987: Кондакова].

Д. Д. Цыремпилова из рода тэртэ, 1906 г. р., проживавшая в то время в с. Сорок, рассказала, что волы хайнаки (*хайнаг шаар*) очень приспособлены для перевозки больших тяжелых грузов. Волон использовали для верховой езды, для них было специальное седло, отличное от конского, но также имелись подгрудник, подхвостник. Смотреть за яками очень легко, они сами пасутся, сами находят воду, в иные годы им вовсе не дают сена. Молоко яка очень жирное, из него делают сливочное масло [ПМА 1987: Цыремпилова].

Несмотря на очевидные экономические преимущества яководства в высокогорных районах, у бурят отрасль постепенно деградирует также по социально-экономическим причинам. Домашний як и его гибриды не востребованы населением Республики Бурятия, а также Иркутской области — ближайшего рынка сбыта сельскохозяйственной продукции для Тункинского и Окинского районов. Это обусловлено отсутствием у населения объективного представления об уникальных качествах ячьего мяса и молочных продуктов. Рынка сбыта ячьей пищевой продукции нет не только из-за удаленности от рынков, но и из-за отсутствия потребительского спроса. Кроме того, в регионе нет инфраструктуры для промышленной переработки мясного, кожевенного, шерстяного и пушного сырья яководства. Правда, в России имеются отдельные эпизоды продажи ячьей продукции за рубеж по личным каналам благодаря Фонду «SlowFood». Так, алтайский фермер поставляет в рестораны г. Милана (Италия) ячий сыр, произведенный им по старинным кочевым рецептам, по \$ 200 за килограмм. Договор был заключен после дегустации и тщательного химического исследования его продукта в Италии [Иванов, Кундиус 2014: 150–152].

В Киргизстане за последние 5–10 лет растет потребление мяса яков, становящегося экзотическим и экологически чистым продуктом питания для экспорта соседним странам Центральной Азии и для туристов [Алымбеков 2007: 43].

Исследуя перспективы яководства в Киргизии, Т. А. Корчубекова выявила, что это рентабельная безотходная отрасль. Мясо, по вкусовым и питательным качествам приравняемое к говядине, имеет низкую себестоимость — 1 ц мяса составляет приблизительно \$ 35 при рентабельности 80–85 % [Корчубекова 2016: 102].

Однако здесь пока нет развитой инфраструктуры и специальной технологической схемы убоя, наблюдается удаленность мест переработки от основных потребителей мяса. Поэтому сохранение уникальных качеств ячьего мяса при доставке к потребителю остается проблематичным [Алымбеков 2007: 43].

В современном мире ячий жир служит сырьем для косметической промышленности, кожа востребована кожгалантерейной, обувной промышленностью, из шерсти и пуха производят одежду и другие текстильные изделия, например, пледы и покрывала, из костей делают сувениры, а из сухожилий — уникальный клей. В фармакологии в качестве сырья используют кровь, органы внутренней секреции, рога и копыта [Корчубекова 2016: 102].

В Монголии активно развивается промышленная обработка кожевенного и мехового сырья, экологически чистого и способного возобновляться каждый год [Бат-Очир, Баярсайхан 2013].

В информации о том, что в 2021 г. внешнеторговый оборот Монголии вырос на четверть, указывается, что текстильные материалы и изделия составляют 4 % (370,7 млн долларов) монгольского экспорта, а продукты питания — 0,5 % (47 млн долларов) [Внешнеторговый оборот 2021].

Страна занимает одно из передовых мест в мире по производству шерстяных волокон, в том числе ячьих. В мире производится свыше 1,6 млрд т шерстяных волокон. Из них 30 % приходится на КНР, 25 % — на Иран и Афганистан и 20 % — на Монголию [Оюунзаяа 2005: 3].

Продукты яководства находят широкое новое промышленное применение в стране и приобретают товарный характер. Освоена промышленная переработка шкур яка. Изделия из ячьей шерсти отличаются прочностью и теплоемкостью. Его пух называют «новым кашемиром», одежда из которого является в настоящее время символом статуса и элегантности. Это достаточно редкий и дорогой материал, который ценится во всем мире [[Пух тибетского яка](#)].

Международная обувная компания ЕССО рекламирует: «Уникальная разработка от ЕССО — обувь из кожи яка. <...> Она в 3 раза плотнее и прочнее других видов кож, при этом тонкая, эластичная и стойкая к царапинам. Кожа прекрасно приспособлена к смене температур, она сохраняет тепло в морозы и хорошо „дышит“ в жару. Кожа яка имеет превосходную устойчивость к истиранию, естественные дефекты и прочность окраски придают коже естественный „состаренный“ вид» [[Материалы верха](#)].

Заключение

Домашний як — высокогорное номадное животное у монголов и бурят, обоснованно входит в состав классических пяти видов скота вместе с крупным рогатым скотом и по мере необходимости заменяет его. Благодаря адаптивным особенностям, ярко выраженным в экологии и поведении животных, он выживает в суровых условиях при экстремально низкой температуре, высотной гипоксии и бескормице. Из-за неполной доместикации он максимально адаптирован к технологии экстенсивного скотоводства. Уникален по своим качествам его гибрид с крупным рогатым скотом — хайнак. Сарлыки и хайнаки рентабельны, поставляют ценное сырье и являются выносливыми тягловыми животными. В Монголии, где обширная благоприятная среда для их обитания, поголовье животных занимает второе место в мире по их численности после КНР. В XXI в. в стране его поголовье значительно возрастает: здесь развита промышленная переработка ячьего сырья (мясо, молоко, кожа, шерсть, пух и т. д.).

В СССР в 1980-е гг. проводилась активная целенаправленная работа по развитию яководства. В постсоветское время поголовье животных во всех республиках, в том числе у российских бурят, резко сократилось. У бурят ареал домашнего яка значительно сузился. Ситуация обусловлена не востребованностью ячьих продуктов и сырья из-за отсутствия у населения информации об уникальных качествах ячьего мяса и молока, а также инфраструктуры для промышленной переработки пищевого и промышленного сырья. Специалистами формируется мнение о яководстве как перспективной отрасли современного животноводства, способной обеспечить население экологическими продуктами питания, а промышленность уникальным сырьем. Номады Внутренней Азии, монголы и буряты, благодаря содержанию в стаде домашнего яка и его гибрида — хайнака, значительно расширили производственные границы этнической территории и освоили высокогорье с альпийскими и субальпийскими лугами.

Полевые материалы автора

ПМА 1987: Кондакова — информант Долгор Ринчиновна Кондакова, 1928 г. р., из рода махараг, жительница с. Сорок Окинского р-на Бурятской АССР. Запись 1987 г.

ПМА 1987: Цырепилова — информант Дулма Дайндановна Цырепилова, 1906 г. р., из рода тэртэ, жительница с. Сорок Окинского р-на Бурятской АССР. Запись 1987 г.

Author's Field Data

- Informant 1: Dolgor R. Kondakova, b. 1928, ethnic Buryat, Makharag clan. Recorded in Sorok village (Okinsky District, then Buryat ASSR, present-day Republic of Buryatia) in 1987. (In Bur. and Russ.)
- Informant 2: Dulma D. Tsyrempilova, b. 1906, ethnic Buryat, Terte clan. Recorded in Sorok village (Okinsky District, then Buryat ASSR, present-day Republic of Buryatia) in 1987. (In Bur. and Russ.)

Литература

- Алымбеков 2007 — *Алымбеков К. А.* Вопросы переработки яков и качества их мяса в Кыргызстане // *Всё о мясе*. 2007. № 1. С. 43–44.
- Бадмаев 2007 — *Бадмаев С. Г.* Эколого-этологические особенности яка в Восточном Саяне: автореф. дисс. ... канд. биол. наук. Улан-Удэ, 2007. 19 с.
- Баженова и др. 2018 — *Баженова Б. А., Данилов М. Б., Бадмаева Т. М., Забалуева Ю. Ю., Вторушина И. А.* Мясо яков как перспективное сырье для производства мясопродуктов // *Техника и технология пищевых производств*. 2018. Т. 48. № 3. С. 16–33.
- Бат-Очир, Баярсайхан 2013 — *Бат-Очир М., Баярсайхан Т.* О состоянии кожевенной и меховой промышленности Монголии // *Кожа и мех в 21 веке: технология, качество, экология, образование: мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 26–30 августа 2013 г.)* / науч. ред. Дм. В. Шалбуев, отв. ред. В. Д. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. С. 24–29.
- Бат-Эрдэнэ 1961 — *Бат-Эрдэнэ Т.* Биологические и хозяйственные качества монгольского яка и его гибридов: автореф. дисс. ... канд. с.-х. наук. М., 1961. 26 с.
- Бахтушкина, Подкорытов 2015 — *Бахтушкина А. И., Подкорытов А. Т.* Хозяйственно-полезные признаки яков алтайской популяции // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2015. № 9 (131). С. 109–112.
- Внешнеторговый оборот 2021 — Внешнеторговый оборот Монголии вырос на 25 % [электронный ресурс] // *АРД*. 7 января 2021 г. URL: <https://asiarussia.ru/news/30483/> (дата обращения: 07.01.2022).
- Гурова 2011 — *Гурова О. Н.* Традиционное животноводство Монголии // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета*. 2011. № 11. С. 158–162.
- Давыдов 2012 — *Давыдов В. Н.* Экологические основы расселения домашних и диких яков // *Вестник Бурятского государственного университета. Биология. География*. 2012. № 4. С. 130–132.
- Иванов, Кундиус 2014 — *Иванов А. В., Кундиус В. А.* Потенциал и перспективы производства экологически чистой продукции сельского хозяйства в трансграничных регионах Алтая и Монголии // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. № 11 (121). 2014. С. 149–156.
- Кан-оол 2020 — *Кан-оол Б. К.* Некоторые хозяйственно-биологические особенности яков Тувы // *The Scientific Heritage*. 2020. № 44. С. 7–9.
- Корчубекова 2016 — *Корчубекова Т. А.* Яководство — источник экологически чистого сырья // *Пища. Экология. Качество. Труды XIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 18–19 марта 2016 г.)* / отв. за выпуск: О. К. Мотовилов, Н. И. Пыжикова, К. Н. Нициевская. Т. 2. Красноярск: Красноярск. гос. аграр. ун-т, 2016. С. 101–105.
- КРС — Крупный рогатый скот [электронный ресурс] // *Энциклопедия Кольера. Энциклопедии и словари на «Академике»*. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/4024/КРУПНЫЙ (дата обращения: 25.01.2022).
- Лхагвасурэн 2013 — *Лхагвасурэн Ичинхорлоо.* Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.) / пер. с монг. М. В. Монгуш. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 178 с.

- Маншеев 2005 — *Маншеев Д. М.* Скотоводы Восточного Присяянья в конце XIX — начале XX века // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 71–88.
- Маншеев 2006 — *Маншеев Д. М.* Традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присяянья (конец XIX – начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2006. 208 с.
- Материалы верха — Материалы верха обуви [электронный ресурс] // Интернет-магазин ЕССО. Энциклопедия. Материалы. URL: <https://ecco.ru/buyers/encyclopedia/top/142201/> (дата обращения: 01.12.2021).
- Николаева 2009 — *Николаева Д. А.* Прихубсугулье [электронный ресурс] // География. Журнал Издательского дома «Первое сентября». 2009. № 15. URL: https://geo.1sept.ru/view_article.php?id=200901511 (дата обращения: 07.12.2021).
- Оюн 2018 — *Оюн Н. Ю.* Генетическое разнообразие яка (*Bos Grunniens*) Саяно-Алтайского региона: автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 2018. 24 с.
- Оюунзаяа 2005 — *Энхжаргалын Оюунзаяа.* Разработка технологии производства пряжи с использованием верблюжьей шерсти для получения высококачественных трикотажных изделий: автореф. дисс. ... канд. тех. наук. Иваново, 2005. 20 с.
- Павлинская 2002 — *Павлинская Л. Р.* Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб.: Европейский Дом, 2002. 263 с.
- Попов 2012 — *Попов А. М.* Оценка продуктивных качеств яков разных хозяйственных типов: автореф. дисс. ... канд. с.-х. наук. Улан-Удэ, 2012. 18 с.
- Пух тибетского яка — Пух тибетского яка [электронный ресурс] // Khan.Cashmere (Ханский кашемир). URL: <https://khancashmere.ru/info/pooh.html> (дата обращения: 01.12.2021).
- Симуков 2007а — *Симуков А. Д.* Ара-Хангайский аймак // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 2. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 513–523.
- Симуков 2007б — *Симуков А. Д.* Конспект отчета об изучении кочевков Ара-Хангайского аймака в 1933 г. // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 2. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 480–492.
- Симуков 2007в — *Симуков А. Д.* Материалы по кочевому быту населения МНР. 1. Кочевки и хотоны Гурбан-сайханского района Южно-Гобийского аймага МНР // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 2. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 452–469.
- Симуков 2007г — *Симуков А. Д.* Скотоводство в МНР в связи с географическими ландшафтами страны // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 2. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 379–397.
- Симуков 2007д — *Симуков А. Д.* Южно-Гобийский аймак // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 2. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 524–533.
- Табылдиева 2017 — *Табылдиева Э. К.* Состояние изученности биологии яка (статья обзорного характера) // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 7. С. 147–150.
- Хайнак 2015 — *Хайнак* — домашняя корова, превосходящая саму себя [электронный ресурс] // журнал «Энимал Ридер». Энциклопедия животных. 25 августа 2015 г. URL: <https://animalreader.ru/haynak-domashnyaya-korova-prevoshodyashhaya-samusebya.html> (дата обращения: 21.12.2021).
- Чулуун 2004 — *Чулуун Сампилдондовын.* История социально-экономического этнокультурного развития хотогойтов Монголии (XIX – начало XX в.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 203 с.
- Шабунова и др. 2016 — *Шабунова Б. К., Иргашев Т. А., Косилов В. И., Герасименко В. В.* Экстерьерные особенности яков Памира // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2016. № 61. С. 116–117.

References

- Alymbekov K. A. Processing of yaks and quality of yak meat in Kyrgyzstan revisited. *Vsyo o myase*. 2007. № 1. S. 43–44.
- Badmaev S. G. Yak in the Eastern Sayan: Ecological and Ethological Features Reviewed. Cand. Sc. (biology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2007. 19 p. (In Russ.)
- Bakhtushkina A. I., Podkorytov A. T. Economically valuable features of yaks of the Altai population. *Bulletin of Altai State Agricultural University*. 2015. No. 9 (131). Pp. 109–112. (In Russ.)
- Bat-Erdene T. Mongolian Yak and Its Hybrids: Biological and Economic Properties Analyzed. Cand. Sc. (agriculture) thesis abstract. Moscow, 1961. 26 p. (In Russ.)
- Bat-Ochir M., Bayarsaikhan T. Leather and fur industries of Mongolia: Current conditions revisited. In: Shalbuev D. V., Radnaeva V. D. (eds.) *Leather and Fur in XXI Century: Technology, Quality, Environmental Management, Education*. Conference proceedings (Ulan-Ude; August 26–30, 2014). Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2013. Pp. 24–29. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24181634&selid=24181800> (accessed: December 27, 2021). (In Russ.)
- Bazhenova B. A., Danilov M. B., Badmaeva T. M., Zabalueva Yu. Yu., Vtorushina I. A. Yak meat as a lucrative raw material for meat products. *Food Processing Techniques and Technology*. 2018. Vol. 48. No. 3 Pp. 16–33. (In Russ.)
- Cattle. In: *Collier's Encyclopedia*. On: Academic.ru (online encyclopedia aggregator). Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/4024/KRUPNYY (accessed: January 25, 2022). (In Russ.)
- Chuluun S. The Khotogoid of Mongolia, 19th – Early 20th Centuries: A History of Socioeconomic and Ethnocultural Development. Cand. Sc. (history) thesis. Moscow, 2004. 203 p. (In Russ.)
- Davydov V. N. The ecological bases of domestic and wild yaks resettlement. *The Buryat State University Bulletin*. 2012. No. 4 (Biology. Geography). Pp. 130–132. (In Russ.)
- Gurova O. N. Traditional stock-breeding in Mongolia. *The Bulletin of KrasGAU*. 2011. No. 11. Pp. 158–162. (In Russ.)
- Ivanov A. V., Kundius V. A. The potential and prospects of environmentally safe agricultural production in the cross-border regions of Altai and Mongolia. *Bulletin of Altai State Agricultural University*. 2014. No. 11 (121). Pp. 149–156. (In Russ.)
- Kan-ool B. K. Some economic and biological features of yaks of Tuva. *The Scientific Heritage*. 2020. No. 44. Pp. 7–9. (In Russ.)
- Khainak — a domestic cow upgraded. On: The Animal Reader. Encyclopedia of Animals. Posted on August 25, 2015. Available at: <https://animalreader.ru/haynak-domashnyayakorova-prevoshodyashhaya-samu-sebya.html> (accessed: December 21, 2021). (In Russ.)
- Korchubekova T. A. Yak as a source of environmentally clean materials. In: Motovilov O. K., Pyzhikova N. I., Nitsievskaya K. N. (eds.) *Food, Ecology, Quality*. Conference proceedings (Krasnoyarsk; March 18–19, 2016). Vol. 2. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2016. Pp. 101–105. (In Russ.)
- Lkhagvasuren I. The Altai Uriankhai: Historical and Ethnographic Essays, Late 19th – Early 20th Centuries. M. Mongush (transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2013. 178 p. (In Russ.)
- Mansheev D. M. Buryats of the East Cis-Sayan, Late 19th – Early 20th Centuries: Traditional Livestock Breeding Economy Reviewed. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2006. 208 p. (In Russ.)
- Mansheev D. M. Livestock breeders of the East Cis-Sayan, late 19th – early 20th centuries. *Acta Eurasica*. 2005. No. 3. Pp. 71–88. (In Russ.)
- Mongolia's foreign trade turnover increased by 25 %. On: ARD (online news outlet). Posted on January 7, 2021. Available at: <https://asiarussia.ru/news/30483/> (accessed: January 7, 2022). (In Russ.)

- Nikolaeva D. A. The Cis-Khövsgöl region. *Geografiya. Zhurnal Izdatel'skogo doma «Pervoe sentyabrya»*. 2009. No. 15. Available at: https://geo.1sept.ru/view_article.php?id=200901511 (accessed: December 7, 2021). (In Russ.)
- Oyun N. Yu. Yaks (*Bos grunniens*) of the Sayan-Altai Region: Genetic Diversity Reviewed. Cand. Sc. (biology) thesis abstract. Moscow, 2018. 24 p. (In Russ.)
- Oyuunzayaa E. Yarns Containing Camel Wool for High Quality Knitwear: Developing Manufacturing Techniques. Cand. Sc. (engineering) thesis abstract. Ivanovo, 2005. 20 p. (In Russ.)
- Pavlinkskaya L. R. Nomads of Blue Mountains: Destinies of Traditional East Sayan Culture in Contacts with the Contemporary World. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2002. 263 p. (In Russ.)
- Popov A. M. Yaks of Different Cultural and Economic Types: Evaluating Productive Characteristics. Cand. Sc. (agriculture) thesis abstract. Ulan-Ude, 2012. 18 p. (In Russ.)
- Shabunova B. K., Irgashev T. A., Kosilov V. I., Gerasimenko V. V. Exterior features of Pamir yaks. *Izvestia Orenburg State Agrarian University*. 2016. No. 61. Pp. 116–117. (In Russ.)
- Shoe upper materials. On: ECCO (online store). Encyclopedia. Materials. Available at: <https://ecco.ru/buyers/encyclopedia/top/142201/> (accessed: December 1, 2021). (In Russ.)
- Simukov A. D. Arkhangai Province. In: Simukov A. D. Works on Mongolia and for Mongolia. Vol. 2. Osaka: National Museum of Ethnology, 2007. Pp. 513–523. (In Russ.)
- Simukov A. D. Exploring nomadic routes in Arkhangai Province, 1933: A report abstract. In: Simukov A. D. Works on Mongolia and for Mongolia. Vol. 2. Osaka: National Museum of Ethnology, 2007. Pp. 480–492. (In Russ.)
- Simukov A. D. Materials on nomadic household life of Mongolia's population. Part 1. Nomads and khotons of Gurvansaikhan District (Ömnögovi Province, Mongolian People's Republic). In: Simukov A. D. Works on Mongolia and for Mongolia. Vol. 2. Osaka: National Museum of Ethnology, 2007. Pp. 452–469. (In Russ.)
- Simukov A. D. Mongolia's livestock breeding patterns in connection with its natural landscapes. In: Simukov A. D. Works on Mongolia and for Mongolia. Vol. 2. Osaka: National Museum of Ethnology, 2007. Pp. 379–397. (In Russ.)
- Simukov A. D. Ömnögovi Province. In: Simukov A. D. Works on Mongolia and for Mongolia. Vol. 2. Osaka: National Museum of Ethnology, 2007. Pp. 524–533. (In Russ.)
- Tabyldieva E. K. Biology of yak: The current level of prior studies reviewed. *Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan*. 2017. No. 7. Pp. 147–150. (In Russ.)
- Tibetan yak fur. On: KHAN.Cashmere (retailer website). Available at: <https://khancashmere.ru/info/pooh.html> (accessed: December 1, 2021). (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930.2, 94(517), 94(55)
DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155

**К вопросу о монгольском делопроизводстве в Иране
XIII–XIV вв. (на примере ярлыка о назначении бахши
из «Дастур ал-катиб»)**

*Ленар Фиргатович Абзалов¹, Марат Салаватович Гатин²,
Ильяс Альфредович Мустакимов^{3,4}, Роман Юлианович Почекаев⁵*

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

⁴ Национальная библиотека Республики Татарстан (д. 86, ул. Пушкина, 420060 Казань, Российская Федерация)
ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

⁵ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 17, ул. Промышленная, 198099 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье на основе ярлыка из персидского средневекового трактата «Дастур ал-катиб» выявляются принципы использования монгольского языка в делопроизводстве Ирана XIII–XIV в. *Цели и задачи исследования.* Целью исследования является междисциплинарный анализ исторического памятника — ярлыка о назначении на должность старшего писца (бахши), включенного в состав сочинения «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного в середине XIV в. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, чиновником финансового ведомства в эпоху правления последних Хулагуидов и первых Джалаиридов.

Задачами исследования являются: 1) перевод на русский язык текста исследуемого документа; 2) характеристика данного документа как ценного памятника по истории государственности, права и канцелярской культуры монгольского Ирана; 3) анализ ярлыка как официального актового документа и как источника права; 4) выявление на основе проведенного анализа правового статуса монгольского языка в Иране XIII–XIV вв. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составляет, в первую очередь, сам исследуемый ярлык, а также другие материалы из сочинения «Дастур ал-катиб», иные средневековые источники о монгольском Иране и других государствах Чингизидов, в том числе сочинения Рашид ад-Дина, Вассафа и др., актовые материалы средневековых чингизидских канцелярий. При исследовании авторы опирались на исторические и юридические методы — источниковедческий, дипломатический, сравнительно-исторический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. *Результаты.* Впервые введен в русскоязычный научный оборот ярлык о назначении на должность секретаря (бахши) из средневекового персидского сочинения «Дастур ал-катиб», осуществлен его детальный междисциплинарный анализ. Выявлены особенности статуса бахши — старшего писца при дворе, переводившего на монгольский язык официальные персоязычные акты, его права и обязанности, профессиональные требования к кандидатам на эту должность, предпринята попытка идентификации конкретного лица, которое назначалось на должность данным документом. *Выводы.* Авторы приходят к выводу, что в Иране XIII–XIV в. монгольский язык имел статус официального языка в государственном делопроизводстве, широко использовался кочевыми подданными ильханов из династий Хулагуидов и Джалаиридов, включая высших сановников монгольского происхождения. Его значимость подчеркивается наличием в штате при дворе ильханов Ирана специальных чиновников, в обязанности которых входило составление официальной документации на монгольском языке для сведения представителей кочевой знати и военачальников.

Ключевые слова: монгольский Иран, ильхан, Монгольская империя, монгольский язык, официальный государственный язык, ярлык, бахши

Для цитирования: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К вопросу о статусе монгольского языка в Иране XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 130–155. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155

Mongolian Records Management in 13th–14th Century Iran Revisited: Analyzing One Yarliq Appointing a Bakhshi from *Dastur al-Katib*

Lenar F. Abzalov¹, Marat S. Gatin², Ilias A. Mustakimov^{3,4}, Roman Yu. Pochekaev⁵

¹ Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

³ Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

⁴ National Library of the Republic of Tatarstan (86, Pushkin St., 420060 Kazan, Russian Federation)

Senior Research Associate

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

⁵ National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya St., 198099 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines a *yarliq* from *Dastur al-Katib* (14th c. CE) and attempts to an insight into the principles of using the Mongol language in the 13th–14th century Persian records management system. *Goals.* The study provides an interdisciplinary analysis of the historical monument — a *yarliq* appointing a *bakhshi* (senior scribe) included in *Dastur al-Katib fi Tayin al-Maratib* (A Scribe’s Guide to Determining Ranks) compiled in the mid-14th century by Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani, a financial statesman under the late Hulaguids and early Jalairids. To facilitate this, the paper shall: 1) translate the examined document into Russian, 2) characterize the latter as a valuable source on history of state, law and chancellery culture of Mongol Iran, 3) analyze the *yarliq* as an official act and a source of law, 4) identify the legal status of the Mongolian language in 13th–14th century Iran. *Materials and methods.* The study explores the *yarliq* proper and other materials of *Dastur al-Katib*, additional medieval sources on Mongol Iran and Genghisid states, including works by Rashid al-Din, Wassaf, etc., official documents of Genghisid chancelleries. The work employs a series of historical and legal research methods, such as those of source criticism, diplomatics analysis, comparative historical research, formal legal approach, historical legal and comparative legal analyses. *Results.* The paper introduces the *yarliq* appointing a secretary (*bakhshi*) from the medieval Persian treatise titled *Dastur al-Katib* into Russian-language scientific discourse and supplements it with a detailed interdisciplinary analysis. The work clarifies specific features of a *bakhshi*’s legal status as a senior scribe responsible for translating official edicts from Persian into Mongolian, his functions, rights, requirements for candidates. An attempt to identify the person to have been appointed scribe therein was made. *Conclusions.* The works concludes Mongolian had a status of the official language in records management system of Iran throughout the late 13th and 14th centuries, the former having been extensively used by nomadizing subjects of Hulaguid and Jalairid Ilkhans, including top-rank executives of Mongolian descent. This was reflected in the appointment of a special official responsible for articulating legal and other documents into Mongolian for nomadic elites and warlords. However, to extrapolate this conclusion onto other Genghisid states it is necessary to compare the researched document and additional information on Mongol Iran with similar sources from other heirs of the Mongol Empire, such as the Golden Horde, Chagatai Ulus, etc.

Keywords: Mongol Iran, Ilkhan, Mongol Empire, Mongolian language, official language, *yarliq*, *bakhshi*

For citation: Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. Mongolian Records Management in 13th–14th Century Iran Revisited: Analyzing One *Yarliq* Appointing a *Bakhshi* from *Dastur al-Katib*. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 130–155. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155

...Потому что он мог читать монгольские тексты, написанные уйгурским письмом, а это в наш век стало основой учености и всяческих умений.

Ата-Малик Джувейни

Введение

В процессе завоевания и установления своей власти на Среднем Востоке и в Средней Азии потомки Чингис-хана столкнулись с государствами и народами, обладавшими более древними традициями государственности, права и культуры. Неудивительно, что многие нормы выстраивания властных, правовых, делопроизводственных отношений, привнесенные монгольской правящей элитой в Иран, Хорезм, Поволжье и др., в сравнительно быстрые сроки стали сочетаться с местными, более древними и более развитыми традициями, включая языковые. Соответственно, при взаимодействии с оседлым населением, в том числе путем издания соответствующих нормативных актов и иных официальных документов в Иране в эпоху Хулагуидов (1261–1353), потомков Чингис-хана, и сменивших их Джалаиридов (1356–1431) стал широко применяться персидский язык. Однако это не означало, что монгольский язык был забыт и вытеснен из обращения: значительная часть кочевого населения монгольского Ирана, составлявшая основу вооруженных сил ильханов из родов Хулагуидов и Джалаиридов, по-прежнему пользовалась им, что должно было учитываться властями в их правовой политике и управленческой деятельности. Исследователи, отмечавшие сохранение использования монгольского языка в Иране исследуемого периода в качестве официального, до сих пор опирались на отдельные сохранившиеся монголоязычные документы, а также на краткие упоминания в нарративных источниках. Авторы данной статьи вводят в русскоязычный научный оборот официальный документ — ханский ярлык, официально подтверждающий признание монгольского языка в Иране конца XIII–XIV в. в статусе государственного.

История вопроса

Сочинение «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») было составлено Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани (1293–1376), который являлся потомственным чиновником на службе у правителей Ирана XIV в. — поздних Хулагуидов и первых Джалаиридов¹. По некоторым сведениям, он также являлся ученым, автором толкового словаря персидского языка «Сихах ал-фурс», а также ряда поэтических произведений [Гулиев 2009; Mamedova 2016: 100–104].

Сочинение «Дастур ал-катиб» было написано на основе богатого профессионального опыта автора, вероятнее всего, во второй половине XIV в., предположительно в 1360-х гг., и посвящено Шейх-Увейсу, основателю династии Джалаиридов [Пириев 1988: 197; Roemer 1952: 15].

Сочинение состоит из двух частей, первая из которых посвящена вопросам

¹ Вслед за В. В. Бартольдом, мы считаем более правильным для обозначения правившей частью Хулагуидской державы династии выходцев из монгольского племени джалаир использовать термин «Джалаиры», а не утвердившийся в историографии термин «Джалаириды» [Бартольд 1968: 365, прим. 2].

сельского хозяйства и налогообложения в Монгольском Иране и смежных государствах Ближнего и Среднего Востока. Второй том содержит несколько сотен образцов указов (ярлыков) хулагуидских и джалаирических правителей о назначении различных должностных лиц, при этом в ряде случаев дается краткая авторская характеристика таких должностей, о которых он был весьма хорошо осведомлен [Нахчивани 1976: 11]. Исследователи считают «Дастур ал-катиб» весьма ценным источником по истории средневекового Ирана, а также и других государств Чингизидов.

Первым исследователем, введшим в научный оборот ряд образцов ярлыков из «Дастур ал-катиб», был австрийский дипломат и востоковед Й. фон Хаммер-Пуршталь (см. подробнее: [Гатин 2009: 17–22]). Являясь автором работ по истории государства ильханов, Крымского ханства [Hammer-Purgstall 1842; Hammer-Purgstall 1843; Hammer-Purgstall 1856] и др., российским специалистам он известен, прежде всего, как автор первой научной монографии по истории Золотой Орды, в качестве приложения к которой, собственно, и были опубликованы его переводы на немецкий язык упомянутых документов из «Дастур ал-катиб» [Hammer-Purgstall 1840: 463–516]: по мнению автора, сходства в государственном устройстве и системе управления Монгольского Ирана и Улуса Джучи давали основания использовать эти акты как источник по истории золотоордынских органов власти и чиновничества. Как известно, «История Золотой Орды в Кипчаке. Монголы в России» Й. фон Хаммера-Пуршталья подверглась крайне негативной оценке со стороны Императорской Российской академии наук, на конкурс которой работа была подана. В связи с этим в течение длительного времени его работа оставалась не востребованной со стороны отечественных специалистов. Тем не менее рассмотрение образцов ярлыков из сочинения Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани как возможного источника по истории Золотой Орды было поддержано и другими исследователями, в частности В. В. Бартольд [Бартольд 1968: 365] и А. Ю. Якубовским [Греков, Якубовский 1950: 127–129, 135–136], которые, впрочем, ограничились лишь констатацией такой возможности.

К изучению «Дастур ал-катиб» в разное время обращались и другие специалисты-востоковеды, осуществляя перевод отдельных фрагментов этого сочинения. Так, известный российский востоковед В. Г. Тизенгаузен осуществил перевод образцов первых тринадцати ярлыков, включенных в это сочинение [Тизенгаузен], однако его перевод остался в черновом варианте, с множеством исправлений, свидетельствующих о том, что эта работа так и не была завершена — неслучайно выдержки из «Дастур ал-катиб» так и не вошли во второй («персидский») том его «Сборника материалов по истории Золотой Орды» [СМИЗО 1941: 7–8].

Один из образцов ярлыка и выдержки из нескольких других были опубликованы в оригинале и русском переводе П. М. Мелиоранским [Мелиоранский 1900: 017–020]. С. О. Хатиби в своей монографии, подготовленной на основе диссертационного исследования, перевел ряд разделов из «Дастур ал-катиб» [Хатиби 1985: 4–116].

Отдельные термины, используемые в сочинении, были проанализированы В. З. Пириевым [Пириев 1988]. Фрагменты из этого сочинения также включил

в свое исследование о Чингис-хане и его потомках современный петербургский востоковед Т. И. Султанов [Султанов 2017: 83].

Критический текст сочинения Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани был опубликован А. А. Али-заде [Нахчивани 1976], однако исследователи до сих пор не привлекают его в столь широкой степени, которой оно, несомненно, заслуживает. Авторы данной статьи намерены хотя бы отчасти восполнить этот пробел и провести комплексный, многоаспектный анализ ряда документов из «Дастур ал-катиб», при этом взяв за основу те образцы, которые в свое время опубликовал в немецком переводе Й. фон Хаммер-Пуршталь, — как наиболее репрезентативные и, рискуем предположить, способные служить источником по истории не только Монгольского Ирана, но и других государств Чингизидов. Именно поэтому, отдавая должное заслугам австрийского востоковеда, мы сочли целесообразным включить в исследование не только современный перевод ярлыков с оригинала (по публикации А. А. Али-Заде), но и впервые дать русские переводы документов с публикации самого Хаммер-Пуршталья.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании предпринимается попытка выяснения статуса монгольского языка в Иране конца XIII–XIV в., т. е. эпохи последних Хулагуидов и первых Джалаиридов. Соответственно, основным источником для исследования является ярлык из «Дастур ал-катиб» о назначении на должность бахши — специального чиновника, в обязанности которого входил перевод официальных актов ильханской канцелярии с персидского языка на монгольский. В качестве дополнительных источников привлекаются сочинения средневековых авторов о Монгольском Иране и соседних тюрко-монгольских государствах (Золотой Орде, Чагатайском улусе), а также образцы актовых материалов из средневековых чингизидских канцелярий, позволяющие провести сравнительный анализ канцелярских традиций разных государств — наследников Монгольской империи.

Междисциплинарный характер исследования обусловил участие в проведении исследования специалистов по истории, источниковедению, дипломатике, истории государства и права, равно как и использование различных методов исследования. К числу последних следует отнести, в частности, источниковедческий метод, который позволяет провести общий анализ исследуемых исторических (историко-правовых) памятников, причин и обстоятельств их появления, дипломатический анализ позволяет изучить структуру и основные элементы исследуемого документа, сопоставить его с другими средневековыми актовыми материалами. Сравнительно-исторический метод обеспечивает сопоставление условий развития государств Чингизидов, степень влияния в них монгольских и местных (тюркских, персидских, среднеазиатских) традиций, включая особенности языковой политики. Формально-юридический подход позволяет провести подробный анализ изучаемого ярлыка, выделив информацию о правовом статусе как чиновника, которому посвящен документ, так и о значении монгольского языка в государственной жизни Ирана конца XIII–XIV в. Историко-правовой метод обеспечивает лучшее понимание специфики правотворческой и, в целом, государственной деятельности поздних Хулагуидов и ранних Джалаиридов. Сравнительно-правовой подход позволяет выявить общие и специфические черты отдельных направлений политики в Монгольском Иране и современных ему других государствах Чингизидов.

Перевод документа

О языках делопроизводства в чингизидских канцеляриях

При Чингис-хане монгольский язык становится языком делопроизводства.

Перевод Й. фон Хаммера-Пургштала
[Hammer-Purgstall 1840: 470–472]¹

Перевод с оригинала
[Нахчивани 1976: 39–43 араб. паг.]¹

Грамота [ярлык] монгольскому секретарю (катибу), первый [образец]
Безграничной милостью всемогущего Бога (чь величие должно превозноситься, а имя — благословляться!) земли Ирана стали нашими владениями; а Наша воля, словно высоко порхающая птица счастья (Хумай²), парит как над всеми низжайшими, так и над высокопоставленными подданными и как над дальними, так и над близлежащими землями, над всеми ними простирается всякая милость; Мы достигли такой степени совершенства правления, что каждый народ получает написанные на своем собственном языке повеления для лучшего их понимания. Поэтому в священный город Багдад³ и в другие города Ирака отсылаются распоряжения на арабском языке, персидским народам в персидском Ираке⁴ и в Фарсе даются на персидском, также монголам и тюркам на их языках и на их письме, для того чтобы они легко могли понять их. Теперь, когда Эзук-бахши стал вашим самым старшим писцом (бахши) и секретарём (битикчи), постоянно находящийся в услужении у могущественных султанов и знаменитых королей для написания монгольских распоряжений их диванов, и так как он исполняет свои обязанности очень добросовестно, показывая

О вверении должности писца указов на монгольском языке бахшия Вид первый

Поскольку [нас] коснулись совершенные милости и благодеяния Вечного и Великого [Бога] — да не иссякнут блага Его и да святятся имена Его! — и области Ирана перешли в сферу [нашего] владения и обладания, все [наши] государевы помыслы [о благе подданных] охватили все сословия рабов [Божьих] вплоть до самых отдаленных областей и провинций, и относительно их [подданных] воспоследовали [наши] многие милости и пожалования. Одним из этих мероприятий² мы полагаем издание указов к каждому народу на его языке с тем, чтобы они легко понимали его содержание. В частности, указы, [направляемые] в Город мира Багдад и иные местности³ Ирака Арабского⁴ издаются на арабском языке, [указы,] направляемые иранским племенам в области Джибалья⁵ (جبال) и провинции Персии (فرس) должны прибывать на персидском языке. Монгольским и тюркским племенам указы также должны направляться на их языках и письменах с тем, чтобы они с легкостью могли их понять. К ним следует обращаться на их языке. Поскольку Урук⁶-бахши [происходит] из их⁷ старинных и знаменитых бахшиев и битикчиев, и он постоянно находился на службе у счастливых султанов и славных

¹ Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

² Хумай (Умай, Хомай) — в иранской, тюркской и арабской мифологии — птица, предвещающая счастье.

³ Рядом с Багдадом находится Самарра — священное место для шиитов — усыпальница двух имамов: Али аль-Хади и Аскари.

⁴ Персидский Ирак (Ирак-и Аджам, Ирак ал-Аджам) — средневековое обозначение области на западе современного Ирана. Персидский Ирак граничил на юге с Фарсом и Хузестаном, на западе — с Арабским Ираком, на севере — с Азербайджаном.

¹ Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

² Букв. «искусств, ремесел» (صنائع)

³ بلاد. Возможный перевод: «города».

⁴ Ирак Арабский — историческая область, включающая большую часть современного Ирака.

⁵ Джибаль — Ирак Персидский.

⁶ اوروک. В двух из шести списков, использованных А. А. Али-заде: اروک (Урук~Эрук). В одном из списков, использованных А. А. Али-заде: ازوک (Узук~Эзук).

⁷ Т. е. монголов и тюрков.

надёжность, богобоязненность, прямоту слова и ясность письма, благочестие, отсутствие алчности: то, исходя из всего этого, писцом монгольских приказов назначен он [т. е. Эзук-бахши], чтобы он возглавлял ведомство согласно положенным и признанным обычаям, дабы он подготавливал бумаги и формуляры для эмиров и везирей, чтобы набело переписывал без ошибок, дабы содержание приказов и грамот областным эмирам, тысячникам, сотникам, десятникам и другим давалось на их оборотной стороне немногословными выражениями таким образом, чтобы не было упущено важного, а также чтобы с первого взгляда была ясна суть содержания. Если кто-то из монголов или из знати — тот, кто сошел с пути справедливости закона (ясы) и заповедей (ясак), будет требовать от него [т. е. Эзук-бахши] составления грамоты, то такому в этом нельзя помогать, если же он будет на этом настаивать, он [т. е. Эзук-бахши] должен сообщить [об этом] высочайшему двору, дабы этим получить милость; он не должен не замечать и упускать из вида самые небольшие мелочи этой важной службы, чья скрупулёзная работа должна обеспечить процветание монголов, с тем чтобы ему оказывалась и день ото дня росла бы щедрость, ради получения им определенной награды и пожалования (суюргамиши). Таким образом, волей всемогущего Бога именно поэтому это распоряжение вступает в силу, дабы тем самым эмиры и везири, руководители великого дивана, областные эмиры, тысячники и сотники, наместники в землях, все воины и сельские жители хорошо оберегаемых стран с этого дня Эзук-бахши признавали секретарём монгольских приказов, к нему обращаться и никто не имеет права вмешиваться во всех случаях, которые связаны с этим важным делом и с этой высокой должностью; вносимая вами плата за письмо должна передаваться ему без [какого-либо] вычета; если он в силу глубокой старости не будет в состоянии присутствовать время от времени на заседаниях дивана, или же не сможет самостоятельно писать распоряжения,

государей, занимаясь в их канцеляриях составлением монгольских указов¹, должным образом владея правилами и тонкостями этого [дела] занимался написанием [указов на монгольском языке], сделал облачением своей судьбы надёжность, набожность, правдивость слов, точность письма, богобоязненность и отсутствие алчности, заведывание делом написания монгольских указов препоручается ему. Пусть явит на этой должности неизменно присущую ему непоколебимость. Пусть по получении черновых списков [наших] повелений, [составленных] эмирами и везирами, просмотрев [их] с начала с совершенным вниманием и по тщательном обдумывании, переписывает набело, соблюдая меры предосторожности. Содержание указов, написанных эмирам областей (اولىك), туменов, тысяч, сотен и другим [адресатам] по разным делам, пусть записывает на обороте ярлыков в сокращенных выражениях так, чтобы ни одна деталь из содержания указа не была упущена, дабы при ознакомлении с ним становилась понятной его суть. Если кто-либо из монголов и насильников (متغلبان)² будет склонять или принуждать его к написанию того, что несовместимо с [соблюдением] справедливости, ясы и ясака (ياسا و ياساق و معدلت و), он не должен придавать значения их словам; если же они не прислушаются [к его доводам], пусть доложит [об этом] нашему величеству, дабы [нами] было издано справедливое распоряжение. Пусть ни один из нюансов этого большого дела, входящего в сферу ответственности бахшиев и писцов, пишущих на монгольском языке (بخشيان و), не будет упущен, дабы изо дня в день [наше] благоволение ему не прерывалось, и он, если будет на то воля Аллаха Всевышнего, удостоился [наших] особых пожалований.

По этой причине сей указ эмирам, везирам, членам Великого Дивана, эмирам областей, туменов, тысяч, сотен, хакимам и мутасарифам областей, сообществу воинов и кочевников Богохранимых владений, вступающий в силу с настоящей даты, заключается в том,

¹ Т. е. указов на монгольском языке.

² Под «насильниками» здесь, очевидно, подразумеваются злоупотребляющие своей властью или влиянием немонголы.

то обращаться вам к его сыновьям, которым он доверится. Теперь, когда Эзук-бахши исполняет обязанности этой должности старательно и прилежным образом, выплачивать ему ежегодно оговорённую сумму денег из казны дивана, для того чтобы он их тратил на свои письменные принадлежности и собственные дела. Если он захочет эту сумму получать из какого-либо места или налогов (тамги) дивана, то это должно быть ему разрешено, и ему с этих мест ежегодно должно выплачиваться, не возвращая им этого дивану. Отныне по отношению к нему вменяется в обязанность выполнять предписания оказания почестей и уважения.

чтобы начиная с этой даты они признавали Урук-бахши писцом указов на монгольском языке по всем вопросам, связанным с этим большим делом и благим занятием. Пусть по всем вопросам обращаются к нему и не полагают возможным вовлекать или вмешивать кого-либо другого. Пусть ему без уменьшения и сокращения направляют оговоренную пошлину за письмоводство. Если он, вследствие преклонных лет и наступления старости, в некое время отойдет от службы в канцелярии (диوان) и составления указов, любого из его сыновей или иных [лиц], определенных им своим преемником, пусть считают заместителем, исполняющим обязанности и заступившим в должность [Урук-бахши], и в случае необходимости составления указов считают обязательным обращаться к нему. И постольку, поскольку Урук-бахши будет добросовестно выполнять указанные обязанности, пусть ему ежегодно в качестве жалования выплачивается сумма во столько-то динаров из основных поступлений Дивана, дабы он тратил ее на свои потребности. Если он захочет, пусть эта сумма будет назначена ему из какого-либо [определенного] места, откуда в диван осуществляются поступления, или из тамги¹, и ему с этих статей дохода осуществляются [прямые] ежегодные выплаты, минуя Диван. Пусть оказывают ему подобающие почести и уважение. *Пусть верят предписаниям [настоящего указа]. Писано в ...²

¹ В данном случае речь идёт о торговой пошлине.

² Эти фразы отсутствуют в двух из шести списков, использованных А. А. Али-заде.

В китайских источниках он обозначается как государственный язык. Так в «Юань ши» о Лю Мине, китайце по происхождению, ставшем влиятельным чиновником при ханском дворе, говорится, что он изучал «государственный [т. е. монгольский] язык»¹. Наряду с монгольским языком находил свое применение и тюркский язык [Нав 2014: 5]. Следует учесть, что значительная часть центральноазиатских кочевников была двуязычна [Харькова 1992: 163–164].

Таким образом, еще в эпоху Чингис-хана обнаруживается тенденция использования распространенных языков в деле организации управления Монгольского государства, а дальнейшее территориальное расширение империи приводит к необходимости внедрения в систему управления новых языков [Allsen 2007: 98, 101].

¹ В «Юань ши» в биографии Елюй Чуцяя на монгольском языке указывается его прозвище «длинная борода»: «На [монгольском] государственном языке „У-ту са-хэ-ли“ означает „длиннобородый“» [Мункуев 1965: 187].

Ата-Малик Джувейни по этому поводу пишет: «Им [битикчи великого хана] помогают писцы, владеющие персидским, уйгурским, китайским, тибетским, тангутским и другими языками, поскольку куда бы ни направлялся указ, он должен быть написан с использованием языка и письма живущего там народа» [Джувейни 2004: 440], а у Рашид ад-Дина читаем: «Из всех народностей при них состояли на службе писцы, знавшие по-персидски, уйгурски, китайски, тибетски и в случае, если для какого-либо места пишут указ, писали бы его на языке и письме того народа» [Рашид ад-Дин 1960: 140].

Информацию о применении в практике делопроизводства наиболее распространенных языков можно обнаружить и в «Дастур ал-катиб»: «Одним из этих мероприятий¹ мы полагаем издание указов к каждому народу на его языке с тем, чтобы они легко понимали его содержание. В частности, указы, [направляемые] в Город мира Багдад и иные местности² Ирака Арабского³ издаются на арабском языке, [указы,] направляемые иранским племенам в области Джибаля и провинции Персии должны прибывать на персидском языке. Монгольским и тюркским племенам указы также должны направляться на их языках и письменах с тем, чтобы они с легкостью могли их понять. К ним следует обращаться на их языке» (см. также: [Тизенгаузен: 226; Пириев 1988: 200].

Монгольские власти, для повышения эффективности управления, как правило, дублировали свои указы на языках, доступных большинству населения. В одном из указов великого хана Хубилая от 1269 г. по этому поводу говорится: «С настоящего момента во всех Императорских эдиктах следует параллельно писать новыми монгольскими знаками, и по обычаю каждый прибавляет к нему письмо своего государства» [Зограф 1984: 12].

В случае подготовки письменного послания писцы чингизидских канцелярий — битикчи, строго следили за тем, чтобы оно было правильно переведено [Карпини 1997: 81; Языков 1825: 245–247].

Но в то же время есть определенные основания говорить о том, что переводы практиковались не во всех случаях. Например, монгольское послание венгерскому королю Беле IV не было сопровождено переводом. Но в этом случае письмо королю было направлено вместе с монгольским посланником, владевшим шестью (!) языками [Аннинский 1940: 81].

В московском царском архиве, по данным описи, составленной в 70-х гг. XVI в., на хранении находился ящик (в описи под № 148) с золотоордынскими документами («дефтери старые от Батые и от иных царей»), которые были не переведены [Описи царского архива 1960: 32; Усманов 2009: 661].

А. А. Бобровников эти сведения дополняет данными по ханским ярлыкам, выданным русскому духовенству: «Собиратель ярлыков, данных нашим митро-

¹ Букв. «искусств, ремесел» (صنائع)

² بلاد. Возможный перевод: «города».

³ Ирак Арабский — историческая область, включающая большую часть современного Ирака. Рашид ад-Дин пишет о выдаче ханом Газаном ярлыков с тамгой на арабском языке для правителя сирийского города Рахбы Алям ад-Дина Гитми: «Относительно дел и занятий Гитми, [его] сыновей, тамошних набов, казиев и служилого люда и безопасности жителей города, крепости и области были написаны по-арабски нерушимые указы и, снабженные тамгой, вручены им» [Рашид ад-Дин 1946: 195].

политам, замечает: „Мнози же суть, но иных не возмохом превести за неудобь познаваемую речию писано была“» [Бобровников 1861: 15].

Отсутствие переведенных на русский язык документов может также объясняться тем, что в Москве могли находиться писцы, владевшие «татарским» языком и переводившие ярлыки на русский язык, но в силу каких-то причин эти противни не сохранились. Об этом может свидетельствовать и последующая практика дипломатической переписки Москвы и джучидских государств, когда послания и письма крымских ханов и иных правителей переводились переводчиками Посольского приказа.

В государстве Хулагуидов, являвшемся частью Монгольской империи, складывается сходная ситуация, но если в Юаньском Китае преобладающим языком был китайский, в улусах Чагатай и Джучи — тюркский, то во владениях ильханов таковым был персидский, а в некоторых регионах — арабский, а также монгольский и тюркский языки. Но в отличие от периода Сельджукидов в Хулагуидскую эпоху мы наблюдаем возрастание значения тюркского [Vasary 2016: 141] и в особенности монгольского языка, который был вовсе неизвестен в Иране до чингизидских завоеваний. Несмотря на малочисленность монголов на указанных территориях, монгольский язык имел высокий статус вплоть до падения династии Хулагуидов. Знание монгольского языка и уйгурской грамоты в значительной степени определяло карьерный рост того или иного лица в улусах Чингизидов [Allsen 2007: 102].

Особо выделим, что в Иране XIII–XIV вв. документы, адресованные оседлому населению, писались на персидском языке, если же они были адресованы кочевникам, то на монгольском или тюркском языках [Allsen 2007: 102].

Согласно публикуемому документу, в некоторые области державы ильханов (например, Ирак Арабский) указы направлялись на арабском языке. Особое значение в государстве ильханов приобретает тюркский язык или, как его условно определяет венгерский тюрколог И. Вашари, восточно-тюркский язык, в отличие от западно-тюркского (огузского) языка, который был наиболее распространенным среди кочевников Ирана в сельджукскую эпоху [Vasary 2016: 148]. При Джалаирах позиции тюркского языка еще более возрастают.

О роли битикчи и бахши в чингизидских канцеляриях

В Монгольской империи существовала определенная номенклатура канцелярских служащих, с соответствующими наименованиями и функциями. Письмоводством в ордынской канцелярии занимались битикчи¹. Очевидно этот термин заимствован монгольским языком из уйгурского языка и в XIII–XIV вв. был широко распространен даже в регионах с древними бюрократическими традициями (Иран, Китай). И. Т. Зограф отмечает, что в юаньских документах можно обнаружить монгольские лексические заимствования, в том числе лексему «бичэчи» [Зограф 1984: 42].

О писцах говорится и в так называемом словаре «Codex Cumanicus», составленном на территории Золотой Орды: «scriba – nuisenda – bacsı ul biticçi» [Codex Cumanicus 1981: 91]. Таким образом, в Золотой Орде начала XIV в. (предполагаемое время составления «Кодекса») писец обозначался словами «бахши» или «битикчи».

¹ О битикчи см. подробнее: [Абзалов 2013: 54–57].

Как видно, для обозначения писцов в чингизидских канцеляриях также использовалось слово «бакши»¹, так называли писцов, пришедших вместе с завоевателями, в дальнейшем его стали использовать и по отношению к местным писцам.

Словом «бахши» первоначально обозначали лиц буддийского духовенства и наставников². Позднее этот термин стал применяться по отношению к писцам тюрко-монгольского происхождения, составлявшим документы уйгурским письмом. И в Золотой Орде этот термин употреблялся в тех же значениях — служителя культа и писца вообще [Усманов 1979: 125]³. В то время как писцов, профилирующихся на подготовке документов арабским письмом (по-тюркски, по-персидски или по-арабски), называли катибами или мунши⁴.

Как следует из «Дастур ал-катиб», в центральных канцеляриях Ирана эпохи поздних Хулагуидов и ранних Джалаиридов существовало три высшие должности, связанные с письмоводством: писец монгольских указов (бахши), улуг битикчи и мунши. Бахши проходил по ведомству главного эмира улуса, выполнявшего военные и полицейские функции, тогда как улуг битикчи и мунши относились к ведомству везира, т. е. к гражданской администрации. Улуг битикчи отвечал за сбор и фиксацию в реестрах налоговых и иных поступлений в казну [Нахчивани 1976: 105–108 араб. паг.]. В ведении мунши находилась подготовка монарших указов и постановлений Великого Дивана, а также осуществление переписки ильханов с мусульманскими государями [Нахчивани 1976: 117–121 араб. паг.]. В канцелярии мунши документы составлялись на персидском и, по-видимому, на арабском языках.

Основным критерием для назначения на должность «монгольского секретаря» являлось знание монгольского и, очевидно, тюркского языка, а также владение уйгурской грамотой и хорошее знание монгольских или иначе чингизидских традиций. Ата-Малик Джувейни, подчеркивая значение уйгурского и монгольского языков, пишет: «Они считают уйгурский язык и письменность вершиной знания и учености» [Джувейни 2004: 6, 374]⁵.

В бытность существования Монгольской империи назначение представителей тюрко-монгольских племен на должность битикчи или бахши по ряду причин

¹ Древнетюркское слово *baqşy* (сказитель) имеет китайскую этимологию *pāk-ši // pāk-dzi* (мастер, учитель) [Баскаков 1987: 72]. По мнению В. В. Бартольда, термин «бахши» был заимствован из санскрита, и слово это появляется в восточнотюркском и персидском языке в монгольскую эпоху [Бартольд 1968: 501]. Следует отметить, что указанный термин применялся на Руси и в XVI в. в том же значении «писца», например: «писанная на Москве бакшеем Бурунтаем» [Малиновский 1863: 408].

² В этом значении находит свое применение и в золотоордынской берестяной рукописи [Поппе 1941: 83].

³ По замечанию В. В. Трепавлова, точно такую же комбинацию значений в XVI в. в русском языке имело слово «мулла». Мусульманские духовные лица, будучи грамотными, вели в некоторых тюркских государствах (например, в Ногайской Орде) дипломатическую переписку, и московские посольские дьяки видели в них своих коллег, отмечая: «молла – по-русски *дьяк*» (консультация В. В. Трепавлова).

⁴ Интересное исследование о восприятии института бахши в Московском государстве XV–XVI вв. и его эволюции было недавно опубликовано московским историком А. В. Беляковым [Беляков 2021].

⁵ При этом следует оговориться, что автор не владел ни уйгурским, ни монгольским языками.

было не частым¹, но не уникальным явлением [Рашид ад-Дин 1946: 43; Рашид ад-Дин 1952: 134].

Как правило, функции писцов в Монгольской империи исполняли уйгуры, но, естественно, они не являлись монополистами в сфере делопроизводства. Известны имена представителей и других центральноазиатских племен [Абзалов 2013: 50]. Например, Рашид ад-Дин пишет о Есу-Бука-тайши, сыне военачальника Джелмэ из племени урянкат: «Есу-Бука, которого называли тайши, — а тайши на китайском языке будет — ученый наставник [бахши] и великий учитель, — во время Угедей-каана совсем одряхлел, передвигался на повозке и имел слабый голос. По этой причине Угедей-каан называл его Есу-Бука-тайши, и [это] стало прозвищем» [Рашид ад-Дин 1952: 158].

У Рашид ад-Дина также упоминается китаец, возможно, киданин, Ярук-бахши, занимавшийся воспитанием Газана: «Когда ему [Газану] исполнилось пять лет, Абага-хан поручил его китайскому бахши Яруку, чтобы он его воспитал и обучил монгольскому и уйгурскому письму, наукам и хорошим их [бахшиев] приемам» [Рашид ад-Дин 1946: 140, 141].

Ограниченность источников не позволяет нам говорить о происхождении и племенной принадлежности Урук-бахши. Учитывая его имя и знание монгольского и, очевидно, тюркского языков, можно предположить, что его предки имели центральноазиатское или даже китайское происхождение и обосновались в Иране в результате монгольских завоеваний.

Дипломатический комментарий

Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани приводит образец ярлыка на персидском языке и в соответствии с персидскими делопроизводственными канонами [Busse 1991: 309]. Как было уже указано, Чингизиды использовали местные традиции, в том числе канцелярские, для организации управления в Иране. Исходя из того, что данный ярлык был адресован представителю монгольской элиты, можно утверждать, что он изначально писался на монгольском или же тюркском языке уйгурским письмом, соответственно должен был иметь формуляр, характерный для чингизидских официальных актов, структура которых, как известно, во многом зависела от языка документа [Григорьев 1978: 47].

В силу того, что мы имеем дело с формулярником, некоторые части документа в образце ярлыка не представлены [Каштанов 1970: 27; Busse 1991: 309–310]. В частности, Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани не включил в образец начальный и конечный протокол (хотя в некоторых списках рукописи «Дастур ал-катиб» можно обнаружить отдельные элементы конечного формуляра), а также некоторые компоненты основной части условного формуляра. В индивидуальном формуляре анализируемого документа выделяются: преамбула, наррация и диспозиция.

Начальный протокол монгольских документов включал в себя интитуляцию и инскрипцию, т. е. обозначение адресанта и адресата. В грамотах Чингизидов, написанных уйгурским, квадратным и китайским письменами, сакральные статьи в чистом виде отсутствовали [Григорьев 1978: 16]. Инвокация была

¹ Еще академик В. В. Бартольд писал, что «число монголов, способных занимать культурные должности, всегда было очень незначительно, и эти должности до конца владычества монголов оставались в руках уйгуров, персов и китайцев» [Бартольд 1968: 264].

обязательна для жалованных грамот, написанных арабским письмом жалователям-мусульманам [Григорьев 1978: 17].

В соответствии с чингизидскими канцелярскими нормами документ начинался интитуляцией. Адресант был связан с конкретным правителем, от имени которого издавался ярлык, при этом он мог иметь различные варианты. Содержание адресанта могло отражать конкретную политическую ситуацию или определенные политические предпочтения того или иного правителя. Например, адресант арабского письма Ахмеда Такудара от 1282 г. состоял из трех оборотов: «Всевышнего бога силою, великого хана благоденствием, Ахмада указ» (*Би-куввати-л-лахи таала би икбали кан фирман Ахмад*) [Григорьев 1978: 29], а мотивировочная статья на арабском языке персидской грамоты Газана имела следующий текст: «Всевышнего бога силою и мухамеданской религии благоденствием, султана Махмуда-Газана указ» (*Би-куввати-л-лахи таала ва майаиши-л-миллати-л-Мухаммедийа фирман султан Махмуд Газан*) [Григорьев 1978: 29].

Сохранились документы Газана, адресанты которых написаны на персидском языке: «Всевышнего бога силою и мусульманской религии благоденствием султана Махмуда-Газана указ» (*Би кувват-и худае таала ва-майаман-и миллат-и Мухаммедй фарман-и султан-и Махмуд Газан*) [Григорьев 1978: 30]. В том случае, если документ писался на монгольском языке уйгурской графикой, то он имел традиционную для чингизидских канцелярий формулу «Слово наше (мое)» (монг. *Gasan üge manu*). Данная формула могла иметь некоторые вариации, которые определялись политическими притязаниями адресанта [Григорьев 1978: 30]. Интитуляционная формула «слово наше» также могла быть выражена и на тюркском языке уйгурским или арабским алфавитом «سیوزومیز», данная формула находит свое широкое распространение в персидском делопроизводстве.

Условный и абстрактный формуляр чингизидских актов также включал в себя инскрипцию, которая следовала за интитуляцией. В адресате представлен тот круг должностных лиц, который должен был принять официальный акт к исполнению, поэтому число его элементов могло варьироваться и располагались они в определенной иерархической последовательности [Григорьев 1978: 52–54].

В индивидуальном формуляре разбираемого образца ярлыка представлены в основной части: «эмирам, везирам, членам Великого Дивана, эмирам областей, туменов, тысяч, сотен, хакимам и мутасаррифам областей, сообществу воинов и кочевников Богохранимых владений»¹. Такое расположение отдельных компонентов адресанта может быть свойственно и чингизидским, в частности джучидским, документам (см. например: [Усманов 1979: 224–225]).

Переход от начального протокола к основной части документа, состоящей из преамбулы, нотификации, наррации, диспозиции и корроборации, производился посредством характерной для чингизидского делопроизводства арабским письмом формулы-оповещения «должны знать следующее» («*بدانندکی*»). В монгольских актах эта формула могла звучать следующим образом: «к совершенному постижению ярлык» (*dū[l] qaqui jarliq*) [Григорьев 1978: 34]².

¹ Здесь и далее по тексту анализируемый документ цитируется по переводу с персидского оригинала на с. 137–139 настоящей статьи, за исключением особо оговоренных случаев цитирования по параллельному переводу Й. фон. Хаммера-Пуршталя.

² О формуле-оповещении на тюркском языке см.: [Усманов 1979: 229–230].

В индивидуальном формуляре анализируемого нами документа следует выделить преамбулу (аренгу), характерную для персидского делопроизводства: «Поскольку [нас] коснулись совершенные милости и благодеяния Вечного и Великого [Бога] — да не иссякнут блага Его и да святятся имена Его! — и области Ирана перешли в сферу [нашего] владения и обладания, все [наши] государевы помыслы [о благе подданных] охватили все сословия рабов [Божьих] вплоть до самых отдаленных областей и провинций, и относительно их (подданных) воспоследовали [наши] многие милости и пожалования».

Весьма пространной в анализируемом документе является и наррация, которая так же, как и преамбула, включается в основную часть формуляра ярлыка: «Одним из этих мероприятий мы полагаем издание указов к каждому народу на его языке с тем, чтобы они легко понимали его содержание. В частности, указы, [направляемые] в Город мира Багдад и иные местности Ирака Арабского издаются на арабском языке, [указы,] направляемые иранским племенам в области Джибалия и провинции Персии должны прибывать на персидском языке. Монгольским и тюркским племенам указы также должны направляться на их языках и письменах с тем, чтобы они с легкостью могли их понять. К ним следует обращаться на их языке. Поскольку Урук-бахши [происходит] из их (монголов и тюрков) старинных и знаменитых бахшиев и битикчиев, и он постоянно находился на службе у счастливых султанов и славных государей, занимаясь в их канцеляриях составлением монгольских указов, должным образом владея правилами и тонкостями этого [дела], занимался написанием [указов на монгольском языке], сделал облачением своей судьбы надежность, набожность, правдивость слов, точность письма, богобоязненность и отсутствие алчности».

Здесь наблюдается проявление старой арабо-персидской традиции, которая выражается в использовании изящных словесных формул и эпитетов, порой граничащих со славословием, что было не свойственно собственно монгольской канцелярской культуре: «Ввели они [Чингизиды] еще один похвальный обычай, закрыв двери чиновничества, похвальбы титулами, крайнего высокомерия и недоступности, кои обычны у удачливых и могущественных. Когда один из них восходит на ханский престол, то ему добавляют одно имя — хан или каан, и только, и более ничего не пишут [в официальных документах], а сыновей его и братьев зовут теми именами, что даны им при рождении, в лицо и за глаза, и это правило установлено как для простолюдинов, так и для знати. И так же, когда пишут обращения в письмах, пишут только одно имя, не делая различия между султаном и простолюдином; и излагают только суть дела, избегая излишних званий и выражений» [Джувейни 2004: 20].

Диспозитивная часть выражает сущность акта, в нашем случае она определяется назначением на должность по «заведыванию делом написание монгольских указов» Урук-бахши. В этой части документа также обозначаются должностные обязанности писца, в связи с чем диспозиция рассматриваемого документа представляется весьма пространной. В завершении диспозиции даются указания для адресата или должностных лиц, что в целом свойственно персидской делопроизводственной традиции [Busse 1991: 309].

В условном формуляре вслед за диспозицией, как правило, следовала санкция, но в индивидуальном формуляре данного образца ярлыка она не пред-

ставлена. Очевидно, это объясняется тем, что мы имеем дело лишь с образцом документа. Например, в золотоордынских актовых материалах переход от диспозиции к санкции, как правило, оформлялся оборотами-запретами обобщающего характера: «с какой бы то стороны пусть не чинят им вред и притеснения», «с какой бы то стороны не чинят насилие» [Усманов 1979: 247].

Говоря о санкциях, следует обратить внимание на сохранившиеся в пайцзах наиболее лаконичные и консервативные формулировки санкций на монгольском языке [Крамаровский 2002: 213–224].

Очевидно, такие формулы санкции применялись лишь на документах, написанных уйгурским письмом, в то время как в актах, адресованных мусульманским поданным или же написанных арабским письмом на персидском и арабском языках, они могли иметь религиозную окраску и более пространную формулировку [Рашид ад-Дин 1946: 275, 285].

В рассматриваемом нами документе также не представлена корроборация, которая завершала основную часть документа. В грамоте Абу-Саида от 1320 г., подготовленной на монгольском языке уйгурицей, корроборация выражена в следующей форме: «С золотой пайцзой, с красной печатью ярлык милостиво выдан» (*Altan gerege al tamyatai jrly soyurqju ögbei*) [Григорьев 1978: 67].

Эсхатокол документов чингизидских канцелярий должен был содержать указание даты и места выдачи. В отдельных списках образца ярлыка «О вверении должности писца указов на монгольском языке бахшиям» можно обнаружить один из элементов конечного протокола в форме: «Писано в ...» [Тизенгаузен: 227–228].

Рашид ад-Дин в приводимых им списках фирманов Газана обозначает эту часть документа следующим условным образом: «Указ написан в таком-то месяце, такого-то года, в таком-то месте» [Рашид ад-Дин 1946: 285].

При Чингизидах в персидскую делопроизводственную практику внедряется тюрко-монгольский календарь: «Введение и использование китайско-уйгурского календаря в Иране было одним из аспектов монгольского правления и символизировало новый этап иранской истории: временное затмение исламского правления и появление новой имперской власти с ее новым календарем и системой правления» [Vasary 2016: 150]. В Иране эта традиция была весьма устойчивой и сохранялась вплоть до прихода к власти династии Пехлеви (1925–1979).

Конечный протокол чингизидских актов также мог включать указание имен ходатаев и исполнителей его оформления. Очевидно, в нашем случае оно должно было включать указание писца-исполнителя [Busse 1991: 310].

В канцелярской культуре Чингизидов также прослеживается практика помещения удостоверяющих надписей на обороте документа. Так, на обороте письма ильхана Мухаммеда Худабанда Олджейту королю Франции (от 1305 г.) имеется три строки текста, один на персидском языке арабской графикой «султану франков» (سلطان فرنج) и два других, на монгольском языке уйгурским письмом: «Писал Тачма. Это заверили Кутлук-шах, Чубан, Севинч» (*Tačm-a bičibe üjig inu Qutluγ š-a Čuban Sewinč*) [Cleaves 1951: 508].

Можно предположить, что такая практика была введена при Чингис-хане или же Угедэе. Увеличение документооборота требовало усиления контроля и наложение ответственности за подготовленный документ, при этом битикчи и

бахши, а также ходатаи могли выступать свидетелями при разрешении дела, связанного с выдачей данного ярлыка. Удостоверительные надписи на уйгурской графике могли использоваться и в случае написания документов на других языках: «Что касается [документов], имеющих распространение в погибших государствах — среди северных китайцев, киданей и чжурчжэней, — то применяется только китайская письменность. Ведает ими Ила Чу-цай. Однако еще в конце документа перед датой Чжэньхай собственноручно пишет уйгурские буквы, которые гласят: „Передать тому-то и тому-то“. Это, вероятно, является специальной мерой предосторожности против Чу-цай, и поэтому непременно производится засвидетельствование [документа] при помощи уйгурских букв. Если этого нет, то [он] не является документом (т. е. не имеет законной силы)» [Хэй-да ши-люе 1960: 142].

Надписи на обороте документа могли выражать краткое содержание акта на монгольском языке [Cleaves 1953: 478–486], что позволяло лицам, не владевшим языком, на котором был выполнен документ, иметь общее представление о нем, помимо всего прочего в связи с возрастанием документооборота такие пометки могли ускорить делопроизводственный процесс: «[Государь] сделал и малую золотую тамгу, которую проставляют на казенных и областных бератах, приемных расписках, расчетных документах и диванских грамотах, которые пишут по поводу сделок, воды и земли. После того как согласно царскому приказу битикчи дивана их напишут и они [уже] помечены [вышеуказанными знаками], на обороте их пишут по-монгольски краткое содержание, чтобы на нем проставить ту тамгу» [Рашид ад-Дин 1946: 276].

Об этом же говорится и в анализируемом нами документе. В основной части разбираемого ярлыка при характеристике обязанностей бахши особо обговариваются навыки подготовки краткого содержания акта на обороте документа: «Содержание указов, написанных эмирам областей, тем, тысяч, сотен и другим [адресатам] по разным делам, пусть записывает на обороте ярлыков в сокращенных выражениях так, чтобы ни одна деталь из содержания указа не была упущена, дабы при ознакомлении с ним становилась понятной его суть».

Формулярный анализ образца ярлыка на назначение монгольского секретаря позволяет сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани сделал акцент на основной части документа и в соответствии с персидской традицией дал развернутую характеристику преамбулы, наррации и диспозиции, не включив при этом некоторые элементы основной части, а именно — корроборацию и санкцию, а также не дал полного описания типичных для актовых материалов, хорошо известных каждому писцу-делопроизводителю, начального и конечного протоколов. Но исходя из того, что ярлык был в первую очередь адресован представителям монгольской элиты, он должен быть подготовлен на монгольском или тюркском языке в соответствии с типовым формуляром, принятым в чингизидской делопроизводственной культуре.

Историко-правовой комментарий

Ярлык выдан некоему Урук-бахши, который назначается на должность писца (битикчи) указов на монгольском языке. В соответствии с формуляром подобного рода документов о назначении на должности составитель ярлыка подробно обосновывает причины назначения. Формальной причиной назначе-

ния является отмеченная в ярлыке необходимость доведения воли правителя до всех подданных на их родных языках «с тем, чтобы они легко понимали их содержание», включая «монгольские и тюркские племена».

Второй довод — именно в пользу назначения бахши именно конкретного лица — содержит описание его качеств. Одни из них можно охарактеризовать как личные: монгольское происхождение, принадлежность к роду «старинных и знаменитых бахшиев и битикчиев», «надежность, набожность, правдивость слов, точность письма, богобоязненность и отсутствие алчности». Другие же являются уже профессиональными: опыт службы в канцелярии «у счастливых султанов и славных государей», где он, собственно, и освоил искусство составления документов на монгольском языке.

Согласно ярлыку, Урук-бахши поручается «заведование делом написания монгольских указов», т. е., несомненно, речь идет о повышении его в должности с простого писца, каковым он был, согласно преамбуле документа, до старшего (в варианте перевода Й. фон Хаммер-Пуршталя прямо предписывается, чтобы Эзук (Урук) «возглавил ведомство»).

На высокий статус чиновника указывает также тот факт, что указ о его назначении адресован самому широкому кругу должностных лиц, начиная с самых высших: «эмирам, везирам, членам Великого Дивана, эмирам областей, туменов, тысяч, сотен, хакимам и мутасаррифам областей, сообществу воинов и кочевников Богохранимых владений». В данном списке обращает на себя внимание тот факт, что, наряду с представителями власти, для которых бахши должен был составлять монгольские версии указов (эмиры областей и прочие военачальники, а также «воины и кочевники»), фигурируют также представители мусульманских управленческих структур, в частности хакиды и мутасаррифы (наместники административных единиц разного уровня). Это наглядно подтверждает интеграцию тюрко-монгольской и мусульманской управленческой традиции в Иране XIII–XIV вв.

К сожалению, нам очень мало известно об административных структурах государства ильханов и, соответственно, о месте в них бахши и битикчи. Имеются сведения о том, что они являлись секретарями при сахиб-диване, т. е. главе высшего органа власти (дивана), и при набах — главах региональных администраций [Hope 2016: 119; Lane 2011: 256].

Вероятно, в данном случае речь идет о том, что Урук-бахши возглавил специальное подразделение дивана, в обязанности которого входило составление указов на монгольском языке. Наличие подобных структурных подразделений имелось, вероятно, во всех чингизидских государствах, однако наиболее подробные сведения о них имеются только применительно к империи Юань в Китае, где существовали самые разные ведомства, в чью компетенцию входили дела монголов, — Монгольская академия, Верховный суд для монголов, ведомство по делам монгольских пастбищ и т. д. (см. подробнее: [Farquhar 1981: 29, 30, 33, etc.]).

Помимо перечисления профессиональных функций новоназначенного чиновника, его «должностная инструкция» содержит также ряд дополнительных обязанностей, отражающих степень ответственности в рамках порученной ему должности. Так, ему предписывается проявлять «присущую ему непоколе-

бимость» и составлять на основе полученных черновых материалов указы «с совершенным вниманием и по тщательном обдумывании». Также Урук-бахши предписывается отвергать требования тех представителей монгольского населения или знати, которые станут «склонять или побуждать к написанию того, что несовместимо с [соблюдением] справедливости, ясы и ясака¹».

Более того, ему приказано докладывать о подобного рода правонарушениях непосредственно «нашему величеству», что лишний раз подчеркивает высокий статус лица, которому был выдан этот ярлык. Как видим, следование принципам Великой Ясы, т. е. установлений Чингис-хана, применявшихся и в Монгольской империи, и в улусах Чингизидов, находит отражение и в столь специфической профессиональной деятельности, как работа писца. Тот факт, что в Иране наравне с мусульманским правом применялись установления Чингис-хана, подчеркивает значимость монгольского кочевого элемента в социально-политической жизни государства ильханов и в полной мере объясняет необходимость «монгольских указов», подготовка которых возлагалась на компетентных специалистов.

Из должностных предписаний новоназначенному писцу следует, что в его обязанности входило написание распорядительных документов для сведения представителей монгольского военного командования — «эмирам областей, туменов, тысяч, сотен», равно как «другим»².

Кроме того, ярлык подтверждает отсутствие денежного жалования у представителей чиновничьего аппарата [Почекаев 2015: 256–265], поскольку в нем прямо предписывается Урук-бахши как можно качественнее выполнять свои должностные обязанности — «дабы изо дня в день [наше] благоволение ему не прерывалось, и он, если будет на то воля Аллаха Всевышнего, удостоился [наших] особых пожалований»³.

Подобного рода вознаграждение прямо фигурирует в документе как «оговоренная пошлина за письмоводство».

Ниже в ярлыке, правда, упоминается, что регулярная выплата в пользу Урук-бахши из государственной казны: «пусть ему ежегодно в качестве жалования выплачивается сумма во столько-то динаров из основных поступлений Дивана», но составитель ярлыка тут же сам оговаривает, что она передается ему лишь для того, «дабы он тратил ее на свои потребности», т. е. приобретал чернила, бумагу и пр. — как мы и отметили, речь не идет о регулярном жало-

¹ Парное сочетание «яса и ясак» представляет большой интерес с точки зрения изучения права государств Чингизидов. Дело в том, что до сих пор в средневековых источниках нам встречались аналогичные сочетания «тура и яса» (т. е. старинное «государственное право» кочевых народов Великой степи и монгольское имперское законодательство) [СМИЗО 1941: 133, 143] и «йосун и яса» (т. е. монгольское обычное право и имперское законодательство) [Норе 2016: 56, 71, 81, 116, 125], но не «яса и ясак». Не проливают свет на различия в этих терминах и словари, в которых «ясак» применительно к монгольской эпохе XIII–XIV вв. рассматривается как синоним «ясы», т. е. как право, порядок, справедливость и пр. (см., напр.: [Doerfer 1975: 71–82]). Таким образом, вопрос о значениях двух данных терминов и причинах употребления их в связке остается пока открытым и, возможно, прояснится в ходе дальнейшего исследования документов из «Дастур ал-катиб».

² Стандартный для монгольских ярлыков оборот, в котором после перечисления конкретных обладателей должностей обязательно включался компонент «все».

³ В переводе Й. фон Хаммер-Пуршталя приведен специальный термин «суюргамиши», т. е. пожалование, дар.

вании чиновника. Любопытно, что в ярлыке предусматривается возможность получения этой суммы из собранных налогов, т. е. еще до того, как она попала в казну ильханов: «Если он захочет, пусть эта сумма будет назначена ему из какого-либо [определенного] места, откуда в Диван осуществляются поступления, или из тамги, и ему с этих статей дохода осуществляются [прямые] ежегодные выплаты, минуя Диван». Тем самым монархи и высшие сановники избавлялись от необходимости неоднократного перемещения денежных средств и могли более объективно оценить собранные средства, без учета необходимости тратить эту сумму на нужды монгольских писцов.

Однако статус новоназначенного писца предусматривал не только обязанности, но и права: все подданные Ильханата, начиная с простых воинов и сельских жителей и заканчивая эмирами и везирами, а также руководство диванов, должны были оказывать ему «почести и уважение» и не вмешиваться в действия, которые он предпринимал в соответствии со своими должностными обязанностями.

Весьма интересным представляется следующий пассаж: «Если он, вследствие преклонных лет и наступления старости, в некое время отойдет от службы в канцелярии... и составления указов, любого из его сыновей или иных [лиц], определенных им своим преемником, пусть считают заместителем, исполняющим обязанности и заступившим в должность [Урук-бахши], и в случае необходимости составления указов считают обязательным обращаться к нему». Это свидетельствует о том, что не только в мусульманской бюрократической традиции, но и среди чиновников, пришедших в Иран с монгольскими завоевателями, существовали целые династии, в которых должности и связанные с ними права и обязанности могли передаваться от отца к сыну.

До сих пор мы имели дело исключительно с династиями представителей тюрко-монгольской родоплеменной аристократии, которые из поколения в поколение занимали высшие административные и военные посты в чингизидских государствах [Почекаев 2015: 91–108], теперь же мы с полным основанием можем утверждать, что этот принцип распространялся и на чиновников среднего звена, по происхождению не принадлежавших к кочевой знати.

Выводы

Проведенное исследование, полагаем, позволяет сделать вывод, что монгольский язык в Иране эпохи Хулагуидов и Джалаириров играл важную роль, будучи одним из официальных языков делопроизводства и взаимодействия с отдельными группами населения, включая кочевую родоплеменную элиту и военное командование. Об этом свидетельствует наличие в управленческой структуре специальных чиновников, в обязанности которых входил именно перевод официальной документации (ханских указов, приказов и иных актов) с персидского языка на монгольский, причем, судя по всему такие должности могли передаваться по наследству. Все это подтверждает сохранение в Иране традиций Монгольской империи, с которыми местные правители — Хулагуиды (прямые потомки Чингис-хана) и сменившие их Джалаириры (претендовавшие на правопреемство от Хулагуидов, в том числе и на основании кровного родства с ними по женской линии), связывали легитимность своего правления в этом государстве.

Исходя из вышеупомянутого упоминания значительных сходств между Монгольским Ираном и другими государствами Чингизидов в сфере власти и управления, правового регулирования, традиций делопроизводства и пр., можно допустить, что в них действовала языковая политика, аналогичная политике ильханов, сведения о которой получены при исследовании образца ярлыка из «Дастур ал-катиб». Однако для проверки данной гипотезы следует больше внимания уделить поиску и анализу документов золотоордынского и чагатайского происхождения, которые могли бы более обоснованно подтвердить ее.

Источники

Тизенгаузен — *Тизенгаузен В. Г.* Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани. Рукописный перевод // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 52. Ед. хр. 14–16. Л. 217–239.

Sources

Tiesenhausen V. G. An Excerpt from One Treatise by Muhammad Hindushah Nakhchivani. Manuscript translation. At: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Archive of Orientalists. Coll. 52. Item no. 14–16. Pp. 217–239. (In Russ.)

Литература

- Абзалов 2013 — *Абзалов Л. Ф.* Ордынская канцелярия. Казань: Татарское кн. изд-во, 2013. 311 с.
- Аннинский 1940 — *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Вып. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–113.
- Бартольд 1968 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 759 с.
- Баскаков 1987 — *Баскаков Н. А.* К проблеме китайских заимствований в тюркском языке // Советская тюркология. 1987. № 5. С. 69–75.
- Беляков 2021 — *Беляков А. В.* *Бакшеи* — эволюция понятия // Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 60–71.
- Бобровников 1861 — *Бобровников А. А.* О монгольских надписях на русских актах (письмо к В. В. Вельяминову-Зернову). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1861. 17 с.
- Гатин 2009 — *Гатин М. С.* Проблемы истории Улуса Джучи и поздnezолотоордынских государств в немецкой историографии XIX–XX вв. Казань: Хэтер, 2009. 343 с.
- Греков, Якубовский 1950 — *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.
- Григорьев 1978 — *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 136 с.
- Гулиев 2009 — *Гулиев А.* Мухаммад ибн Хиндушах Нахчывани // IRS Наследие. 2009. № 5 (41). С. 22–23.
- Джувеини 2004 — *Джувеини Ата-Мелик.* Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувеини / пер. с перс. Дж. Э. Бойла, пер. с англ. на рус. Е. Е. Харитоновой. М.: Магистер-Пресс, 2004. 689 с.
- Зограф 1984 — *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольских канцелярий в Китае. М.: Наука, 1984. 148 с.
- Карпини 1997 — *Плано Карпини Дж. дель.* История монгалов / пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны / вступ. ст., комм. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 30–85.
- Каштанов 1970 — *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 229 с.
- Крамаровский 2002 — *Крамаровский М. Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический

- сборник – 2001. Золотая Орда и ее наследие / редкол.: С. Г. Кляшторный (пред.), В. В. Трепавлов, Д. М. Исхаков. М.: СПФ ИВ РАН; Вост. лит., 2002. С. 213–224.
- Малиновский 1863 — *Малиновский А. Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими Великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями с 1462 по 1533 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. V. С. 178–419.
- Мелиоранский 1900 — *Мелиоранский П.* О Кудатку Билике Чингиз-хана // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1900. Т. XIII. С. 015–023.
- Мункуев 1965 — *Мункуев И. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965. 224 с.
- Нахчивани 1976 — *Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани.* Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / крит. текст, пред. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.
- Описи царского архива 1960 — Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. М.: Вост. лит., 1960. 195 с.
- Пириев 1988 — *Пириев В. З.* О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джалаиридах (по материалам «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани) // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 197–203.
- Поппе 1941 — *Поппе Н. Н.* Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. Т. II. М.; Л., 1941. С. 81–137.
- Почекаев 2015 — *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
- Рашид ад-Дин 1946 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
- Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
- СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / отв. ред. П. П. Иванов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Султанов 2017 — *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб.: Евразия, 2017. 448 с.
- Усманов 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.
- Усманов 2009 — *Усманов М. А.* Делопроизводство и канцелярская культура // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 658–667.
- Харькова 1992 — *Харькова С. С.* Тюркские заимствования в монгольских языках как следствие билингвизма их носителей // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды междунар. конф.: в 3 т. Т. I / редкол.: М. Х. Хасанов (пред.) и др. Казань; М.: НПО «Инсан», 1992. С. 163–165.
- Хатиби 1985 — *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Гылым, 1985. 134 с.
- Хэй-да ши-люе 1960 — Хэй-да ши-люе (= «Краткие сведения о черных татарах») Пэн Да-я и Сюй-Тина / публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.
- Языков 1825 — *Языков Д. И.* Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях: 1. Плано Карпини; 2. Асцелин. СПб.: Тип. Деп. нар. просвещения, 1825. 309 с.

- Allsen 2007 — *Allsen T.* Some Remarks on the Language Situation Under the IlQans. *Mongol Studies*. Улаанбаатар: Бемби сан, 2007. Pp. 98–107.
- Busse 1991 — *Busse H.* Diplomatique. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill, 1991. Vol. 2. Pp. 301–313.
- Cleaves 1951 — *Cleaves F. W.* A chancellery Practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. Pp. 496–504.
- Cleaves 1953 — *Cleaves F. W.* The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis. *HJAS*. 1953. Vol. 16. № 3/4. Pp. 478–486.
- Codex Cumanicus 1981 — *Codex Cumanicus*. Edit. by G. Kuun with the prolegomena to the *Codex Cumanicus* by L. Ligetti. Budapest: Magyar Tudomanyos Akademia Konyvtar, 1981. 396 p.
- Doerfer 1975 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975. 676 s.
- Farquhar 1981 — *Farquhar D. M.* Structure and Function in the Yuan Imperial Government // *China under Mongol Rule* / Ed. by J. D. Langlois. Princeton: Princeton University Press, 1981. Pp. 25–55.
- Hammer-Purgstall 1840 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.
- Hammer-Purgstall 1842 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Ilchane. Das ist der Mongolen in Persien. Bd. I. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1842. 435 s.
- Hammer-Purgstall 1843 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Ilchane. Das ist der Mongolen in Persien. Bd. 2. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1843. 380 s.
- Hammer-Purgstall 1856 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft aus Türkischen Quellen. Wien: K. K. Hof- und Staatsdruckerei, 1856. 262 s.
- Haw 2014 — *Haw S. G.* The Persian Language in Yuan-Dynasty China: a Reappraisal. *East Asian History*. 2014. Vol. 39. Pp. 5–32.
- Hope 2016 — *Hope M.* Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p.
- Lane 2011 — *Lane G. E.* The Mongols in Iran. *The Oxford Handbook of Iranian History*. Ed. by T. Daryaee. Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 243–270.
- Mamedova 2016 — *Mamedova M. H.-k.* The role of Hindushah Nakhchivani and his son Mahammad Ibn Hindushah Nakhchivani in the formation and development of Persian Lexicography // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities* (24), 2, 2016. Pp. 98–105. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-98-105
- Roemer 1952 — *Roemer H. R.* Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile Hans Robert von Roemer. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1952. VIII + 224 s.
- Vasary 2016 — *Vasary I.* The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians. *Interactions in Language and History*. Bd. 105 / ed. by É. Á. Csató, L. Johanson, A. Róna-Tas, B. Utas. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Pp. 141–152.

References

- Abzalov L. F. *The Golden Horde Chancellery*. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2013. 311 p. (In Russ.)
- Allsen T. Some remarks on the language situation under the Il-qans. In: *Mongol Studies*. Ulaanbaatar: Bembi San, 2007. Pp. 98–107. (In Eng.)
- Anninsky S. A. Messages by 13th–14th century Hungarian missionaries on Tatars in Eastern Europe. In: *Historical Archives*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. Vol. 3. Pp. 71–113. (In Russ.)
- Bartold V. V. *Complete Works*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1968. 759 p. (In Russ.)

- Baskakov N. A. Chinese loanwords in Turkic discourse revisited. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1987. No. 5. Pp. 69–75. (In Russ.)
- Belyakov A. V. Baksheys: Evolution of the concept. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 60–71. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. Revisiting Handwritten Mongolian Notes on Russian Documents: A Letter to Vladimir V. Velyaminov-Zernov. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1861. 17 p. (In Russ.)
- Busse H. Diplomatie. Perse. In: *Encyclopedie de l’Islam*. Leiden: Brill, 1991. Vol. 2. Pp. 301–313. (In Fr.)
- Carpine G. da P. del. Ystoria Mongalorum. A. Malein (transl.). In: *Journeys to the Eastern Parts*. M. Gornung (foreword, comment.). Moscow: Mysl, 1997. Pp. 30–85. (In Russ.)
- Cleaves F. W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. Pp. 496–504. (In Eng.)
- Cleaves F. W. The anonymous scribal note pertaining to the *Bičig* of Ötemiš. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953. Vol. 16. No. 3/4. Pp. 478–486. (In Eng.)
- Codex Cumanicus. G. Kuun (ed.), L. Ligeti (introd.). Budapest: Library of the Hungarian Academy of Sciences, 1981. 396 p. (In Eng.)
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975. 676 p. (In Germ.)
- Farquhar D. M. Structure and function in the Yuan imperial government. In: Langlois J. D. (ed.) *China under Mongol Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1981. Pp. 25–55. (In Eng.)
- Gatin M. S. The Ulus of Jochi and Late Golden Horde States in 19th–20th German Historiography. Kazan: Kheter, 2009. 343 p. (In Russ.)
- Grekov B. D., Yakubovsky A. Yu. The Golden Horde and Its Collapse. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 479 p. (In Russ.)
- Grigoriev A. P. The 13th to 15th Century Diplomacy of Mongols: Revisiting Grant Charters Issued by Genghisids. Leningrad: Leningrad State University, 1978. 136 p. (In Russ.)
- Guliev A. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *IRS Nasledie*. 2009. No. 5 (41). Pp. 22–23. (In Russ.)
- Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartleben’s Verlag, 1840. 683 p. (In Germ.)
- Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Ilchane, das ist: der Mongolen in Persien. Vol. I. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1842. 435 p. (In Germ.)
- Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Ilchane, das ist: der Mongolen in Persien. Vol. 2. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1843. 380 p. (In Germ.)
- Hammer-Purgstall J. von. Geschilhte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft aus Türkischen Quellen. Wien: K. K. Hof- und Statsdruckerei, 1856. 262 p. (In Germ.)
- Haw S. G. The Persian language in Yuan-dynasty China: A reappraisal. *East Asian History*. 2014. Vol. 39. Pp. 5–32. (In Eng.)
- Hope M. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p. (In Eng.)
- Ivanov P. P. (ed.) The Golden Horde: Collected Historical Materials. Vol. II: Excerpts from Persian Texts Collected by V. Tiesenhausen and Handled by A. Romaskevich and S. Volin. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russ.)
- Juvayni A.-M. Genghis Khan: The History of the World Conqueror. J. Boyle (Pers.-to-Eng. transl.), E. Kharitonova (Eng.-to-Russ. transl.). Moscow: Magister-Press, 2004. 689 p. (In Russ.)
- Kashtanov S. M. Essays on Russian Diplomacy. Moscow: Nauka, 1970. 229 p. (In Russ.)
- Kharkova S. S. Turkic loanwords in Mongolic languages to have resulted from bilingualism of speakers. In: Khasanov M. Kh. Et al. (eds.) *Languages, Spiritual Culture and History*

- of Turks: Traditions and Contemporaneity. Conference proceedings. In 3 vols. Vol. I. Moscow: Insan, 1992. Pp. 163–165. (In Russ.)
- Khatibi S. Socioeconomic History of Khorasan, 13th–14th Centuries: Persian Documentary Sources Reviewed. Ashkhabad: Gylym, 1985. 134 p. (In Russ.)
- Kramarovskiy M. G. The early Mongols and symbols of power: Golden Horde paizas as a phenomenon of official culture. In: Klyashtorny S. G., Trepavlov V. V., Iskhakov D. M. (eds.) *Turcologica. The Golden Horde and Its Heritage*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. Pp. 213–224. (In Russ.)
- Lane G. E. The Mongols in Iran. In: Daryaei T. (ed.) *The Oxford Handbook of Iranian History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 243–270. (In Eng.)
- Malinovsky A. F. A historical and diplomatic collection of affairs between Grand Princes of Russia and Crimean Tatar Rulers, 1462 to 1533. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 1863. Vol. V. Pp. 178–419. (In Russ.)
- Mamedova M. H. The role of Hindushah Nakhchivani and his son Mahammad Ibn Hindushah Nakhchivani in the formation and development of Persian lexicography. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities (Oriental Studies)*. 2016. Vol. 24. No. 2. Pp. 98–105. (In Eng.). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-98-105
- Melioransky P. About Kutadgu Bilig of Genghis Khan. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1900. Vol. XIII. Pp. 015–023. (In Russ.)
- Munkuev I. Ts. The Inscription at Yelü Chucai's Tomb: One Chinese Source on the First Khans of Mongols Revisited. Moscow: Nauka, 1965. 224 p. (In Russ.)
- Nakhchivani M. ibn H. A Scribe's Guide to Determining Ranks. A. Ali-zade (text, foreword, etc.). Vol. II. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Russ.)
- Peng Dai, Xiu Ting. Brief Accounts of the Black Tatars (*Hei-ta shih-lüeh*). Ling Kyung-i, N. Munkuev (text, comment.). *Problemy vostokovedeniya*. 1960. No. 5. Pp. 133–158. (In Russ.)
- Piriev V. Z. Some aspects of administrative structures under the Hulaguids and Jalairids revisited: A case study of *Dastur al-Katib fi Tayin al-Maratib* (A Scribe's Guide to Determining Ranks) by Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. In: Primakov E. M. (ed.) *Oriental Studies in the Soviet Union: Problems and Prospects*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 197–203. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Legal Culture of the Golden Horde: Essays in the History of Law. Moscow: Yurlitinform, 2015. 312 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. One birch bark manuscript from the Golden Horde era reviewed. *Sovetskoe vostokovedenie*. 1941. Vol. II. Pp. 81–137. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. I. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 222 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. II. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. III. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1946. 340 p. (In Russ.)
- Roemer H. R. Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des ‘Abdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile Hans Robert von Roemer. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1952. VIII + 224 p. (In Germ.)
- Schmidt S. O. (ed.) Archives of Tsars and Ambassadorial Prikaz: The 16th Century and 1614 Inventories, Respectively. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 195 p. (In Russ.)
- Sultanov T. I. Genghis Khan and Genghisids: Destinies and Power. St. Petersburg: Evraziya, 2017. 448 p. (In Russ.)
- Usmanov M. A. Records management and chancellery culture. In: *Tatar History*. Vol. III: Ulus of Jochi (Golden Horde), 13th to Mid-15th Centuries. Kazan: Märcani Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2009. Pp. 658–667. (In Russ.)

- Usmanov M. A. The Ulus of Jochi, 14th–16th Centuries: Grant Charters. Kazan: Kazan State University, 1979. 318 p. (In Russ.)
- Vásáry I. The role and function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran. In: Csató É. Á., Johanson L, Róna-Tas A., Utas B. (eds.) *Turks and Iranians: Interactions in Language and History*. (Turcologica 105.) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Pp. 141–152. (In Eng.)
- Yazykov D. I. *Collected Travels to Tatars and Other Eastern Peoples in the 13th, 14th, and 15th Centuries*: 1. Pian del Carpine; 2. Ascelin of Lombardy. St. Petersburg: Department of National Education, 1825. 309 p. (In Russ.)
- Zograf I. T. *Mongolian-Chinese Interference: The Language of Mongolian Chancelleries in China*. Moscow: Nauka, 1984. 148 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 281.9 (5)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-156-169

**Коллекция тибетских текстов православного миссионера
К. К. Стукова (1809–1883) из фондов Института
монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**

Андрей Александрович Базаров¹, Алексей Вячеславович Лощенко²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-2303-4903. E-mail: loshchenkov@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Базаров А. А., Лощенко А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается вопрос об особенностях миссионерской деятельности Русской православной церкви среди буддистов Восточной Сибири во второй половине XIX в. *Цель* исследования — провести социально-археографический анализ коллекции тибетских текстов православного миссионера К. К. Стукова (1809–1883) из фондов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Методологическим основанием исследования стала так называемая «когнитивная история» с использованием отдельных положений исторической феноменологии. Содержание коллекции К. К. Стукова способствует пониманию как специфики функционирования буддийских сообществ в Восточной Сибири во второй половине XIX в., так и особенностей миссионерской деятельности православных священников в регионе в этот период. Основная проблема исследования заключается в определении содержательной специфики данной коллекции с последующей задачей — реконструировать отдельные аспекты в миссионерской деятельности священника. *Выводы.* К. К. Стуков, ради успеха своей миссионерской работы, был заинтересован в изучении мировоззрения и ритуальной практики буддистов-мирян. В этих областях, помимо базовых доктринальных буддийских положений, большую роль играли жизненные представления местного населения, связанные с добуддийской культурой Сибири, Южной и Внутренней Азии. Предполагается, что данный интерес позволил К. К. Стукову успешно осуществлять миссионерскую деятельность. Анализ коллекции показал, что личная инициатива в работе православных миссионеров в Восточной Сибири во второй половине XIX в., несомненно, присутствовала, она была неотъемлемой частью общего, государственного строительства данной работы. В статье также освещаются неизвестные ранее эпизоды из биографии православного священника, ученого этнографа, общественного деятеля Константина Константиновича Стукова.

Ключевые слова: К. К. Стуков, православие, миссионерство, буддизм, Восточная Сибирь, коллекция, тибетские книги

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44156 «Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на территории Внутренней Азии в условиях трансграничья (XVII–XXI вв.)».

Для цитирования: Базаров А. А., Лощенков А. В. Коллекция тибетских текстов православного миссионера К. К. Стукова (1809–1883) из фондов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Монголоведение. 2021. Т. 14. № 1. С. 156–169. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-156-169

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS): The Konstantin K. Stukov Tibetan Manuscript Collection Revisited

Andrei A. Bazarov¹, Alexey V. Loshchenkov²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6 Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6 Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

 0000-0002-2303-4903. E-mail: loshchenkov@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bazarov A. A., Loshchenkov A. V., 2022

Abstract. Introduction. The article examines peculiarities of missionary activities performed by the Russian Orthodox Church among Buddhists of Eastern Siberia in the mid-to-late 19th century. **Goals.** The paper aims to analyze — in social and archaeographic perspectives — a Tibetan manuscript collection at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS) compiled through efforts of the Orthodox Christian missionary Konstantin K. Stukov (1809–1883). **Materials and methods.** The so called ‘cognitive history’ and certain elements of historical phenomenology serve as a methodological basis of the research. The structure of the Stukov Collection contributes to further understanding of both functioning patterns inherent to mid-to-late 19th century Buddhist communities of Eastern Siberia — and essentials of concurrent Orthodox Christian missionary endeavors across the region. The main research problem is to determine the substantial specifics of this collection for subsequent reconstruction of certain aspects in missionary activities of the priest. **Conclusions.** Ven. Stukov was interested in exploring worldviews and ritual practices of lay Buddhists for the cause of his missionary work. Those to be learnt knowledge areas (besides fundamental Buddhist doctrines proper) were to include visions of life characteristic of native inhabitants and largely rooted in pre-Buddhist culture of Siberia, South and Inner Asia. And the paper suggests that very interest proved crucial to the success of Ven. Stukov’s missionary deeds. The analysis claims personal initiative was an important factor of missionary work in mid-to-late 19th century Eastern Siberia integral to the then (and there) government policies at

large. The article also introduces some newly discovered episodes from the biography of Konstantin K. Stukov — an Orthodox Christian priest, ethnographer, and social activist.

Keywords: K. Stukov, Orthodox Christianity, missionary work, Buddhism, Eastern Siberia, collection, Tibetan books

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 21-011-44156 ‘Russian Orthodox Church in Inner Asia, 17th–21st Centuries: Missionary Activities in Cross-Border Environment’.

For citation: Bazarov A. A., Loshchenkov A. V. Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS): The Konstantin K. Stukov Tibetan Manuscript Collection Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 156–169. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-156-169

Введение

В центре нашего исследования находится коллекция тибетских текстов Константина Константиновича Стукова — православного священника, ученого-краеведа и выдающегося миссионера. Религиозная деятельность К. К. Стукова в регионе межкультурного взаимодействия (Восточная Сибирь и Монголия) позволяла ему заниматься изучением иных конфессий (буддизм) с позиции православного миссионерства, что вызывает в настоящее время глубокий научный интерес. Как имеющие теологическую значимость сегодня оцениваются отдельные аспекты профессиональных интересов данного православного священника, а реконструкция его мыслей о путях развития христианского миссионерства в регионе проживания буддистов актуализируется современной социальной реальностью.

Устоявшаяся точка зрения, что православная миссионерская деятельность в XIX в. в Сибири имела тесную связь с правительственной политикой [Шагжина 2000: 7], косвенно предполагает формальный подход к решению поставленных задач, повсеместное отсутствие личной инициативы у миссионеров в этой работе. Один из актуальных замыслов настоящего исследования состоит в том, чтобы подвергнуть эту позицию критическому пересмотру на основе обращения к коллекции тибетских текстов православного миссионера К. К. Стукова (1809–1883) из фондов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН).

Основной проблемой нашего исследования является определение и анализ специфики данной коллекции с целью реконструкции отдельных аспектов в миссионерской деятельности священника.

Методы и материалы

В настоящее время архивные данные, связанные с именем Константина Стукова, фактически отсутствуют. Мало сведений о его биографии¹. Незвестная современной науке коллекция тибетских сочинений из фондов ИМБТ СО РАН, принадлежавшая протоиерею К. К. Стукову, требует тщательного изучения, поскольку является важным историческим источником как о жизни владельца, так и о миссионерской работе Русской православной церкви (далее — РПЦ) среди буддистов Восточной Сибири во второй половине XIX в. Методологи-

¹ Есть несколько небольших статей в энциклопедических сборниках [РБС 1909: 597–599; ЭСБЕ 1901: 853].

ческим основанием исследования стала так называемая «когнитивная история» с использованием отдельных положений исторической феноменологии [Каравашкин, Юрганов 2005: 11].

Особенно важным для работы является ключевое положение данного подхода о собраниях «текстов» как объективированного результата творческой деятельности человека в контексте формирования, с одной стороны, его интеллектуальных, читательских и коллекционных интересов, с другой — его понимания собственной общественной и религиозной деятельности. Теоретически значимой для настоящего исследования стала гипотеза о том, что миссионерская деятельность в Сибири была способом самопознания и укрепления православной идентичности у отечественных миссионеров.

Коллекция тибетских текстов православного миссионера К. К. Стукова *Краткий биографический обзор*

Сохранившиеся до наших дней биографические сведения о деятельности К. К. Стукова позволяют понять причины появления коллекции тибетских сочинений у православного священника. Что касается происхождения миссионера, то необходимо подчеркнуть, что Константин Константинович, вероятно, был связан с большим священническим родом Стуковых, служивших в различных православных приходах Восточной Сибири с конца XVIII в. [Бушуева 2021: 85–92].

Он родился в 1809 г., в 1830 г. закончил Иркутскую духовную семинарию, в 1831 г. был рукоположен в священники к Воскресенской церкви в Иркутске, в 1832 г. определен смотрителем Нерчинского духовного училища и учителем в нем древних языков. В 1836 г. К. К. Стуков был назначен настоятелем собора в Нерчинске и удостоен сана протоиерея. С 1843 по 1851 гг. он работал миссионером среди забайкальских бурят. Вероятно, его успехи в этой деятельности были настолько впечатляющими, что он переводится с повышением в Читу. Карьерный рост продолжался недолго, борьба с местным светским руководством за права обездоленных каторжан и крестьян привели К. К. Стукова к полной отставке. Далее он посвящает свою жизнь научно-краеведческой деятельности, пишет многочисленные работы в области изучения религиозных представлений бурят. В 1866 г. К. К. Стуков, «как человек, к прохождению миссионерской должности очень способный и в познании монгольского языка весьма сведущий» (из формуляра) [РБС 1909: 598], вновь отправляется работать миссионером. Он умер 20 декабря 1883 г. в селе Оёк Иркутской губернии.

Необходимо особо отметить, что К. К. Стуков обладал незаурядными лингвистическими способностями. Известно, что он владел польским, французским, немецким, бурятским и монгольским языками (свободно читал литературу в оригинале). Вероятно, у него были знания в греческом и латинском языках (преподавал древние языки). Мы не нашли свидетельств о его владении тибетским языком. Обнаруженная коллекция дает возможность предполагать, что он владел и тибетским языком. Исходя из данных, можно предположить, что коллекция тибетских текстов сформировалась в ходе его долгой миссионерской и научной деятельности внутри буддийских сообществ Восточной Сибири и Монголии.

Содержательный анализ коллекции

Данная коллекция состоит из 24 работ, большая часть рукописи (почерк записей разный), есть несколько ксилографов¹. Часть текстов обернута в бланки «о благонадежности Министерства внутренних дел Иркутского генерал-губернаторства за 1895 г.». На обертках из бланков существуют запись, что книга принадлежит Константину Стукову. Книги пронумерованы размашистым почерком. Поскольку существуют лакуны в нумерации, можно предположить, что существовали другие тексты, которые по определенной причине не сохранились в коллекции. На всех текстах можно обнаружить печать Иркутского государственного университета². Небольшие пометки на русском языке, возможно, принадлежат самому К. К. Стукову.

Анализ содержательной части коллекции показал, что обнаруженные тексты можно распределить на шесть групп, характеризующих исторические реалии бурятского буддизма в середине XIX в.

Первая группа текстов связана с астрологической практикой. Эти небольшие ритуальные сочинения посвящены «исправлению» (тиб. bcos thabs, бур. *zahal*) неблагоприятных календарных предсказаний, вычисленных при помощи буддийской астрологии. В коллекции хранятся работы данного типа.

1. «Метод исправления (астрологического случая) „глаз кладбища“» (тиб. Dur mig gis bcos thabs bzhugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07029]. Небольшой манускрипт, содержащий 3 листа. Данный текст посвящен ритуалу, исправляющему календарное предсказание *дурмиг* («глаз кладбища»). В религиозной практике центрально-азиатских народов *дурмиг* связан с определенными этапами в жизни человека, когда его возраст достигает 15, 21, 45, 51, 75, 81, 105, 111 лет. Считается, что в такие годы духи смерти и болезней насылают вред. В тексте излагаются основные ритуалы для данного случая, пишется: следует делать подношения умершим, обращаться с просьбами к божествам, раздавать еду на похоронах и производить ритуальные манипуляции, обманывающие духов смерти и болезней. Особое внимание в тексте уделяется ритуалу *Луд* (тиб. glud), который проводится в форме «подношения-выкупа». Исходя из текста, основным моментом в этом ритуале является выражение «равный обмен» — *Ньячже* (тиб. Mnyam brje), которое олицетворяет своеобразную торговую сделку между тем, кто проводит ритуал, и классом духов, которому он адресован. В результате, «причиняющий ущерб» оставляет в покое человека, достигшего определенного возраста, в обмен на его ритуальное «изображение-замену». Автор текста не определен.
2. «Метод исправления (препятствий) со стороны „мева“» (тиб. sMe ba gzhung bzhugs bcos thabs bzhugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07034]. Рукопись на 2 листах. *Мева* (тиб. *мева*; бур. *мэнге*) переводится как «родовая метка», олицетворяющая девятилетний цикл в жизни человека. *Мева* на каждом этапе жизненного пути обладает влиянием на здоровье, психическое состояние

¹ На территории России существует множество частных тибетоязычных собраний. Данные собирались верующими буддистами и специалистами-буддологами [Музраева 2011; Музраева 2012; КТТС 2021].

² В 1958–1959 гг. данная коллекция была передана Научной библиотекой Иркутского государственного университета на хранение в Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР (г. Улан-Удэ).

и жизненные обстоятельства любого из нас. *Мева* является в определенной степени понятием табличным и отвлечённым, получившим свой контент от исчисления периодического цикла времени (девять лет). В местной религиозной культуре считается, что через каждые 9 лет индивид подходит к своему *мева-мэнгэ* (бур. *мэнгэ голохо*), поскольку попадает в центр расчетных астрологических таблиц. Согласно тексту, проблемы, возникающие благодаря *мева*, разрешаются с помощью вышеуказанного ритуала *луд* в отношении класса существ, связанного с конкретным *мева*-этапом. Автор текста не определён.

3. «Садхана Манджушри¹ и ритуал „Золотой черепахи“» (тиб. rJe btsun ‘jam dbyangs bsgrub thabs dang gser gyi rus sbal khra bo bzhugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07036]. Рукопись на 10 листах. Текст посвящен созерцательной практике (садхана) на образ бодхисатвы Манджушри в контексте астрологических ритуальных процедур. Манджушри в данной работе рассматривается в качестве божества, даровавшего свод знаний по астрологии. Он также воплощен в образе космической черепахи, на панцире которой изображаются символы различных циклов времени и пространства. В тексте ритуальная визуализация образа Манджушри используется для гармонизации любых неблагоприятных астрологических показателей [Lopez 2001]. Автор текста не определён.
4. «(Ритуал) „Луд“ с помощью „Прибежища“» (тиб. sKyabs ‘gro’i mdos glud ni zhes bya ba bzhugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07038]. Манускрипт на 1 листе. В тексте процедура *луд* «подношения-выкупа» производится одновременно с начитыванием мантр «Пяти защитниц», иначе Паньчаракша (бур. *Банзаракша*). Буряты большое значение придавали культу «Пяти защитниц»² и обращались к нему в случаях дефицита духовной защиты (прибежища). В тексте подчеркивается, что ритуал практикуется в зависимости от количества лет человека, что в свою очередь связано с его постоянно меняющимся местоположением (бур. *хуудал*) с точки зрения сторон света. Данный ритуал, именуемый «отсечением тела» (тиб. *lus chad*), проводился в целях устранения возможного вреда для здоровья. Автором текста является Панчен лама Лосанг Чокьи Гьялцен (1570–1662).
5. «Непосредственное лицезрение Белозонтичной Тары³ и практика предотвращения вреда от (астрологического показателя) „гумиг“» (тиб. gDugs dkar mo can gyis mngon rtogs dang dgu mig bcos thabs lag len dang bcas pa bzhugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07050]. Манускрипт на 3 листах. Астрологический

¹ Манджушри, или Манджугхоша (бур. *Манзаширэ*, или *Жамьян*), т. е. Нежнославный, или Нежноголовосый, — бодхисатва мудрости. Как историко-мифологическая фигура выступает в роли ученика Будды Шакьямуни. В текстах махаяны рассматривается как бодхисатва, тогда как в учении тантры — как полностью пробужденный будда, имеющий множество различных воплощений.

² Пять защитниц, покровительницы пяти чувств: Mahāpratisarā, Mahāsāhasrapramardanī, Mahāmantrānusārinī, Mahāśītavatī, Mahāmāyūrī.

³ Белозонтичная — богиня, охраняющая жизнь и имущество верующих, устраняющая все препятствия на их пути; трактуется как одно из воплощений Тары. Изображается с телом белого цвета, тремя глазами, сидящей скрестив ноги на троне из луны и лотоса, держащей в правой руке зонтик, левую руку сложив в мудру дарования желаемого.

показатель гумиг (тиб. *dgu mig*) определяется в зависимости от количества прожитых лет. Традиционно считается, что в возрасте 1, 9, 10, 17, 18, 19, 25, 27, 28, 33, 36, 37, 41, 45, 46, 49, 54, 55, 57, 63, 64, 65, 72, 73, 81, 82, 89 лет в жизни человека происходят негативные события. Для мужчин особенно опасным является возраст 9, 36, 81, а для женщин это 27, 45 и 63 года. Высокая частотность данного астрологического показателя и традиционное обращение местных буддистов к богине Белозонтичная Тара (бур. *Сагаан Шухерте*), спасающей от самых разнообразных бедствий, обеспечили особую популярность и регулярное проведение данного обряда. Автор текста неизвестен.

Вторая группа текстов посвящена ритуальной практике по защите домашнего скота от болезней и падежа, а также предотвращению распространений эпидемических заболеваний. Работы по данной тематике представлены следующими текстами:

1. «„Метеорит“ — ритуал отбрасывания препятствий с опорой на пять проявлений Пэхара¹, защитника учения» (тиб. *bsTan bsrung sprul ba'i chos skyong rgyal po sku lnga'i bzlog bsgyur gyi cho ga gnam lcags zhes bya ba bzhugs so*) [Тибетский фонд: № ТТ07027]. Манускрипт на 3 листах. Данный текст был написан по просьбе монаха Лосанга Таши неизвестным монгольским автором Артхасидхи в виде комментария на трактат Далай ламы Наванг Лосанг Гьяцо (1617–1682). В тексте излагается ритуал подношения жертвы — *торма* (мучного изделия) — божеству Пэхар для борьбы с вредительством духов — хозяев местности (нагов и ньен), а также ради избавления от эпидемических болезней у людей и скота. Данный ритуал выполняется с помощью перевоплощения священнослужителя в божество Хаягриву².
2. «Метод речитативного произнесения при подношении белого, черного и пестрого торма (мучного изделия) богине Джаваламукха» (тиб. *Kha 'bag ma dkar nag khra gsum gyi gtor ma'i cho ga klag pas don 'grub ces bya ba bzhugs so*) [Тибетский фонд: № ТТ07043]. Манускрипт на 8 листах. В Бурятии данное божество³ относится к локальным духам. Традиционно ритуал применялся от распространения эпидемии холеры. Автор текста — Туган Лосанг Чокьи Нима (1737–1802). Данный текст входит в собрание сочинений автора.

Третья группа текстов направлена на исправление неблагоприятных обстоятельств в женской судьбе и защиту женщин (прежде всего рожениц) и новорожденных от вредоносных действий различных духов:

1. «Отбрасывание препятствий с опорой на Белозонтичную Тару» (тиб. *gTsuq tor dkar mo'i bzlog bsgyur bzhug*) [Тибетский фонд: № ТТ07037]. Манускрипт на 4 листах. Текст посвящен ритуалу пресечения негативных действий влияния демоницы — *Моде* (тиб. *modre*), способных нанести вред женщи-

¹ Пэхар-гьелпо (бур. *Бихар*), или Царь Пэхар, — гневный защитник учения (дхармапала); по легенде был призван Гуру Падмасамбхавой из Индии для защиты тибетского монастыря Самье.

² Хаягрива (бур. *Дамдин*), т. е. Конеголовый (букв. 'Имеющий шею коня'), — йидам всех классов буддийских тантр, почитаемый всеми школами тибетского буддизма; выступает в качестве гневного божества лотосового семейства будд, возглавляемого буддой Амитабхой.

³ Джаваламукха (бур. *Хабарма*) 'богиня с пылающим лицом или ртом' — популярное божество индийского происхождения.

- нам (роженицам), отнять потомство. В ритуале используется обращение к Белозонтичной Таре. Работу написал неизвестный автор Эрдени Чокьи.
2. «Метод исправления вреда малым детям от демонов „ти“» (тиб. *Byis pa'i chung sri bcos thabs bzhugs so*) [Тибетский фонд: № ТТ07042]. Манускрипт на 7 листах. В тексте излагается ритуал умилоствительного выкупа жертв — *до* (тиб. *mdos*) у десяти разрядов мелких демонов — *ти* (тиб. *sri bcu'i tshang mdos*), высасывающих жизнь у младенцев и маленьких детей.
 3. «Непосредственное лицезрение, ритуал умилоствления и восхваления богини Бурджи-лхамо¹ — Хрустальное зеркало потока бытия, из золотой коллекции наставлений традиции Сакья» (тиб. *'Jam dpal nag po sogs dpal ldan sa skya'i man ngag sna tshogs gser chos sde mig las srid rgyud shel dkar me long bu rdzi lha mo'i mngon rtogs bskang bshags bstod bskul dang bcas pa bzhugs so*) [Тибетский фонд: № ТТ07048]. Манускрипт на 11 листах. В работе представлена ритуальная практика визуализации, исповеди и духовного очищения перед ликом богини Бурджи-лхамо. Данная практика способствовала сохранению репродуктивной функции женщин, защите здоровья молодых матерей и новорожденных [Сыртыпова 2003].
 4. «Метод исправления препятствования вхождения в утробу» (тиб. *mNgal skeg gyi cos thabs bzhugs sho*) [Тибетский фонд: № ТТ07049]. Манускрипт на 2 листах. В работе описывается ритуал, который способствует зачатию детей. Автор текста — выдающийся индийский тантрист и миссионер Падмасамбхáva (VIII в.).
 5. «Метод отворачивания пасти женской демоницы» (тиб. *Mo 'dre kha bsgyur bcos thabs bzhugs so*) [Тибетский фонд: № ТТ07051]. Манускрипт на 3 листах. Работа посвящена ритуалу, который проводился в форме подношения ранее упоминаемой процедуре *Луд* в отношении демоницы *Моде* (тиб. *mo dre*), чтобы она не чинила препятствия женщинам и детям. Неизвестный автор Эрдени Чокьи.

В четвертую группу текстов входят тексты, которые непосредственно связаны с персональными тантрическими практиками:

1. «Восторг Манджушри — заметки относительно устных наставлений по садхане Ямантаки» (тиб. *Dus dgra'i dbang po'i sgrub thabs ky'i zhal shes zin tho 'jam dpal mnyes byed bzhugs*) [Тибетский фонд: № ТТ07028]. Манускрипт на 5 листах. Данный текст представляет собой записи наставлений по эзотерическим практикам Ямантака-тантры² в стадиях «порождения» и «завершения». Автор текста — Чанкья Ринпоче Наванг Лосанг Чоден (1642–1714). Из собрания сочинений автора.
2. «Краткое изложение полного метода речитативного исполнения Ларца — садханы Ямантаки» (тиб. *dPal rdo rje 'jigs byed ky'i sgrub thabs za ma tog gi don tshang ba la tshig nyung bar bsodus pa*) [Тибетский фонд: № ТТ07041].

¹ Бахупутра-Пратисара (бур. *Бурджи-лхамо*), т. е. Богиня, опекающая детей, — популярное в Монголии и Бурятии божество, функция которого состоит в защите детей от болезней.

² Ямантака или Ваджрабхайрава (бур. *Бадзра Бхайраба*, или *Ямандага*), т. е. Ваджрный устрашитель, или Уничтожающий смерть, — гневное воплощение Манджушри, йидам ануттара-йога-тантры.

Манускрипт на 6 листах. Тантрическая практика Ямантаки. Текст написан Лосанг Тензин Гьялценом на основе наставлений Кончога Гьялцена Пелзангпо. Входит в монгольский сборник праджня-парамитовских текстов «Собрание Йонтан римпоче» ('Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa yon tan rin po che sdud pa sogs).

Пятая группа текстов состоит из работ, посвященных ритуалам привлечения материального благосостояния и успеха в делах:

1. «Древо исполнения всех желаний — метод четырехчастного подношения мандалы с опорой на Шри-Деву» (тиб. dPal ldan lha mo'i sgo nas maN+dal bzhi pa 'bul tshul dgos 'dod kun 'byung dpag bsam ljon pa zhes bya ba bzugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07026]. Манускрипт на 3 листах. В тексте указывается, что во время данного ритуала четырежды подносят мандалу (символическую структуру Вселенной) божеству Шри-Деву¹. Ритуал проводится ради накопления заслуг и добродетелей. Обычно его проводят в особые дни — 8, 15, 30 числа по лунному календарю, а также в дни великих буддийских праздников. В остальных случаях ритуал проводится, если есть необходимость устранить препятствия в виде болезней, духов, демонов, воров, внешних противников, дурных сновидений и предзнаменований. Также, если существует потребность в ускорении исполнения какого-либо дела или получении желаемого. Текст написан монгольским мастером Артхасидхи по просьбе Лосанг Джинпы. Входит в состав монгольских сборников текстов по данной тематике со сквозной нумерацией.
2. «Спонтанное осуществление помыслов — привлечение благосостояния лошадьми, с опорой на Хаягриву» (тиб. rTa mgrin sgo nas rta'i g.yang 'gugs bsam pa lhun grub zhes bya ba bzugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07031]. Манускрипт на 5 листах. Данная работа посвящена проблеме предотвращения падежа скота (прежде всего лошадей) с помощью обращения к божеству Хаягрива. Текст написал неизвестный ачарья Падмакара по просьбе Суматикармы на основе труда «Ожерелье из жемчуга — обширное привлечение благосостояния, для устранения обширного падежа лошадей». Автор не известен.
3. «Метод поднесения воды Белому Джамбале» (тиб. Dzam b+ha la dkar po'i chu sbyin bya tshul bzugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07032]. Манускрипт на 2 листах. Работа посвящена ритуалу жертвоприношения водой популярному божеству Джамбале². Целью ритуала является притягивание элементов материального благополучия. Автор не известен.
4. «Молитвенное благопожелание» (тиб. sMon lam) [Тибетский фонд: № ТТ07046]. Ксилограф на 2 листах. Благопожелание через благодарение божества Тара-Кхадиравани³. Текст завершается строфами пожелания

¹ Шри-Деву (бур. *Пэлдэн-лхамо Макзор-гьелмо*), т. е. Преславная богиня, Царица, изгоняющая войска [врага], — гневная защитница Учения, дхармапала (в частности, покровительствует Петербургскому буддийскому храму — Дацану Гунцзэчойнэй).

² Джамбала (бур. *Жамбал*) — популярное божество, подающее богатства, исцеляющее от болезней; является воплощением Авалокитешвары. Белый Джамбала — йидам крия-тантры.

³ Тара (бур. *Дара Эхэ*, или *Дулма*), т. е. Освободительница, — богиня-покровительница всех буддистов, достигшая полного Пробуждения; в тантре является йидамом крия-тантр; имеет

счастья (тиб. *shis brjod*). В тексте также присутствует просьба о защите от «восьми великих страхов»: страха перед ворами (ложные взгляды); змеями (ревность); огнем (гнев); львом (гордость); слоном (незнание); утоплением (привязанность); демоном (сомнение) и тюремным заключением (жадность). Автор не известен.

В шестую группу входят тексты, которые посвящены умилоствлению божеств, воспрепятствованию опасным ритуалам и предотвращению вреда от различных классов духов:

1. «Дхарани тринадцатиспицевой чакры, отбрасывающей вред от демонов „си“» (тиб. *Sri zlog tsa kra bcu gsum pa'i gzungs bzhugs s+ho*) [Тибетский фонд: № ТТ07030]. Манускрипт на 2 листах. Входит в собрание текстов «Сундуй» из буддийского канонического сборника Кангьюр. Текст написан в виде остроконечной чакры с мантрами, используемой как защитный амулет (тиб. *zung 'khor*). Применяется от демонов «си», причиняющих вред, болезни, смерть, упадок, скандалы, дурные астрологические показатели, и от 360 видов вредоносных духов (тиб. *gdon*). Автор не известен.
2. «Раздел метода (применения ритуала) Сор» (тиб. *Zorlamdbyeba*) [Тибетский фонд: № ТТ07033]. Манускрипт на 1 листе. Ритуал бросания магического оружия «сор» (тиб. *zor*) против духов, причиняющих вред из верхнего, нижнего, промежуточного миров, и *сабдагов* (хозяев гор). Автор не известен.
3. «Метод выведения яда, опирающийся на подношения торма Рахуле» (тиб. *Dir khyab 'jug ra hu la'i gtor ma la bsten pa'i dug 'byung thabs bya tshul bzhugs so*) [Тибетский фонд: № ТТ07039]. Манускрипт на 9 листах. Ритуал, посвященный подношению символической жертвы божеству Рахуле¹. Божество Рахула предстает здесь в качестве защитника и владыки над всеми планетами, которому подносится торма. Автор не известен.
4. «Ритуал предотвращения грабежа, осквернений (и вреда) духов с опорой на Бхагавана Ваджрапани — защитника трех семейств» (тиб. *bCom ldan rigs gsum mgon po phyag na rdo rje rme mnol phrog dang grib gdon mi gtshang ba thams cad 'grub pas cho ga bcom ldan rigs gsum mgon po phyag na rdo rje rme mnol phrog dang grib gdon mi gtshang ba thams cad 'grub pas cho ga*) [Тибетский фонд: № ТТ07040]. Манускрипт на 6 листах. Сводный ритуальный текст, который используется для проведения ритуала очищения жизненного пути. Центральную роль в тексте играет образ Бхагаван Ваджрапани². Автор не известен.

множество форм. Считается, что она стала буддой множеством кальп тому назад, причем дала обет сделать это в облике женщины и в нем же впредь всегда помогать живым существам. Часто именуется Матерью мира, а также Матерью всех будд трех времен. Основные ее формы — это Зеленая и Белая Тара. Тара-Кхадиравани. Особая форма Зеленой Тары, отличающаяся тем, что в правой руке держит голубой лотос-утпалу. Имя Кхадиравани она получила по акациевой (кхадира) роще (вана), в которой она явилась Нагарджуне (махасиддхе).

¹ Рахула — единственный сын Сиддхартхи Гаутамы и принцессы Ясодхары.

² Ваджрапани (бур. *Шадар*), т. е. (Держащий) в руке ваджру, — бодхисаттва; в учении махаяны предстает одним из восьми духовных сыновей Будды Шакьямуни, однако чаще всего он изображается, согласно традиции ваджраяны, в гневном облике и трактуется как Владыка тайного, поскольку хранит тексты тантр и учений, полученных от Будды Шакьямуни в форме Ваджрадхары.

5. «Способ отправления трехчастного (ритуала) торма, составленного Дулдзин Дакпа Гьялценом» (тиб. ‘Dul ‘dzin grags pa rgyal mtshan gyis mdzad pa’i gtor ma cha gsum gtong tshul bzhugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07044]. Ксилограф на 8 листах. Ритуал умилоствления трех классов духов: *наги*, *ньены* и *сабдаги*. Текст отпечатан в Цугольском монастыре (Забайкальский край), его настоятелем Галсан Жимба Дылгыров (1816–1873?). Автор — Дулдзин Дакпа Гьялцен (1374–1434).
6. «Великий последователь тайной мантры» (тиб. gSang sngags chen po rjes su ‘dzin pa’i mdo zhes bya ba bzhugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07045]. Ксилограф на 11 листах. Сутра «Mahāmantrānudhārisūtra». Входит в буддийский канонический сборник Кангьюр, раздел Тантр. Читается для устранения ряда человеческих недугов, а также несчастных случаев, таких как грабежи, стихийные бедствия и уголовные наказания, которые, как считается, вызваны враждебностью духов. Автор не известен.
7. «Победа в сражении — краткий метод поднесения ритуала До свирепым духам Цэн» (тиб. Btsan mdos bcos thabs shin tu bsdu pa g.yul las rnam rgyal zhes bya ba bzhugs so) [Тибетский фонд: № ТТ07047]. Манускрипт на 5 листах. Ритуал умиротворения воинствующих и свирепых духов гор. Неизвестный автор Лосанг Еше Пэлджор.

Подбор текстов в коллекции очень специфический. Все тексты относятся к религиозно-ритуальной части буддийского книжного наследия, распространенного среди бурят-буддистов во второй половине XIX в. В текстах представлен широкий набор различных божеств и духов, популярных среди местного населения¹. Тексты в большинстве случаев рукописные.

Обсуждение результатов анализа

Обзор содержания коллекции показал, что К. К. Стуков был, вероятно, одним из первых европейцев, кто серьезно изучал ритуалы и религиозно-мистическую прагматику в буддизме Внутренней Азии без теоретических штампов. Он был православным священником, понимающим огромное значение богослужения и ритуала. Возможно, именно поэтому его практическая миссионерская деятельность внутри буддийских сообществ была обращена к тем эзотерическим реалиям в деятельности местных буддистов [Davidson 2005: 9], которые в то время были малодоступны и малоинтересны светским ученым. Исходя из содержания коллекции, изучение буддийской экзотерической схоластики (теории) не являлось приоритетным для православного миссионера.

Анализ коллекции также показал, что К. К. Стуков интересовался мировоззрением буддиста-мирянина². В этом мировоззрении, помимо базовых доктринальных буддийских положений (прибежище, пустота, срединный путь, мирские обеты, причинно-следственный закон, сострадание и многое другое), существовали базовые бытовые и «природно-религиозные» представления местного населения, связанные с добуддийской культурой Сибири, Южной и Внутренней Азии [Жуковская 2008: 11].

¹ О ритуалах и верованиях у монголоязычных народов см. работу Э. П. Бакаевой [Бакаева 2019].

² Это особенно интересно в свете новых социальных методов изучения, принимая во внимание утверждение, что «социальную реальность» определяют не процессы внутри интеллектуальной элиты общества, а повседневная жизнь ординарных людей [Бергер, Лукман 1995].

Исходя из содержания коллекции, мы видим, что буддисты-миряне Восточной Сибири во второй половине XIX в. придавали большое значение астрологии, защите детей и материнства, материальному благополучию, взаимодействию с различными духами, покровительству многочисленных божеств. Важную роль в этих представлениях играла ритуалистика — не только в качестве прагматического средства, но и в качестве особого мировоззренческого предмета во взаимодействии человека с окружающим миром¹.

Необходимо указать на то, что православная и миссионерская специфика личности К. К. Стукова позволила ему в своей заинтересованности предвосхитить научные открытия в буддологии, выполненные через полтора столетия после его смерти.

В академической буддологии XIX–XX вв., благодаря просветительским установкам, устойчиво сохранялся поиск идеального, «истинного» буддизма, рассматриваемого в буддийской теории. Религиозно-мистическая, ритуально-практическая часть буддизма фактически игнорировалась, вплоть до того, что северный буддизм именовался ламаизмом, с олицетворением его в большей степени с шаманизмом, чем с буддизмом. Данная установка в академической буддологии была окончательно преодолена только на рубеже XX–XXI вв. К. К. Стуков, исходя из наших данных, не обладал вышеуказанными «просветительскими» шорами.

В свете анализа коллекции по-иному отражается миссионерская деятельность К. К. Стукова. В биографическом очерке отмечается, «что характерной чертой в деятельности К. К. Стукова как миссионера является то, что проповеди христианского учения он предпосылал, так сказать, как проповеди оседлости» [РБС 1909: 598–599].

Благодаря такому образу действий, предполагает Русский биографический словарь, К. К. Стуков как миссионер имел значительный успех и вполне заслужил консисторское определение: «к прохождению миссионерской должности очень способный» [РБС 1909: 599].

Учитывая содержание коллекции, можно предположить, что миссионерскую деятельность К. К. Стукова отличало прежде всего великолепное знание реалий религиозной жизни буддистов-мирян. Данное знание, несомненно, помогало ему в его работе по распространению православия среди буддистов Восточной Сибири.

Выводы

В результате необходимо сказать, что содержание коллекции К. К. Стукова способствует пониманию как специфики функционирования буддийских сообществ в Восточной Сибири во второй половине XIX в., так и особенностей миссионерской деятельности православных священников в регионе в этот период.

Анализ коллекции показал, что успешность миссионерской работы во многом зависела от личных качеств самого миссионера. Помимо веры и высоких моральных принципов, от миссионера требовались профессиональные навыки, куда входили: знание языков, научная ориентация в религиозном мировоззрении местного населения. Константин Константинович Стуков в этом свете был

¹ Роль мистических ритуалов во взаимодействии человека с окружающей средой в древности была продемонстрирована шотландским антропологом Джеймсом Джорджем Фрээрером [Фрээрер 1983: 53–92].

незаурядным примером для любого православного миссионера. Необходимо подчеркнуть, что личная инициатива в миссионерской деятельности православной церкви в Восточной Сибири во второй половине XIX в., несомненно, присутствовала, она была неотъемлемой частью общего, государственного строительства данной работы.

Источники

Тибетский фонд — Тибетский фонд ИМБТ СО РАН.

Sources

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS); Tibetan Collection.

Литература

- Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Буддизм калмыков и ойратов: обряды подношений предкам и духам хозяевам территорий (некоторые аспекты) // Труды института востоковедения РАН. Вып. 23. М.: ИВ РАН. 2019. С. 39–66.
- Бергер, Лукман 1995 — *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бушуева 2021 — *Бушуева Е. С.* Настоятели Нерчинской Успенской церкви из рода Стуковых (1793–1863 гг.): краткая история служения // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2021. № 35. С. 85–92.
- Жуковская 2008 — *Жуковская Н. Л.* Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 9–37.
- КТТС 2021 — Каталог тибетских тантрических сочинений: ИМБТ СО РАН / авт.-сост.: А. А. Базаров, А. В. Лощенков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. 546 с.
- Каравашкин, Юрганов 2005 — *Каравашкин А. В., Юрганов А. Л.* Регион Докса: Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. 210 с.
- Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / отв. ред. Э. П. Бакаева, науч. ред. А. А. Бурькин. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 224 с.
- Музраева 2011 — *Музраева Д. Н.* Молитвенные сборники (ранние памятники калмыцкого кириллического письма) как источник изучения буддийской литературы и письменной культуры калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2011. № 7 (61). С. 121–125.
- РБС 1909 — Русский биографический словарь: в 25 т. (1896–1918) / издан под наблюд. пред. Импер. Рус. Ист. общ-ва А. А. Половцова. Т. 19. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1909. 608 с.
- Сыртыпова 2003 — *Сыртыпова С. Д.* Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме: Миф, ритуал, письменные источники. М.: Вост. лит., 2003. 238 с.
- Фрэзер 1983 — *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. М.: Политическая литература, 1983. 704 с.
- Шагжина 2000 — *Шагжина З. А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Забайкалье (2-я пол. XVII – нач. XX вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 24 с.
- ЭСБЕ 1901 — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (1890–1907). СПб.: Изд. общ-во Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1901. Т. 31А: Статика-Судоустройство. 957 с.
- Lopez 2001 — *Lopez Jr. D. S.* The Story of Buddhism: A Concise Guide to its History and Teaching. New York: Harper One, 2001. 260 p.
- Davidson 2005 — *Davidson Ronald M.* Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the Rebirth of Tibetan Culture. N. Y.: Columbia University Press, 2005. 596 p.

References

- Bakaeva E. P. The Buddhism of Kalmyks and Oirats: Rituals of offerings to the ancestral spirits and the spirits – masters of the territories (some aspects). *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2019. Vol. 23. Pp. 39–66. (In Russ.)
- Bazarov A. A., Loshchenkov A. V. (comps.) Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS): A Catalogue of Tibetan Tantric Texts. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2021. 546 p. (In Russ.)
- Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.)
- Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary. In 86 vols. (1890–1907). St. Petersburg: F. A. Brockhaus & I. A. Efron, 1901. Vol. 31A: Статика-Судоустройство. 957 p. (In Russ.)
- Bushueva E. S. Rectors of the Nerchensky Assumption Church of the Stukov family (1793–1863): A brief account of their service. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'Political Science and Religious Studies'*. 2021. No. 35. Pp. 85–92. (In Russ.)
- Davidson Ronald M. *Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the Rebirth of Tibetan Culture*. New York: Columbia University Press, 2005. 596 p. (In Eng.)
- Frazer J. G. *The Golden Bough: A Study in Comparative Religion*. Moscow: Politicheskaya Literatura, 1983. 704 p. (In Russ.)
- Karavashkin A. V., Yurganov A. L. *The Region of Doxa: Source Studies of Culture*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2005. 210 p. (In Russ.)
- Lopez Jr. D. S. *The Story of Buddhism: A Concise Guide to Its History and Teaching*. New York: Harper One, 2001. 260 p. (In Eng.)
- Muzraeva D. N. Prayer books (early monuments of Kalmyk Cyrillic writing) as a source of Buddhist literature and Kalmyk writing culture study. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Series 'Philological Sciences'*. 2011. No. 7 (61). Pp. 121–125. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. Tibetan and Oirat Language Buddhist Written Sources in Kalmykia's Collections. E. Bakaeva, A. Burykin (eds.). Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Polovtsev A. A. (ed.) *The Russian Biographical Dictionary*. In 25 vols. (1896–1918). St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1909. Vol. 19. 608 p. (In Russ.)
- Shagzhina Z. A. Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in Transbaikalia, Mid-17th to Early 20th Centuries. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2000. 24 p. (In Russ.)
- Syrtypova S. D. *The Cult of Protector Goddess Palden Lhamo in Tibetan Buddhism: Myth, Ritual, Written Sources*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 238 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Buddhism and shamanism as factors to have shaped the Buryat mentality. In: Zhukovskaya N. L. (comp., ed.) *Mongolic Peoples of Russia: Religion in History and Culture*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. Pp. 9–37. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 94(470.46=512.37)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-170-181

Цаца Кёгшн Багш в урочище Чапчачи Икицохуровского улуса Калмыцкой степи в региональной межведомственной переписке начала XX в.

*Андрей Алексеевич Курапов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Курапов А. А., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется и вводится в научный оборот комплекс архивных документов, выявленных в деле 480, фонда 597 «Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества» Государственного архива Астраханской области, материалы астраханской прессы: «Астраханский листок», «Астраханские ведомости», связанные с межведомственным диалогом региональных властей относительно цаца в урочище Чапчачи Икицохуровского уезда Калмыцкой степи. *Материалы и методы.* В статье использованы сравнительный и историко-описательный методы исторического исследования. Объектами анализа стали: комплекс архивных документов 1900–1902 гг. — рапорт священнослужителя, миссионера Астраханского епархиального комитета В. И. Кряжимского Православного миссионерского общества, ответы на обращения комитета Управления калмыцким народом, астраханского губернатора М. А. Газенкампа, статья, опубликованная в «Астраханском листке». *Результаты.* Введены в научный оборот документы, связанные с межведомственной дискуссией начала XX в. относительно сохранения мемориального комплекса Кёгшн Багш в урочище Чапчачи Икицохуровского уезда Калмыцкой степи. *Выводы.* Отношение к мемориальному сооружению цаца (традиции поклонения Кёгшн Багш) характерно для отношения российского духовного и светских ведомств к буддийской традиции в XIX – начала XX вв. в целом. Русская православная церковь настороженно относилась к активизации ритуальной практики буддийского духовенства Калмыцкой степи, стремясь предотвратить увеличение количества буддийских священнослужителей, нейтрализовать их влияние на население. Губернские власти, стремясь оставаться в правовом поле, нейтрально относились к деятельности буддийского духовенства, в рамках законодательства, выступая против обострения конфессиональной ситуации в регионе.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Астраханская губерния, Астраханский епархиальный комитет, астраханский губернатор, миссионерская деятельность, буддийское духовенство, хурул, цаца, гелюнг

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — про-

ект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Курапов А. А. Цаца Кёгшн Багш в урочище Чапчачи Икицохуровского улуса Калмыцкой степи в региональной межведомственной переписке начала XX в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 170–181. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-170-181

Ven. Kögshn Bagshi Memorial Facility (*Tsatsa*) in the Locality of Chapchachi (Iki Tsokhor Ulus, Kalmyk Steppe): A Review of Early 20th Century Regional Interagency Correspondence

Andrey A. Kurapov¹

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kurapov A. A., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines and introduces into scientific circulation a set of archival documents discovered at the State Archive of Astrakhan Oblast (file 480, collection 597 ‘Astrakhan Eparchial Committee of Missionary Orthodox [Christian] Society’) and supplemented with publications of Astrakhan periodicals (*Astrakhanskiy Listok*, *Astrakhanskie Vedomosti*) containing interdepartmental messages of regional authorities pertaining to a memorial facility (Kalm. *tsatsa*) in the locality of Chapchachi (Iki Tsokhor Ulus of Kalmyk Steppe). *Materials and methods.* The article employs the comparative and historical descriptive methods of research. The analyzed narratives comprise a number of 1900–1902 archival documents as follows: report by Ven. V. I. Kryazhinsky, missionary of Astrakhan Eparchial Committee; letters of response by the Committee of Kalmyk People’s Administrative Department and Astrakhan Governor M. A. Hasenkampf; article published in *Astrakhanskiy Listok*. *Results.* The work introduces documents dealing with the early 20th century interdepartmental discussion over preservation of the Ven. Kögshn Bagshi memorial facility in the locality of Chapchachi. *Conclusions.* The attitudes towards the memorial building of *tsatsa* (the tradition of worshiping Ven. Kögshn Bagshi) was typical of Russian spiritual and secular authorities in the latter’s contacts with the Buddhist tradition throughout the 19th and early 20th centuries at large. The Russian Orthodox Church was wary of the active ritual practices performed by Buddhist clerics of Kalmyk Steppe and sought to prevent an increase in the number of Buddhist priests and neutralize their influence on the population. Operating within the legal framework, the provincial authorities remained neutral towards the activities of the Buddhist clergy and made efforts to legally oppose the aggravation of confessional controversies in the region.

Keywords: Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate, Astrakhan Eparchial Committee, Astrakhan Governor, missionary activity, Buddhist clergy, khurul, *tsatsa*, gelong

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kurapov A. A. Ven. Kögshn Bagshi Memorial Facility (*Tsatsa*) in the Locality

of Chapchachi (Iki Tsokhor Ulus, Kalmyk Steppe): A Review of Early 20th Century Regional Interagency Correspondence. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 170–181. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-170-181

Введение

Среди исследований по истории буддийской традиции калмыков XIX–XX вв. существует комплекс работ по истории, архитектуре, персоналиям, с которыми были связаны традиционные калмыцкие мемориальные сооружения — цаца [Бакаева 1994; Бакаева 2000; Бакаева 2018; Бембеев 2013; Борисенко 1994].

Вместе с тем комплексных исследований по истории цаца Кёгшн Багш в урочище Чапчачи Икицохуровского улуса Калмыцкой степи не существует. Тема истории цаца Кёгшн Багш была затронута только в работе Б. А. Шантаева, основанной на полевых исследованиях автора [Шантаев 2009]. В связи с тем, что Кёгшн Багш являлся и продолжает оставаться значимым духовным лицом, объектом поклонения для калмыцкой буддийской традиции XIX–XXI вв., представляется важным введение в научный оборот документов, связанных с сохранением памяти о нем в начале XX в., влиянии культа Кёгшн Багш на миссионерскую деятельность Русской православной церкви в Калмыцкой степи, на политику региональных властей в отношении буддийской традиции калмыков в начале XX в.

Материалы и методы

В статье использованы сравнительный и историко-описательный методы исследования. Объектами анализа стали: комплекс архивных документов дела 480, фонда 597 «Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества» Государственного архива Астраханской области, публикации региональной периодической печати: «Астраханский листок», «Астраханские ведомости», посвященные цаца, расположенной в урочище Чапчачи Икицохуровского уезда Калмыцкой степи.

Цаца Кёгшн Багш в переписке Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества с региональными властями

Одним из фондов Государственного архива Астраханской области (ГА АО), связанным с историей калмыцкого народа в XIX – начале XX вв., является фонд 597 «Астраханский православный епархиальный комитет миссионерского православного общества». Отметим, что Астраханский епархиальный комитет Православного миссионерского общества был открыт 3 января 1871 г., просуществовал он до 1917 г. Объем фонда составляет 927 дел. В ходе работы с его документами было выявлено 168 дел, непосредственно связанных с историей калмыцкого народа.

Интереснейшим делом фонда «Астраханского епархиального комитета миссионерского православного общества» является дело 480. В описи фонда оно атрибутировано как «Дело о похоронах крещеного калмыка Гетюта и запрещении строительства нового хутора в урочище Чапчачи». Вместе с тем на титульном листе дела, рукой делопроизводителя начала XX в., написано его истинное наименование: «Дело о предании земле выдаваемый гелюнгами за

мощи труп калмыка-гелюнга и о неразрешении строить у урочища Чапчачи новый хурул» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 480].

Анализ документов дела позволил сделать вывод о том, что его материалы относятся не только к миссионерской деятельности Русской православной церкви в Калмыцкой степи, к политике Российского государства в отношении буддийской церкви калмыков, но и к истории буддийской традиции калмыков XIX – начала XX вв.

Приведем наиболее значительные документы дела, проанализировав историко-культурный контекст.

Начало многолетней межведомственной переписки положило письмо управляющего должностью благочинного III округа Черноярского уезда Астраханской епархии, священника с. Ремонтного В. И. Кряжимского епископу Астраханскому и Енотаевскому Сергию о калмыцком культовом сооружении в урочище Чапчачи, которое по приглашению буддийского духовенства Икицохуровского улуса Калмыцкой степи, посещал в июне 1900 г. астраханский губернатор М. А. Газенкампф:

«Его Преосвященству, Преосвященнейшему Сергию,
Епископу Астраханскому и Енотаевскому

И. д. Благочинного III округа, Астраханской епархии, священника
селения Ремонтного Василия Кряжимского

Рапорт

Миссионер, священник Чилгирского стана о. Константин Николаев рапортом от 18 июля сего года донес, что в 25 верстах от Чилгирского миссионерского стана в урочище «Чапчачи» имеется калмыцкая кирка (часовня, по-калмыцки «цаца»), в которой хранится скелет одного гелюнга. При проезде через Калмыцкую степь Господина Астраханского Губернатора, гелюнги, живущие близ этой кирки, выдали этот скелет за мощи, от которых будто бы в том улусе 30 лет получают исцеления и, пригласив Его Превосходительство посетить их мнимую святыню, просили им разрешить постройку хурула на этом месте с полным штатом для постоянного совершения в нем служб. Из произведенного мною на месте негласного дознания трудно сделать заключение о личности того, остов которого хранится в цаце, в урочище Чапчачи: одни рассказывают, что это известный человек — гелюнг, пользовавшийся при жизни расположением и вниманием калмыков, а другие, напротив, утверждают, что остов этот гелюнга найден лет 30 тому назад на открытом месте и что после этого ему построили часовню (цаца) и, следовательно, о личности его ничего неизвестно. Во всяком случае, при ближайшем знакомстве оказывается, что в этом явлении (что гелюнга признали за святого) удивительного ничего нет. Гелюнги вообще среди калмыков пользуются большим почетом, а побывавшие из них в Монголии почитаются святыми уже при жизни. После смерти гелюнгов, особенно богатых, на их могилах устанавливаются кирки (часовни), и калмыки воздают поклонение праху и приносят разные пожертвования, большей частью деньгами, которые и кладутся при дверях. Таких часовен раскинуто по обширной Калмыцкой степи многое множество.

Гораздо большего внимания заслуживает самый остов гелюнга. Из слов и рассказов составить даже близкое к действительности понятие нельзя, потому

что передают и утверждают по большей части так же со слов других. Непременно нужно видеть лично скелет, чтобы иметь более определенное понятие. При помощи знакомых мне пришлось увидеть остов и долгом почитаю почтеннейшее сообщить Вашему Преосвященству то, что мною увидено. Конечно, только строго медицинское освидетельствование может точно определить, что это за труп и как он сохранился до некоторой степени... частному зрителю представляется картина поражающая своим безобразием. И надо удивляться смелости и наглости гелюнгов, которые решились этот скорчившийся, почерневший и окаменевший остов гелюнга, с открытыми отверстиями на месте глаз, носа и рта и с огнившими оконечностями пальцев на руках и ногах, выдать, да еще и русскому генералу, за подобие русских мощей. Остов этот вернее назвать скелетом, обтянутым почерневшей кожей, которая сама теперь отвердела как кость, словно это точное подобие того, что в Египте называют «мумией». Простой народ объясняет это явление очень просто, но другие, более скептические, подозревают в этом явлении уловку гелюнгов. Основанием к такому сомнению послужил разрез с правой стороны живота (от ребер — к ноге) и отсутствие внутренностей. Насколько это верно, покажет освидетельствование специалистов, назначенных высшей властью. Последнее более чем необходимо, и в скором времени, ибо гелюнги в последнее время стали придавать этому скелету особенно важное значение и решили выстроить на этом месте штатный хурул, и понятно, с целью противоборства православной миссии.

Но еще опаснее, особенно для русских православных, самый акт провозглашения этого высушенного трупа на степень мощей. Необходимо по освидетельствованию его предать земле. Правда, гелюнги мало дорожат своей святыней, и та знаменитая кирка, в которой хранится скелет, не только не пользуется никаким особенным почтением, но даже при ней нет никакого караула. Скелет этот им нужен и важен в настоящее время для другой цели: построить новый хурул с полным штатом багшей, гелюнгов, гецулей и манджиков, во главе с ламой. Прежде, когда число духовенства было самопроизвольно, им не представлялось нужды прибегать к хитростям и разного рода уловкам, а теперь, при значительном сокращении штатов, когда на открытие хурула надо испросить законное разрешение и выставить достаточно уважительные причины, теперь — как утопающий хватается за соломку, они ухватились за этот труп, о котором упорно молчали 30 лет. И хитрость их увенчалась успехом: им (это мне достоверно известно) разрешили уже поправить ту часовню, в которой хранится черный остов гелюнга. Но, во-первых, часовня эта построена только 5 лет тому назад из толстого дерева, совершенно новая, снаружи вся оббита железом и в ремонте совершенно не нуждается. Ясно, что правка часовни — один предлог, а вместо этой в недалеком будущем явится новый хурул. Постройка же хурула на этом месте вредна для целей православной миссии. Это будет понятно, если принять во внимание, что на протяжении 45 верст от Яшкуля до Чилгирия имеется 4 штатных хурула, с множеством калмыцкого духовенства, полного непримиримой вражды и ненависти к православной миссии и к миссионерам.

Таким образом, из сказанного видно, что для прекращения соблазна между крещеными калмыками, а отчасти, и русскими, необходимо скелет калмыка предать земле и поручить наблюдение за ремонтом часовни, в которой хранится означенный скелет, чтобы вместо ремонта часовни не был построен новый хурул.

Обо всем вышеизложенном честь имею почтительнейше донести Вашему Преосвященству на Архипасторское благоусмотрение.

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший послушник, и. д. Благочинного священник Василий Кряжимский.
1900 г. августа 20 дня № 525» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 480. Л. 1–4].

Отметим, что цаца в калмыцкой буддийской ритуальной традиции — традиционное мемориальное сооружение, с формами, восходящими к китайской буддийской архитектуре, ставившееся в память об умерших священнослужителях, которое могло иметь различный размер [Бакаева 2018: 21]. Цаца, упомянутая в рапорте В. И. Кряжимского, — известный и значимый культовый объект для калмыцкой буддийской традиции XIX–XX вв.

Описываемая в рапорте цаца была построена для хранения нетленного тела Кёгшн Багш — настоятеля Зюнгарского хурула, умершего во второй половине XIX в. Подтверждение наличия этого мемориального сооружения мы находим в классическом исследовании И. А. Житецкого, писавшего о субургане Зюнгаровского хурула, построенном в честь хурульного багши в урочище Чапчачи [Житецкий 1893: 57].

Необходимо отметить, особую значимость Кёгшн Багш для прихожан хурула. Э. П. Бакаева и Э.-Б. Гучинова отмечали в калмыцкой ритуальной традиции сохранение каноничного обряда кремации для сословия нойонов и высшего духовенства в XIX в., Т. И. Шараева приводит наличие разных способов погребения у калмыков (наземное, грунтовое, в воде, на деревьях, воздушное, кремация) вплоть до первой четверти XX в. [Бакаева, Гучинова 1988: 103; Шараева 2010: 19].

Тело Кёгшн Багш было сохранено подобно телу хубилгана. А. М. Позднеев определял способы погребения хубилганов в монгольской буддийской традиции: кремация и бальзамирование [Позднеев 1887: 272].

В случае принятия решения о сохранении останков святого, после тщательного бальзамирования и нанесения позолоты, его тело («шарил») помещали в серебряный субурган [Позднеев 1887: 275].

Несмотря на то, что посмертные ритуалы и цаца Кёгшн Багш были гораздо скромнее, сам факт сохранения его тела и поклонения ему свидетельствовал об особом сакральном статусе священнослужителя для верующих, хранивших цаца и в 20-е гг. XX в. В 1925 г. описание «мощей гелюнгов» в своем антирелигиозном очерке оставил К. А. Долгин [Семененко-Басин 2008: 129]. Цаца просуществовала до 1929 г., когда советскими властями тело было вывезено, а само здание разрушено [Шантаев 2009: 192].

Существование буддийской святыни в урочище Чапчачи беспокоило православных миссионеров в связи с тем, что в непосредственной близости от цаца располагался миссионерский стан в урочище Чилгир, где с конца 70-х гг. XIX в. селились крещенные калмыки (28 семей), контакты которых с буддийской традицией были нежелательны [Орлова 2006: 103].

С чем была связана поездка астраханского губернатора в Калмыцкую степь летом 1900 г. и посещал ли он буддийскую святыню? В официальной астраханской прессе можно найти несколько заметок о поездке губернатора в Калмыцкую степь в июне 1900 г.

С 10-по 22 июня 1900 г. астраханский губернатор М. А. Газенкампф вместе с председателем Астраханского окружного суда А. М. Симоновым совершил

поездку в Черноярский уезд и Калмыцкую степь Астраханской губернии после визита в Астрахань ламы калмыцкого народа Джимбе Балдан Делгеркиева [Хроника 1900: 2].

13 июня 1900 г. губернатор М. А. Газенкампф прибыл в ставку Малодербетовского улуса для участия в заседании суда Зарго, он планировал посетить поселки крещеных калмыков в Бислюрте, Улан-Эрге и Чилгире [Хроника местной печати 1900: 2].

Примечательно, что официальная пресса свидетельствует о позитивных контактах губернатора с представителями буддийского духовенства. 24 июня 1900 г. астраханский губернатор М. А. Газенкампф объявил искреннюю благодарность главе Икибагутова хурула Эркетеневского улуса бакше Цюрюм-Ширипову за пожертвование на благотворительность 300 рублей в урочище Тулата [Часть официальная 1900: 1].

Таким образом, мы можем свидетельствовать о том, что губернатор М. А. Газенкампф действительно посещал летом 1900 г. Икицохуровский улус, однако официальная пресса не сообщала о посещении им буддийской святыни.

7 сентября 1900 г. Астраханский епархиальный комитет Православного миссионерского общества заслушал доклад и. д. благочинного миссионерской церкви, священника В. И. Кряжимского по донесению миссионера Чилгирского стана, священника К. Николаева, обратившись в Управление калмыцким народом с просьбой о предании земле гелюнга и запрете строительства нового хурула в урочище Чапчачи [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 480. Л. 5, 8].

Управление калмыцким народом в январе 1901 г. подготовило ответ на обращение православных миссионеров, которое мы приведем полностью.

«Министерство земледелия
и государственных имуществ

В Астраханский Епархиальный Комитет
Православного общества

Управление калмыцким народом

Стол II
13 января 1901 г.
№ 328

Управление калмыцким народом имеет честь уведомить Епархиальный Комитет, что сообщение его от 7 сентября минувшего года за № 892 было препровождено Управлением Заведующему Икицохуровским улусом, при предписании от 12 того же сентября за № 7468, для составления по нему заключения и надлежащих сведений. Ныне заведующий Икицохуровским улусом донес Управлению о нижеследующем: в урочище «Чапчачи» действительно имеется цаца, в которой уже 40 лет хранится труп умершего Бакши Зюнгарова хурула. Цаца эта наподобие часовни, но находится она в очень запущенном виде: крыша местами обвисла, а ограда у цацы местами совсем обвалилась, вообще видно, что наблюдение за этой цацой очень плохое. Труп находится в ящике с крышкой, покрыт он материей, имеет вид мумии, растительность на голове и усах местами сохранилась. Калмыки труп этот святым не считают, и никто никогда исцелений от трупа не только не получал, но и не посещает цацу. Хранят

его калмыки в память добрых дел умершего Бакши. Священных служб у этой цацы не бывает, за исключением двух-трех панихид по покойном. Построить хурул у этой цацы, как объяснил Заведующему бакша Зюнгарова хурула никто не предлагал и не просил об этом Господина Астраханского губернатора, а просил он Бакша только разрешения поправить ограду, которая до сего времени находится в полуразрушенном виде.

Из всего изложенного можно заключить, что калмыки труп этот хранят действительно только из-за памяти к умершему Бакше, попыток к тому, чтобы выдавать его за святыню гелюнга не делали, что доказывает их полная 30–40-летняя скромность. Кроме того, по мнению Заведующего, присутствие трупа в цаце несколько не могло и не может мешать распространению православия среди калмыков.

К сказанному Управление Калмыцким народом имеет честь присовокупить, что оно не имеет законных оснований приказать предать земле труп умершего Бакши и запретить чтить его память, так как на основании 1 и 2 статьи XI т. 1 части Свода законов издания 1896 г. всем не принадлежащим к Православной церкви подданным государства и иностранцам, пребывающим в Российское государство, представлено каждому повсеместно свободное отправление своей веры и богослужений и свобода веры присвоается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам.

За помощника главного попечителя В. Суский» [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 480. Л. 9–10].

29 июля 1901 г. и. д. благочинного III округа священник В. И. Кряжимский сообщил Астраханскому епархиальному комитету Православного миссионерского общества о том, что с первых чисел июля 1901 г. у цацы разместился Зюнгаровский хурул, приступив к постройке нового сюзэ вместо цацы. Тело гелюнга было перемещено в кибитку, около которой ежедневно проводились молебны для многочисленных прихожан [ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 480. Л. 11об.].

Астраханский епархиальный комитет, после столь настораживающих известий, обратился к губернатору М. А. Газенкампфу, получив в ноябре 1902 г. ответ.

«Астраханский губернатор
По управлению калмыцким народом
23 ноября 1902 г.
№ 4150
Астрахань

Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Его Преосвященству Епископу
Астраханскому и Енотаевскому Георгию

На письмо ко мне бывшего председателя Астраханского Епархиального комитета Православного Миссионерского общества, почившего епископа Сергия от 10 августа 1901 г. за № 1128, относительно остановки работ по постройке нового сюзэ (малый храм) вместо старой цацы (памятник), в котором хранится труп гелюнга Ракбы и о привлечении к ответственности виновных в самоволь-

ной постройке, а также о зарытии этого трупа имею честь уведомить Ваше Пресвященство, что, по донесению Заведующего Икицохуровским улусом, в июле месяце 1901 г. постройки нового сюзэ не проводилось, а лишь проводилось с моего разрешения ремонт старой цацы, в которой находится труп гелюнга Ракбы, ремонт этот состоял в исправлении крыши цацы и имеющейся вокруг нее ограды и никакого при этом и после молебствия не совершалось.

Что касается зарытия в землю трупа (мумии) гелюнга Ракбы, то ввиду оснований приведенных мне Управлением Калмыцким народом в отзыве своем в Епархиальный Комитет от 13 января 1901 г. за № 328 и донесения Заведующего Икицохуровским улусом от 30 октября 1902 г. за № 3222, что зарытие в землю этого трупа неминуемо вызовет среди всего калмыцкого населения очень сильное неудовольствие, я не могу решиться сделать распоряжение о зарытии в землю трупа гелюнга Ракбы, не видя ни в каком отношении опасности в оставлении его при существующих условиях — на поверхности земли, наоборот — признаю сохранение его чрезвычайно желательным в научном отношении, о чем было отмечено в текущем году в № 201 «Астраханского листка», в статье, озаглавленной «Редкое явление».

Поручаю себя святым молитвам Вашим с чувствами глубокого уважения и преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства всеусерднейший и преданный почитатель

М. Газенкамф)

[ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 480. Л. 11об.].

На феномен калмыцкого гелюнга в 1902 г. обратила внимание и астраханская пресса. В газете «Астраханский листок» была опубликована тематическая статья:

«РЕДКОЕ ЯВЛЕНИЕ»

Нам пишут: в Икицохуровском улусе среди степи, вдали от жилья (в 32–35 верстах от ставки улуса) и калмыцких кочевий стоит, такой калмыцкий памятник, какие обычно ставятся над прахом небогатых калмыков и бедных лиц духовного звания; это нечто подобное гулянки с баржи, но меньших размеров. Внутри памятник этот доступен и ветру, и дождю, и снегу, и песку. «с Богом не спорится эта горница», как говорится, в ней мало света, все в ней и вокруг нее уныло, грустно, тяжело. Дверь в эту часовенку не заперта, и вход никому не воспрещен. Войдя вы на некотором возвышении от пола видите простой деревянный ящик, крышка которого легко поднимается. В этом ящике-гробу лежит мумия калмыка, замечательно сохранившаяся, за исключением носового хряща, и одной половины усов, все цело. Тело цветом темной бронзы, сильно высохшее, на ощупь жесткое. Ноги похожи на ноги живого калмыка, очень худого, изможденного. Запаха решительно никакого. Сохранилась хорошо пелена, в которую был завернут труп, но очень может быть, что в эту пелену он завернут был сравнительно недавно. Насколько можно было узнать от старожилков, это бакша, умерший лет 35–30 тому назад. При жизни он отличался благочестием, не отказывал в помощи нуждающимся, был крайне воздержан в пище и питье. Похоронили его в земле, а так как калмыки своих покойников закапывают неглубоко, то труп из песка «выдуло» и покойник остался прямо под открытым небом. Сколько он пролежал так, неизвестно, но кто-то сбил для него ящик и кто-то поставил памятник. Никаких почестей калмыки трупу не воздают и никаких молитвословий калмыцкое духовенство над ним не совершает, в других

улусах множество калмыков даже не знает о мумии, но на ничтожные добродные подаяния, перед ящиком коптит плошка, наполненная жиром. Все крайне убого и пустынно, — пустынно... Памятник очень ветх и грозит разрушением. Следовало бы поправить его, чтобы сохранить этот во всяком случае редкий труп, который заслуживает внимания ученых» [[Редкое явление 1902: 3](#)].

Межведомственная переписка о цаца в урочище Чапчачи закончилась в декабре 1902 г. Рассмотрев ответ астраханского губернатора, Астраханский епархиальный комитет православного миссионерского общества 19 декабря 1902 г. постановил, что во избежание пререканий со светскими властями, которые многое делали для развития инородческой миссии в Астраханской губернии, необходимо принять к сведению мнение М. А. Газенкампа.

Отметим, что уже в конце июня 1900 г. Астраханский епархиальный комитет предложил открыть школу-приют для крещеных и некрещеных калмыков в Икицохуровском улусе в урочище Яшкуль [[Официальная хроника 1900: 2](#)].

Вместе с тем благочинному миссионерской церкви В. И. Кряжимскому и миссионеру ближайшего Чилгирского стана было поручено следить за действиями калмыцкого духовенства в урочище Чапчачи, сообщать о строительных работах, нейтрализуя тем самым опасность строительства новых хурулов [[ГА АО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 480. Л. 14](#)].

Заключение

В статье введены в научный оборот четыре документа начала XX в., относящихся к цаца в урочище Чапчачи Икицохуровского улуса Калмыцкой степи, отражающие отношение русской православной церкви, Управления калмыцким народом, астраханского губернатора М. А. Газенкампа, журналистов газеты «Астраханский листок» к феномену Кёгши Багш.

Рапорт и. д. благочинного III округа Черноярского уезда Астраханской епархии, священника с. Ремонтного В. И. Кряжимского епископу Астраханскому и Енотаевскому Сергию (20 августа 1900 г.) содержит эмоциональное и критическое описание цаца, тела гелюнга, опасения о строительстве нового хурула в урочище Чапчачи, который станет угрозой и соблазном для крещеных калмыков близлежащего миссионерского стана.

Ответ Управления калмыцким народом на письмо Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества (13 января 1901 г.) содержит описание состояния и значение цаца для калмыков Икицохуровского улуса, в связи с обращением православных миссионеров о необходимости захоронения гелюнга чиновники Управления отказали, сославшись на законодательство, защищавшее свободу вероисповедания подданных Российской империи.

Ответ астраханского губернатора М. А. Газенкампа на письмо председателя Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества — епископа Сергия (23 ноября 1902 г.), в котором губернатор сообщал о ходе ремонта цацы и аргументировал отказ от захоронения тела гелюнга.

Статья «Редкое явление», опубликованная на страницах «Астраханского листка» в 1902 г., — заинтересованный взгляд на калмыцкое ритуальное сооружение светского журналиста, свободного от межведомственных дискуссий.

Введенные в научный оборот документы дела 480, фонда 597 «Астраханский епархиальный комитет миссионерского православного общества» Государственного архива Астраханской области в значительной степени дополняют наши представления о калмыцкой буддийской традиции, региональном межконфессиональном взаимодействии, конфессиональной политике Российского государства в XIX – начале XX вв.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 127 с.
- Бакаева 2000 — *Бакаева Э. П.* О субурганах Калмыкии // Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия: мат-лы науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2000. С. 117–123.
- Бакаева 2018 — *Бакаева Э. П.* «Кюря Бальватин-хана»: анализ состава культовых построек в контексте калмыцких традиций // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. № 5. С. 5–42.
- Бакаева, Гучинова 1988 — *Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б.* Погребальный обряд у калмыков в XVII – XX вв. // Советская этнография. 1988. № 4. С. 98–110.
- Бембеев 2013 — *Бембеев Е. В.* Бааза-бакши: биография и духовная деятельность // Бааза-бакши и его духовное наследие. Элиста: Джангар, 2013. С. 9–12.
- Борисенко 1994 — *Борисенко И. В.* Храмы Калмыкии: альбом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 112 с.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков: этнографические наблюдения 1884 – 1886 гг. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII – нач. XX в. М.: Вост. лит., 2006. 205 с.
- Официальная хроника 1900 — Официальная хроника // Астраханские губернские ведомости. 1900. 29 июня. № 140. С. 2.
- Позднеев 1887 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. 492 с.
- Редкое явление 1902 — Редкое явление // Астраханский листок. 1902. 19 сентября (2 октября). № 201. С. 3.
- Семенов-Басин 2008 — *Семенов-Басин И. В.* Символы российского православия и советской «политической религии» // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 125–131.
- Хроника 1900 — Хроника // Астраханские губернские ведомости. 1900. 11 июня. № 125. С. 2.
- Хроника местной печати 1900 — Хроника местной печати // Астраханские губернские ведомости. 1900. 18 июня. № 131. С. 2.
- Часть официальная 1900 — Часть официальная // Астраханские губернские ведомости. 1900. 24 июня. № 136. С. 1.
- Шантаев 2009 — *Шантаев Б. А.* Обряд поклонения «земле-воде» у калмыков-зюнгаров (по материалам полевых исследований) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2009. № 1. С. 191–197.

Шараева 2010 — Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла у калмыков (XIX – начало XXI вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 25 с.

References

- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Historical and Ethnographic Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 127 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Suburgans of Kalmykia revisited. In: Buddhist Culture and World Civilization around the Turn of the Third Millennium. Conference proceedings. Elista: Kalmyk State University, 2000. Pp. 117–123. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The Balvatin Khan Kūrā: Analyzing cult facilities in the context of Kalmyk traditions. In: Turco-Mongols. Issues of Ethnic History and Culture. Elista, 2018. Vol. 5. Pp. 5–42. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Guchinova E.-B. Kalmyk funeral rites, 17th to 20th centuries. *Sovetskaya etnografiya*. 1988. No. 4. Pp. 98–110. (In Russ.)
- Bembeev E. V. Baaza Bakshi: Biography and spiritual endeavors. In: Baaza Bakshi and His Spiritual Heritage. Elista: Dzhangar, 2013. Pp. 9–12. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Temples of Kalmykia: An Album. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 112 p. (In Russ.)
- Chronicle of local print media. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti*. 1900, June 18. No. 131. P. 2. (In Russ.)
- Chronicles. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti*. 1900, June 11. No. 125. P. 2. (In Russ.)
- Official chronicles. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti*. 1900, June 29. No. 140. P. 2. (In Russ.)
- Official part. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti*. 1900, June 24. No. 136. P. 1. (In Russ.)
- Orlova K. V. Kalmyks and Christianization Policies, Mid-17th to Early 20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 205 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Essays on Everyday Life of Mongolia's Buddhist Monasteries and Clergy in Connection with the Latter's Relation to the People. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1887. 492 p. (In Russ.)
- Rare occurrence. *Astrakhanskiy listok*. 1902, September 19 (October 2). No. 201. P. 3. (In Russ.)
- Semenenko-Basin I. V. Symbols of Russian Orthodox Christianity and Soviet 'political religion'. *Social Sciences and Contemporary World*. 2008. No. 4. Pp. 125–131. (In Russ.)
- Shantaev B. A. The 'earth-and-water' worshipping rite of Zünger Kalmyks: Analyzing collected field data. In: Turco-Mongols. Issues of Ethnic History and Culture. Elista, 2009. Vol. 1. Pp. 191–197. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Life Cycle Rituals of Kalmyks, 19th to Early 21st Centuries. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2010. 25 p.
- Zhitetsky I. A. Essays on Household Life of Astrakhan Kalmyks: Ethnographic Observations of 1884–1886. Moscow: M. G. Volchaninov, 1893. 75 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-182-196

Источниковая база истории Калмыкии: проблемы и пути их решения

Константин Николаевич Максимов¹, Роза Бувайсовна Тогаева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam@mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-4683-8787. E-mail: bolikova_02.06.66rose@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Максимов К. Н., Тогаева Р. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье в соответствии с предложенной периодизацией истории Калмыкии, в отличие от авторского, по географическому и хронологическому признакам (центрально-азиатский и европейский периоды) с древнейших времен до современности рассматриваются вопросы накопления, формирования, сохранности, организации использования и особенностей исторических источников. Исторические источники по истории Калмыкии указанных периодов неравнозначны по степени сохранности, объему и доступности. В связи с этим ставится *цель* — изучить исторические обстоятельства, повлиявшие на формирование источниковой базы истории Калмыкии, организацию использования документального богатства в научном познании ее прошлого. Для достижения указанной цели решались следующие *задачи*: с позиций временных изменений раскрыть объективные исторические факторы общественно-политического развития Калмыкии на разных этапах ее истории, а также роль и значение соответствующих государственных учреждений (фондообразователей) России в формировании и накоплении источниковой базы истории Калмыкии и развивавшегося архивного дела в стране. *Материалы и методы.* Статья написана в основном с использованием разных видов научно-справочного аппарата государственных и ведомственных архивохранилищ, документальных сборников, а также сведений, почерпнутых из научной литературы. При исследовании темы авторы, прежде всего, руководствовались принципами историзма, объективности, всестороннего подхода. *Результаты.* История калмыцкого народа и Калмыкии располагает весьма обширной документальной базой, которая представляет различные виды источников, отложившихся и хранящихся во многих архивах общегосударственного и регионального уровней. Сложные проблемы по ее восполнению, организации использования имеющегося документального богатства вполне разрешимы при определенных условиях.

Ключевые слова: история, источниковая база, Россия, Калмыкия, калмыки, периодизация, архив, фонд, накопление, хранение, научно-справочный аппарат архивов, исследование, публикация

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Максимов К. Н., Тогаева Р. Б. Источниковая база истории Калмыкии: проблемы и пути их решения // Монголоведение. 2021. Т. 14. № 1 С. 182–196. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-182-196

Sources in the History of Kalmykia: Problems and Solution Approaches

Konstantin N. Maksimov¹, Roza B. Togaeva²

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam@mail.ru

²Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-4683-8787. E-mail: bolikova_02.06.66rose@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Maksimov K. N., Togaeva R. B., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines issues of accumulation, formation, preservation, usage arrangements, and peculiarities of historical sources in accordance with the adopted periodization of Kalmykia's history by geographic and chronological parameters (the Central Asian and European periods, respectively) from earliest to modern times. Historical sources from the mentioned periods differ in degrees of preservation, volume and availability. *Goals.* So, the paper aims at surveying actual circumstances to have influenced the shaping of Kalmykia's historical scientific sources and arrangements undertaken to have facilitated the use of multiple documents in exploring events of the past. For that purpose, the work shall attempt to identify certain unbiased factors of sociopolitical development at different stages of history (in a temporal perspective), determine roles and impacts of respective government agencies (depositories) of Russia in the shaping and accumulation of sources in Kalmykia's history and development of archival affairs nationwide. *Materials and methods.* The study primarily employs diverse reference apparatuses of public and departmental depositories, collected documents, and data from scientific publications. The research principles are those of historicism, objectivity, comprehensiveness. *Results.* The Kalmyk people's history is characterized by an extensive documentary base that includes different types of sources currently housed by federal and regional archives all across Russia. However, the problems of the former's further growth and usage arrangements can be successfully solved under certain circumstances.

Keywords: history, sources, Russia, Kalmykia, Kalmyks, periodization, archive, collection, accumulation, preservation, reference apparatus, study, publication

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Maksimov K. N., Togaeva R. B. Sources in the History of Kalmykia: Problems and Solution Approaches. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 182–196. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-182-196

Введение

Калмыки (потомки части ойратов, откочевавших в Российское государство в начале XVII в.), как известно, являются народом с богатой и сложной историей, берущей начало в Центральной Азии с раннего средневековья. Ее спектр широк не только тематически, но и географически и хронологически. По географическому и хронологическому признакам в истории ойратов и калмыков выделяются два крупных периода: центрально-азиатский (XIII – конец XVI вв.) и европейский (с начала XVII в. до настоящего времени). Европейский период истории начался с вступлением калмыков (ойратов) в Северную Азию (на территорию России) и продвижением почти на протяжении двух десятилетий в Европу (в район степей Северного Прикаспия).

В европейском периоде истории калмыков, как и в предыдущем, выделяются несколько этапов: первый — со времени оформления де-юре добровольного принятия российского подданства и до откочевки значительной части калмыков в Китай (середина XVII в. – 1771 г.), этот этап можно охарактеризовать по преимуществу как военный, поскольку калмыки, занимавшиеся скотоводческим хозяйством, значительную часть времени проводили в военных походах. Калмыцкое ханство, представлявшее по статусу политическую автономию с элементами субъекта международного права (середина XVII – первая четверть XVIII вв.), затем (первая четверть XVIII – последняя четверть XVIII вв.) административную автономию, по сути дела, на этом этапе ханство было привязано к России одной технологией власти — воинской повинностью. За 120 лет пребывания в составе Российского государства калмыки в войнах России (в течение двух веков Россия, как известно, воевала 114 лет) провели 80 лет, не считая привлечения их к подавлению восстаний отдельных народов.

Второй этап связан с историей оставшейся части калмыков, которые были расселены в составе субъекта России — Астраханской губернии и вели скотоводческое и рыболовное хозяйство.

Начало третьего этапа (характеризуемого ведением стационарного хозяйства) связано с кризисными явлениями в России в начале XX в. и Октябрьской революцией 1917 г., повернувшей ход исторического развития России на путь невиданного социального эксперимента по ускоренному построению государства нового типа. Особенностью европейского периода истории калмыков является то, что они вместе со всеми народами России настойчиво вращают колесо общей истории, сопряженной с всеобщей мировой.

Материалы и методы

Статья написана на основе опубликованных источников, использованы также имеющиеся сведения и факты из научных трудов по истории развития архивного дела и государственных учреждений России. Основными источниками для освещения рассматриваемой проблемы явились опубликованные различные виды научно-справочного аппарата архивов по составу и содержанию документальных материалов.

При написании статьи авторы руководствовались историческим подходом к источникам по истории прошлого, включая извлечение из него уроков. В формировании объективной, научно обоснованной истории, исследовании ее в широком историческом контексте, защите исторической правды главной опорой служат исторические источники, прежде всего архивные. С этой позиции ориентирами в освещении исследуемой темы явились принципы историзма, объективности. История Калмыкии, формирование ее источниковой базы рассматриваются в контексте истории России, истории ее архивного дела. При этом авторы опирались на факты, документы, их объективный анализ.

Документальные материалы по истории Калмыкии в архивах России

Источниковая база истории Калмыкии в соответствии с особенностями ее периодов отличается разной степенью ее формирования, объемом и сохранностью. Поэтому источники истории указанных периодов отличаются не только разновидностью, но и неравнозначностью по полноте, объему. Исторические источники центрально-азиатского периода представлены в основном летописями, монгольскими историческими хрониками, китайскими письменными материалами, записками путешественников, археологическими памятниками, архивными и опубликованными документами. Имеющиеся исторические источники этого периода не только ограничены — в значительной степени их использование и введение в научный оборот осложняется из-за трудностей языкового барьера, отдаленности (в иных государствах) места нахождения архивохранилищ, библиотек.

Отечественная и зарубежная историография по истории этого периода написана в основном на опубликованных документах и материалах, археологических источниках, летописях, ранних исторических записках и сочинениях, письменных законодательных актах, ранних исторических трудах, литературных произведениях, даже с привлечением эпических сказаний авторами разных времен. Все эти источники различны по времени и месту происхождения, авторству.

Источниковая база истории калмыков европейского периода, в отличие предыдущего периода, принципиально отличается богатством и разновидностью исторических источников. Это, прежде всего, было связано с рядом объективных факторов как внешнего, так внутреннего характера. Вступление ойратов (калмыков) на территорию России (в Северную Азию) совпало с оформлением и укреплением Российского централизованного государства с высшими, центральными и местными государственными учреждениями, выполнявшими в пределах своей компетенции управленческие функции, вплоть до внешнеполитических.

В результате деятельности указанных учреждений складывалась определенная система документирования — приказная, получившая дальнейшее развитие (коллежская, исполнительная системы), а также формировались комплексы составов документов (архивы в «казенках»).

В каждой системе делопроизводства применялись определившиеся разновидности документов (формы документирования — указ, приговор, указная книга, наказ, память, грамота и др., переписка).

Следующей особенностью источниковой основы истории Калмыкии этого периода является степень сохранности исторических источников. В начале

рассматриваемого периода в государственных учреждениях Российского централизованного государства формировались ведомственные архивы государственного уровня, архивы органов местного управления. Затем постепенно документальные материалы этих архивов с целью централизации управления и обеспечения сохранности, использования сосредоточивались в государственных архивохранилищах [Ерошкин 1983; Маяковский 1960; Митяев 1959]. Поэтому значительная часть источниковой базы истории Калмыкии этого времени сохранилась в различных фондах российских государственных архивов.

В немалой степени на формирование и сохранность исторических источников по истории Калмыкии рассматриваемого периода определенную роль оказали внутренние факторы, сложившиеся в результате социально-политического развития калмыцкого народа. Калмыки, двигавшиеся в начале XVII в. по Северной Азии в западном направлении в поисках постоянного ареала обитания, в административно-социальном отношении представляли собой уже обособившийся, самостоятельный социум, объединенный этническим составом, идеологически сплоченный на основе официальной религии — буддизма, со сложившейся определенной социально-политической структурой организации и управления. Это способствовало тому, что в Нижнем Поволжье завершился процесс формирования калмыцкого этнополитического образования в форме кочевого феодального ханства с пирамидальной системой власти.

Кроме того, важнейшим фактором в обогащении источниковой базы истории калмыков явилась богатая письменная их традиция, восходящая к старомонгольской письменности, а также самостоятельное развитие калмыцкого языка на основе созданного великим просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо «ясного письма» («тодо бичиг»).

К этому времени относится создание собственно калмыцких разновидностей документов: договорных — шерти, законодательных — «Цааджин бичиг» («Великое Уложение»), корреспонденции — письма ханов, переписка, делопроизводственная и др.

Проблемы развития взаимоотношений и введения калмыков в состав Российского государства при всем своеобразием являлись составным звеном политики России в Сибири, внешней политики юго-восточного направления. Поэтому калмыцкие вопросы рассматривались и решались на самом высоком государственном уровне — царем и высшим органом государственной власти России — Боярской думой, центральными государственными учреждениями — Посольским приказом, Приказом Казанского дворца и др. Активную роль в этом процессе играли территориально-административные управления — Тобольское (окружное звено) и Тарское (уездное) воеводства, являвшиеся и общегосударственными учреждениями с весьма широкими функциями и полномочиями (гражданскими, военными и т. д.), вплоть до дипломатических (отправка, прием посольств, ведение переговоров и заключение договорных отношений от имени центральной власти).

Документальные материалы, созданные в процессе деятельности этих учреждений, в том числе и по калмыцким делам, и сохранившиеся в ведомственных архивах, в последующем составили соответствующие фонды крупных государственных архивохранилищ, в составе которых отложились и сохранились

документальные материалы и по истории калмыцкого народа. К таким государственным архивам, в которых хранятся документальные источники по истории Калмыкии первых двух этапов ее европейского периода, ныне являются российские государственные архивы: древних актов (РГАДА), внешней политики Российской империи (АВПРИ), исторический архив (РГИА), военно-исторический архив (РГВИА). Помимо этого, источники указанных этапов истории Калмыкии хранятся в отдельных фондах ряда государственных архивов субъектов России: Астраханской, Волгоградской, Омской, Ростовской, Тюменской (Тобольский филиал), Томской областей, Ставропольского края, Республики Башкортостан, а также в некоторых ведомственных архивах (отделениях, институтах РАН) федерального уровня.

В РГАДА имеются более 30 фондов, в которых хранятся исторические источники, содержащие сведения о добровольном вхождении калмыков в состав Российского государства, взаимоотношениях России с калмыками на разных этапах их истории. Кроме фондов (119 — Калмыцкие дела, 122 — Киргиз-кайсацкие дела, 123 — Сношения России с Крымом, 214 — Сибирский приказ, 111 — Донские дела и др.), документы которых широко используются исследователями, в РГАДА имеются и другие комплексы документальных материалов (фонды №№ 16, 32, 62, 102, 133, 134, 158, 248 и др.) с ценнейшими сведениями по истории Калмыкии раннего времени европейского периода. В архиве имеется научно-справочный аппарат по составу фондов: путеводитель в 4 томах, изданных в 1991, 1992, 1997 и 1999 гг., а также по содержанию первичных комплексов, что в значительной степени облегчает работу исследователей по выявлению источников по истории Калмыкии.

Следующим крупнейшим российским государственным архивом, в фондах которого отложились документальные источники в основном второго этапа европейского периода истории Калмыкии, выступает РГИА. Он располагает более 30 фондами со значительными массивами XX в. К таким его фондам относятся: 379 — Департамент государственных имуществ Министерства финансов, 380 — Плановый архив Министерства земледелия (МЗ), 381 — Канцелярия МЗ, 383 — Первый департамент Министерства государственных имуществ (МГИ), 384 — Второй департамент МГИ, 386 — Управление южными поселениями МЗ, 395 — Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики МЗ, 396 — Департамент государственных земельных имуществ МЗ, 468 — Кабинет е. и. в. МИД, 485 — Государственная коллегия иностранных дел, 490 — Петергофское дворцовое управление, 733 — Департамент народного просвещения МНП, 796 — Канцелярия Святейшего Синода, 797 — Канцелярия обер-прокурора Синода, 821 — Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, 1276 — Совет министров, 1281 — Совет министра внутренних дел, 1284 — Департамент общих дел МВД, 1286 — Департамент полиции МВД, 1290 — Центральный статистический комитет, 1291 — Земский отдел МВД, 1341 — Первый департамент Сената, 1374 — Канцелярия генерал-прокурора Сената, 1405 — Министерство юстиции и др. Документы многих фондов этого архивохранилища исследователями истории Калмыкии фактически еще не использованы, не введены в научный оборот.

Особую ценность представляет своеобразный научный справочник, подготовленный и изданный в Берлине (1988 г.) немецким ученым Д. Шорковицем,

в котором отражены состав и содержание документов, хранящихся в РГИА и архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН; в период подготовки и публикации — Ленинградское отделение Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР) в Санкт-Петербурге, по этнографии калмыков, бурят и монголов. Это издание охватывает документальные источники только по этнографии указанных народов [Schorkowitz 1988]. Однако в подобранных и опубликованных им документальных источниках не отражается этнография калмыков первого (военного) этапа европейского периода истории калмыцкого народа. Следует признать, что это не упущение исследователя Д. Шорковица. В архивах, к сожалению, не сохранились исторические источники, характеризующие походный быт, пищу, одежду повседневную, рабочую — как мужскую, так и женскую. Естественно, не только быт и пища, но и одежда калмыка-воина, сопровождения в военных походах отличалась от одежды скотовода, рыбака на отхожих промыслах, ремесленника. Это подтвердилось на Первой международной выставке исторических и современных костюмов и их принадлежностей, проходившей в 1902 г. в Санкт-Петербурге [Каталог костюмов 1902: 1–2].

Ценнейшие документальные источники по истории калмыцкого народа рассматриваемого периода хранятся в отдельных фондах АВПРИ (2 — Внутренние коллежские дела, 10 — Духовные дела, 99 — Трухменские дела, 103 — Азиатские дела, 112 — Дела татар едиссанских, ембулцких и буджацких, 113, 119 — Калмыцкие дела, 129 — Салтанаульские дела и др.).

В более чем в 10 (26, 29, 103, 131, 138, 331, 395, 414, 474, 489, 2006, 2007 и др.) фондах Российского государственного военно-исторического архива содержатся богатейшие материалы по военной истории калмыцкого народа. В них сохранились ценнейшие документальные источники по участию калмыков в Отечественной войне 1812 г., в том числе и в Бородинском сражении в составе донских казачьих полков и артиллерийских батарей. В документах многих фондов этого архива имеются сведения об активном участии калмыков в составе донских казачьих военных частей в Первой мировой войне, а также данные о награжденных калмыках-казаках Георгиевскими крестами и медалями, полных Георгиевских кавалерах, об офицерах-калмыках, об их подвигах и награждениях. В документах некоторых фондов этого архива содержатся ценнейшие сведения о призыве волжских калмыков на военно-тыловые работы в годы Первой мировой войны.

Однако документальные материалы многих фондов указанных государственных архивохранилищ, содержащие сведения по истории калмыцкого народа, до сих пор не используются исследователями из-за недостаточной их осведомленности о составе фондов, отсутствия доступа к научно-справочному аппарату по содержанию, поскольку они не переведены в электронный формат.

Отметим, что если по истории монголоязычных народов периода позднего Средневековья государственные архивохранилища России, Археографическая комиссия, Императорская Академия наук опубликовали в XIX – начале XX в. заметное количество документальных сборников [Акты 1836–1838; Акты 1841–1842; Дополнения к актам 1846–1872; Акты 1863–1892; Материалы по истории 1974; Материалы по истории 1996; Материалы по истории 2000; По-

сольские книги 2003], то по истории этих народов Нового времени подобные публикации фактически прекращены. Выезд и работу периферийных исследователей осложняет серьезная проблема, связанная с финансовыми возможностями научных учреждений.

Исторические источники по истории третьего этапа (характеризующегося ведением стационарного хозяйства) европейского периода истории Калмыкии принципиально отличаются от источников предыдущих этапов множеством разновидностей (опубликованные и архивные документы, кинофотодокументы, периодическая печать, мемуары), объемом комплексов и документов, сохранностью. Они отложились и сохранились в таких крупнейших архивохранилищах федерального уровня, как Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД), Российский государственный военный архив (РГВА).

Ценнейшие документальные исторические источники по истории Калмыкии имеются также в фондах ведомственных архивов федерального уровня: Архиве Президента Российской Федерации, Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), Главном информационном центре МВД Российской Федерации (ГИЦ МВД РФ), Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ).

Одним из государственных архивов России, в фондах которого хранятся в значительном объеме ценнейшие исторические источники по истории Калмыкии, является Государственный архив Российской Федерации. По данным цифровой информации описей фондов ГА РФ, в его многочисленных фондах имеется более 230 фондов с документальными материалами по истории Калмыкии с 1663 по 2006 гг., которые в текущем делопроизводстве были сформированы в более трех тысячах первичных комплексов. По заявке Национального архива Республики Калмыкия сотрудники ГА РФ провели огромную, кропотливую работу по выделению оцифрованных описей по истории Калмыкии в отдельную группу. В настоящее время в ГА РФ эта работа по выявлению сведений по составу и содержанию первичных комплексов в некоторых фондах, содержащих ценные документы, продолжается.

В фондах ГА РФ вообще сосредоточены документы, освещающие трудные, сложные вопросы истории России, в том числе и ее субъектов. В первую очередь к ним относятся: Р-9526 — Управление уполномоченного при СНК (Совмина) СССР по делам репатриации, Р-9408 — Отдел проверочно-фильтрационных лагерей, Р-9478 — Главное управление по борьбе с бандитизмом и дезертирством НКВД–МВД СССР, Р-9401 — Секретариат НКВД–МВД СССР, Р-9414 — Главное управление лагерей НКВД–МВД СССР. Кроме указанных фондов, предстоит включить в эту электронную опись фонды: 1319 — Калмыцкое представительство при Наркомнаце РСФСР. 1921–1922 гг.; 1320 — Калмыцкое представительство при ВЦИКе. 1919–1922 гг.; 1327 — Калмыцкий отдел при Наркомнаце РСФСР 1918–1920 гг. В этих фондах хранятся наиболее ценные документальные источники, раскрывающие сложные периоды истории

Калмыкии не только первых лет советской власти, но и военных времен Великой Отечественной войны.

Ныне богатством документальных материалов по истории Калмыкии новейшего времени выделяется РГАСПИ. В его фондах имеются документы не только структурных подразделений ЦК РСДРП, ВКП(б), КПСС, но и областной партийной организации Калмыкии.

Бесценное документальное богатство Калмыкии хранится в ее государственном архиве, по праву являющемся богатейшей кладовой исторической науки, где исследованием занимаются отечественные и зарубежные ученые. В его 1 550 фондах, в том числе одном уникальном и 48 особо ценных, находятся 446 588 единиц хранения, охватывающих период с 1713 г. по настоящее время. Помимо этого, Национальный архив республики располагает уникальной библиотекой, фонд которой составляют 12 тыс. печатных изданий с 1763 г. по настоящее время и около 3 тыс. экземпляров журналов и газет.

В последние годы в Национальном архиве республики проводится работа по облегчению доступа к хранящимся источниковым материалам и работы исследователей. В этих целях создаются электронные образы документальных источников, на сайте представлен реестр описей, ведется подготовка по их размещению.

В целях пополнения источниковой базы истории Калмыкии периода депортации Национальный архив республики установил деловые связи по конкретным предложениям с государственными архивами ряда областей и краев страны.

Значительный объем документальных материалов по истории Калмыкии различных ее периодов отложился и хранится в государственных архивах некоторых субъектов России. В этом отношении особенно можно выделить Государственный архив Астраханской области, располагающий не только ценнейшими историческими источниками по истории Калмыкии, но и современными информационными справочниками по составу и содержанию фондов, первичных комплексов документов.

В фондах государственных архивов Республики Татарстан, Ростовской, Волгоградской, Саратовской, Новосибирской, Сахалинской, Омской, Оренбургской, Тюменской областей, Ставропольского, Краснодарского, Красноярского, Алтайского краев, Республики Хакасии, Ханты-Мансийского автономного округа содержатся документальные источники — различные по видам, происхождению и содержанию. Помимо этого, в государственных архивах Казахстана и Киргизии хранятся документальные источники по отдельным вопросам истории калмыцкого народа. Однако в годы Великой Отечественной войны, депортации калмыков значительный урон был нанесен сохранности документальных и вещественных источников по их истории.

Таким образом, история калмыцкого народа, Калмыкии, разных ее периодов располагает весьма обширной источниковой базой, состоящей из различных видов документальных материалов, разных по происхождению и содержанию. В контексте постепенных сдвигов в общественной жизни в последние десятилетия сложились благоприятные условия для работы исследователей истории. В государственных архивах многие фонды рассекречены, издаются документальные сборники, совершенствуется и становится доступным научно-справочный

аппарат. Однако выявление документов, введение их в научный оборот, использование при исследовании истории Калмыкии весьма затруднены. Поэтому в истории Калмыкии до сих пор имеются существенные пробелы, «белые пятна». Одной из основных причин этого, во-первых, является рассредоточенность имеющихся документальных источников истории калмыцкого народа, Калмыкии по многим весьма отдаленным от республики архивохранилищам; во-вторых, исследователи не располагают информацией о составе и содержании фондов и первичных комплексов из-за отсутствия электронного научно-справочного аппарата во многих указанных архивохранилищах. Поэтому выезды исследователей Калмыкии в региональные государственные архивы весьма ограничены, поскольку требуют длительного времени и значительных финансовых расходов.

Эту сложную проблему можно было бы разрешить при финансовых возможностях с помощью краевых и областных государственных архивов путем заказа им оцифровать выявленные документы или хотя бы составить электронные описи единиц хранения фондов, сгруппированные по Калмыкии, а также обзоры фондов, содержащих документы по истории калмыцкого народа. Помимо этого, государственные архивы могут оказать большую помощь исследователям Калмыкии не только расширением сети научно-справочного аппарата, но и введением в научный оборот документальных источников по истории Калмыкии — по примеру Государственного архива Новосибирской области [[Депортированные 2018](#)] путем издания сборников документов по определенным признакам (тематическому, хронологическому и др.). Существенную помощь в исследовании истории Калмыкии, хотя бы отдельных ее вопросов, могут оказать местные историки этих краев и областей. В этом отношении заслуживают благодарности народа историки Красноярского края, Ханты-Мансийского автономного округа [[Зберовская 2010](#); [Серазетдинов, Иванов 2007](#)].

Неоценимую помощь в пополнении источниковой базы истории Калмыкии оказала Республика Татарстан. Согласно договору о сотрудничестве между государственными архивами обеих республик, в 2020 г. произведен обмен копиями документов на электронном носителе. Так, Государственный архив Татарстана передал Национальному архиву Калмыкии электронные образы документов по истории калмыцкого народа, содержащих сведения со второй половины XVIII в. до начала XX в.

По-прежнему сохраняются трудности с доступом к документам архивов местных органов ведомственных учреждений федерального уровня. К тому же они фактически не издадут документальных сборников, лишь в отдельных субъектах России опубликованы списки людей, подвергшихся политическим репрессиям в ходе массового террора в 1930-х гг., списки военнопленных и без вести пропавших в период Великой Отечественной войны граждан, призванных местными военкоматами.

С открытием доступа к ранее засекреченным документам, отходом исторической науки от идеологических штампов появились значительные возможности для объективного, полного исследования истории Калмыкии, восполнения отдельных ее страниц. Однако это, несомненно, зависит от беспристрастности, профессионализма, ответственности исследователя. В формировании объективной истории, в исследовании ее в более широком историческом контексте, во

всестороннем изучении исторического явления главной опорой служат архивные материалы, документы, факты. Эти мысли отнюдь не новы, они постоянно декларировались письменно и устно. Но далеко не всегда некоторые историки в познании прошлого, освещении отдельных исторических событий следуют указанным ориентирам. В результате на страницах книг, научных изданий появляются исторические материалы с грубыми фактическими ошибками. К примеру, вызывает недоумение и множество вопросов статья «Калмыцкие формирования вермахта» в фундаментальном энциклопедическом труде «Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943» (6-е издание, дополненное) [Сталинградская битва 2015]. Название статьи — преподнесенное во множественном числе, надуманное и тенденциозное, хотя речь должна была идти на основании источников об одном подразделении батальонного звена — Verband. Помимо этого, в этой же статье сознательно или по незнанию допущена существенная неточность относительно того, что «калмыки первыми из всех восточных союзников Германии официально получили признание, и немцы придали калмыцким формированиям статус союзной армии» [Сталинградская битва 2015: 292]. По публикациям, документам общеизвестно, что калмыцкое подразделение батальонного звена, являвшееся неоднородным по национальному составу, никогда не имело так называемого статуса «союзнического войска», и фашисты его к таковым не причисляли. Союзные войска Германии, как пишет немецкий историк Рольф-Дитер Мюллер, «принимали участие в военных кампаниях по приказу своих правительств <...> Они подчинялись своим властям и военному руководству, преследовавшим в ходе военных действий свои национальные интересы» [Мюллер 2012: 130].

Можно еще назвать из таких «исследований» работы одного из авторов, «специализировавшегося» по истории калмыцкого народа периода Великой Отечественной войны. Автор многочисленных книг, доктор филологических и кандидат исторических наук Б. В. Соколов, видимо, имея цель очернить историю народа, в своих отдельных трудах, не ссылаясь на источники или субъективно интерпретируя отдельные документы, не подвергая компаративному анализу, пишет всякую небылицу о калмыках [Соколов 2002]. Всякие вымыслы в подобных трудах, может быть, будут пресекаться ныне (30 июля 2021 г.) созданной Президентом Российской Федерации Комиссией по противодействию попыткам фальсификации истории. Ей вменены в обязанность не только историческое просвещение, но и препятствование «попыткам фальсификации исторических фактов». К тому же внесенное дополнение в Конституцию России о том, что «умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается», должно привести к повышению чувства ответственности, добросовестности исследователей, недопущению произвольной трактовки истории народов полиэтничного государства.

В настоящее время, видимо, и неслучайно поднимается вопрос о качестве подготовки историков, обращается особое внимание на развитие аналитических навыков, наработку опыта критического осмысления информации, источниковедческого и компаративного анализа и т. д. Министерство образования и науки России, Российское историческое общество, Федеральное архивное агентство намерены принять меры к притоку в науку историков-профессионалов высокого класса [Нарышкин 2021].

Заключение

Исследователи истории Калмыкии располагают богатейшей источниковой базой, в которой имеются еще не поднятые пласты новых источников. Имеющиеся проблемы с выявлением этих новых источников, организацией использования исследователями ныне вполне разрешимы. Введение их в научный оборот на основе сложившихся современных концептуальных подходов позволит дополнить и переработать трехтомную историю Калмыкии с древнейших времен до наших дней, изданную в 2009 г., а также создать новые труды, объективно, научно и обоснованно освещающие прошлое калмыцкого народа.

Литература

- Акты 1836–1838 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией императорской академии наук. Т. 1–4 (1294–1700 гг.). Т. 1: 1294–1598. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. 548 с.; Т. 2: 1598–1613. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. 394 с.; Т. 3: 1613–1645. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. 496 с.; Т. IV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. 128 с.
- Акты 1841–1842 — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1–5 (1334–1700 гг.). СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. Т. 1: 1334–1598. СПб., 1841. VIII, 551 с.; Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841. IV, 438 с.; Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. III, 501 с.; Т. 4: 1645–1676. СПб., 1842. III, 565 с.; Т. 5: 1676–1700. СПб., 1842. III, 539 с.
- Акты 1863–1892 — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1–15 (1361–1659 гг.). Т. 1. 1361–1598. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1863. 326 с.; Т. 2. 1599–1637. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1865. 312 с.; Т. 3. 1638–1652. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1861. 772 с.; Т. 4. 1657–1659. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1863. 294 с.; Т. 5. 1659–1665. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. 346 с.; Т. 6. 1665–1668. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. 296 с.; Т. 7. 1657–1663. 1668–1669. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1872. 422 с.; Т. 8. 1668–1669. 1648–1657. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1873. 442 с.; Т. 9. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1877. 542 с.; Т. 10. (дополнение к III тому). СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1878. 470 с.; Т. 11. 1672–1674. Прибавления. 1657. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1879. 456 с.; Т. 12. 1675–1676. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1882. 480 с.; Т. 13. 1677–1678. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1884. 420 с.; Т. 14. (Дополнение к III тому). СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1889. 528 с.; Т. 15. 1658–1659. (Дополнение к IV тому). СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1892. 278 с.
- Депортированные 2018 — Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство: Сб. документов / сост.: О. В. Выдрин, И. В. Самарин. Новосибирск: ГКУ НСО «Государственный архив Новосибирской области», 2018. 199 с.
- Дополнения к актам 1846–1872 — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. 1–12 (1334–1700 гг.). Т. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. 446 с.; Т. 2. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. 308 с.; Т. 3. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. 572 с.; Т. 4. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. 452 с.; Т. 5. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. 540 с.; Т. 6. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. 518 с.; Т. 7. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 400 с.; Т. 8. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. 372 с.; Т. 9. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1875. 380 с.; Т. 10. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. 516 с.; Т. 11. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. 332 с.; Т. 12. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1872. 423 с.
- Ерошкин 1983 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.

- Зберовская 2010 — *Зберовская Е. Л.* Спецпоселенцы в Сибири (1940–1950-е гг.). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2010. 179 с.
- Каталог костюмов 1902 — Каталог костюмов астраханских калмыков на состоящей под Августейшим покровительством Ея императорского высочества Великой княгини Ксении Александровны, Первой международной выставке исторических и современных костюмов и их принадлежностей в Санкт-Петербурге. Издание Управления калмыцким народом. Астрахань: Тип. П. С. Цейхенштейна, 1902. 38, XX с.
- Материалы по истории 1959 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1606–1636: Сборник документов / ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов, сост.: Л. М. Гаттауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
- Материалы по истории 1974 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654: Сборник документов / ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов, сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Наука, Вост. лит., 1974. 469 с.
- Материалы по истории 1996 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685: Сборник документов / ред. Н. Ф. Демидова, сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 559 с.
- Материалы по истории 2000 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691: Сборник документов / ред. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2000. 487 с.
- Маяковский 1960 — *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М.: ГАУ СССР, 1960. 338 с.
- Митяев 1959 — *Митяев К. Г.* История и организация делопроизводства в СССР / под ред. А. В. Чернова; М-во высш. образования СССР, Моск. гос. ист.-архивный ин-т. М.: [б. и.], 1959. 359 с.
- Мюллер 2012 — *Мюллер Р.-Д.* На стороне вермахта. Иностранцы пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1940–1945 гг. / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2012. 301 с.
- Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. / сост.: И. М. Рогожин, М. М. Батмаев; Ин-т Рос. истории РАН; КИГИ РАН; Рос. гос. архив древн. актов. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 315 с.
- Нарышкин 2021 — *Нарышкин С. Е.* Кого учит история. Высшее историческое образование в современных условиях: проблемы и перспективы [электронный ресурс] // Российская газета. 2021. 01 августа. № 172 (8523) // URL: <http://rg.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoy-nauki-iavliaetsia-poisk-pervoprichin-socialnyh-iavlenij.html> (дата обращения: 01.10.2021).
- Серазетдинов, Иванов 2007 — *Серазетдинов Б. У., Иванов А. С.* История повседневной жизни калмыков на Югорской земле в военное лихолетье 1941–1945 гг. Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. 208 с.
- Соколов 2002 — *Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-Пресс Кн., 2002. 349 с.
- Сталинградская битва 2015 — Сталинградская битва Июль 1942 – февраль 1943 г. 6-е изд., доп. / редкол.: М. М. Загоруйко (гл. ред. и рук. авт. коллектива) [и др.]. Волгоград: Издатель, 2015. 805 с.
- Schorkowitz 1988 — *Schorkowitz D.* Die ethnohistorischen Archivadokumente zu den Kalmücken, Burjaten und Mongolen des Zentralstaatlichen Geschichtsarchives (CGIA) und des Institutsarchives für Ethnographie (AIE) in Leningrad (= Этноисторические документы по калмыкам, бурятам и монголам Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) и Архива института этнографии (АИЭ) в Ленинграде). Berlin: Harrassowitz, 1988. 278 s.

References

Acts Collected across Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vols. 1–4 (1294–1700). St. Petersburg:

- H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1836–1838. Vol. 1 (1294–1598), 548 p.; vol. 2 (1598–1613), 394 p.; vol. 3 (1613–1645), 496 p.; vol. 4 (1645–1700), 128 p. (In Russ.)
- Acts of History Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vols. 1–5 (1334–1700). St. Petersburg: Expedition of Storing State Papers, 1841–1842. Vol. 1 (1334–1598), VIII, 551 p.; vol. 2 (1598–1613), IV, 438 p.; vol. 3 (1613–1645), III, 501 p.; vol. 4 (1645–1676), III, 565 p.; vol. 5 (1676–1700), III, 539 p. (In Russ.)
- Acts Related to the History of Southern and Western Russia Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vols. 1–15 (1361–1659). St. Petersburg: E. Pratz, 1863–1892. Vol. 1 (1361–1598), 326 p.; vol. 2 (1599–1637), 312 p.; vol. 3 (1638–1652), 772 p.; vol. 4 (1657–1659), 294 p.; vol. 5 (1659–1665), 346 p.; vol. 6 (1665–1668), 296 p.; vol. 7 (1657–1663), 422 p.; vol. 8 (1668–1669), 442 p.; vol. 9, 542 p.; vol. 10 (Addendum to Vol. 3), 470 p.; vol. 11 (1672–1674. Addenda to the Year 1657), 456 p.; vol. 12 (1675–1676), 480 p.; vol. 13 (1677–1678), 420 p.; vol. 14 (Addendum to Vol. 3), 528 p.; vol. 15 (1658–1659. Addendum to Vol. 4), 278 p. (In Russ.)
- Addenda to Acts of History Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vols. 1–12 (1334–1700). Vol. 1. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1846. 446 p. Vols. 2–12. St. Petersburg: E. Pratz, 1846–1872. Vol. 2, 308 p.; vol. 3, 572 p.; vol. 4, 452 p.; vol. 5, 540 p.; vol. 6, 518 p.; vol. 7, 400 p.; vol. 8, 372 p.; vol. 9, 380 p.; vol. 10, 516 p.; vol. 11, 332 p.; vol. 12, 423 p. (In Russ.)
- Gattaullina L. M., Golman M. I., Slesarchuk G. I. (comps.) Russian-Mongolian Relations, 1606–1636: Historical Materials. Collected documents. I. Zlatkin, N. Ustyugov (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 352 p. (In Russ.)
- Golman M. I., Slesarchuk G. I. (comps.) Russian-Mongolian Relations, 1636–1654: Historical Materials. Collected documents. I. Zlatkin, N. Ustyugov (eds.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1974. 469 p. (In Russ.)
- Mayakovskiy I. L. Archival Affairs in the USSR: Historical Essays. Moscow: USSR Chief Archival Directorate, 1960. 338 p. (In Russ.)
- Mityaev K. G. The Soviet Records Management System: History and Administrative Structure. A. Chernov (ed.). Moscow, 1959. 359 p. (In Russ.)
- Müller R.-D. An der Seite der Wehrmacht. Hitlers ausländische Helfer beim “Kreuzzug gegen den Bolschewismus”, 1941–1945 [The Unknown Eastern Front: The Wehrmacht and Hitler’s Foreign Soldiers]. V. Altukhov (transl.). Moscow: ROSSPEN, 2012. 301 p. (In Russ.)
- Naryshkin S. E. Who learns from history. University education in history under current conditions: Problems and prospects. On: Rossiyskaya Gazeta (website). 2021, August 1. No. 172 (8523). Available at: <http://rg.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoi-nauki-iavliaetsia-poisk-pervoprichin-socialnyh-iavlenij.html> (accessed: October 1, 2021). (In Russ.)
- Rogozhin I. M., Batmaev M. M. (comps.) Ambassadorial Books on Relations between Russia and the Kalmyk Khanate, 1672–1675. Collected documents. Elista: Dzhangar, 2003. 315 p. (In Russ.)
- Schorkowitz D. Die ethnohistorischen Archivadokumente zu den Kalmücken, Burjaten und Mongolen des Zentralstaatlichen Geschichtsarchives (CGIA) und des Institutsarchives für Ethnographie (AIE) in Leningrad. Berlin: Harrassowitz, 1988. 278 p. (In Germ.)
- Serazetdinov B. U., Ivanov A. S. Kalmyks in Yugra Land during the Harsh War Years, 1941–1945: A History of Household Life. Surgut: Surgut State University, 2007. 208 p. (In Russ.)
- Slesarchuk G. I. (comp.) Russian-Mongolian Relations, 1654–1685: Historical Materials. Collected documents. N. Demidova (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 559 p. (In Russ.)
- Slesarchuk G. I. (ed.) Russian-Mongolian Relations, 1685–1691: Historical Materials. Collected documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 487 p. (In Russ.)

- Sokolov B. V. The Nazi Occupation: Truths and Myths. Moscow: AST-Press, 2002. 349 p. (In Russ.)
- The First St. Petersburg International Exhibition of Historical and Contemporary Costumes and Accessories under the Auspices of Grand Duchess Xenia Alexandrovna of Russia: A Catalogue of Costumes of Astrakhan Kalmyks. Kalmyk People's Executive Department. Astrakhan: P. Zeichenstein, 1902. 38, XX p. (In Russ.)
- Vydrina O. V., Samarin I. V. (comps.) Deported Kalmyks in Novosibirsk Land: Resettlement and Living Arrangements. Collected documents. Novosibirsk: State Archive of Novosibirsk Oblast, 2018. 199 p. (In Russ.)
- Yeroshkin N. P. A History of Government Agencies in Pre-Revolutionary Russia. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Vysshaya Shkola, 1983. 352 p. (In Russ.)
- Zagorulko M. M. et al. (eds.) The Battle of Stalingrad, July 1942 – February 1943. 6th ed., suppl. Volgograd: Izdatel, 2015. 805 p. (In Russ.)
- Zberovskaya E. L. Special Settlers in Siberia, 1940s–1950s. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2010. 179 p. (In Russ.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-197-211

Сюжетосложение песен «Джангара» из эпического репертуара джангарчи Телтя Лиджиева

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Манджиева Б. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Исследование эпического сюжета песен эпоса «Джангар» поздней традиции является одной из актуальных задач современного джангароведения. Аудиозаписи двенадцати песен Т. Лиджиева, зафиксированные Н. Ц. Биткеевым в 1970 г., были расшифрованы для всестороннего изучения эпической традиции, бытовавшей во второй половине XX в. *Целью* настоящей статьи является рассмотрение вопросов сюжетосложения двух песен джангарчи Телтя Лиджиева и введение в научный оборот неизданных песен из эпического репертуара сказителя. *Материалом исследования* являются тексты песен джангарчи Телтя Лиджиева: «Алтн Чееж Жаңһр хойрин бээр бэрлден бөлг» («Песнь о битве Джангара с Алтан Чеджи»), «Дуутхулын ач Дуутын көвүн Аля Монхля Жаңһрин түмн нээмн миңһн цусн зеерд агт көөгсн бөлг» («Песнь о том, как сын Дуты Аля Монхля угнал восемнадцатитысячный табун кроваво-рыжих скакунов»). *Результаты.* Песни не взаимосвязаны между собой, каждая является самостоятельной поэмой, раскрывающей одну сюжетную линию; общими являются персонажи, локализация событий в пространстве и во времени, определенная эпическая эпоха и государство с властелином во главе. Отличительной особенностью «Песни о битве Джангара с Алтан Чеджи» является отсутствие в ней пролога, что обусловлено сюжетом самой песни, повествующей о времени до образования бумбайского государства и провозглашения Джангара правителем Бумбы. В сравнении с песнями Ээлян Овла тексты песен Телтя Лиджиева заметно сократились, однако, несмотря на уменьшение количества стихотворных строк, эпический сюжет, состоящий из отдельных законченных эпизодов, сохраняется в полном объеме.

Ключевые слова: эпос «Джангар», традиция, эпический репертуар, джангарчи, песня, текст, сюжет, мотив, богатырь

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Сюжетосложение песен «Джангара» из эпического репертуара джангарчи Телтя Лиджиева // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 197–211. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-197-211

Epic Repertoire of Jangarchi Telya Lidzhiev: Plot Structures Reviewed

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Mandzhieva B. B., 2022

Abstract. *Introduction.* Exploration of plots from late epic narratives is an urgent task of contemporary Jangar studies. A total of twelve epic texts (audiotapes) recorded by N. Bitkeev from jangarchi T. Lidzhiev in 1970 were transcribed for comprehensive insights into the mid-to-late epic-telling tradition. *Goals.* The article aims at considering plot structures of two narratives recorded from jangarchi Telya Lidzhiev and introducing the unpublished texts into scientific circulation. *Materials.* The explored epic narratives are as follows: The Song of How Jangar [Bogdo] Came to Grips with Altan Cheeji; The Song of How Alya Monkhylya, the Son of Duta, Raided Eighteen Thousand Blood Red Horses from Jangar [Bogdo]. *Results.* The narratives are not interconnected, each being an independent poem manifesting one certain plot ‘move’. The common elements are characters, localization of events in space and time, a certain epic era and domain ruled by its Khan. The Song of How Jangar [Bogdo] Came to Grips with Altan Cheeji is distinguished by that it contains no prologue which results from the plot proper deals with the era to have preceded the emergence of Bumba and Jangar’s enthronement. As compared to texts of Eelyan Ovla, Telya Lidzhiev’s songs are notably reduced. However, despite the decreased number of poetic lines, the epic plot structure consisting of separate complete episodes is preserved in full.

Keywords: Epic of Jangar, tradition, epic repertoire, jangarchi, song, text, plot, motif, hero

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Mandzhieva B. B. Epic Repertoire of Jangarchi Telya Lidzhiev: Plot Structures Reviewed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 197–211. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-197-211

Введение

В джангароведении рассмотрению проблем сюжетосложения героических песен «Джангара» посвящены труды А. Ш. Кичикова [Кичиков 1976; Кичиков 1992], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2015; Неклюдов 2019], Э. Б. Овалова [Овалов 1977; Овалов 2004; Овалов 2008], Н. Ц. Биткеева [Биткеев 1980; Биткеев 1982; Биткеев 1990], Т. Г. Борджановой [Борджанова 1990; Борджанова 2004], Н. Б. Пюрвеевой [Пюрвеева 2003], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006], Д. В. Убушиевой [Убушиева 2011; Убушиева 2020], Ц. Б. Селеевой [Селеева 2018; Селеева 2019а; Селеева 2019б] и др.

Выдающиеся сказители передавали свое искусство следующему поколению — своим воспитанникам и последователям. Песни «Джангара» были зафиксированы в разное время: два ранних цикла — Малодербетовский и Багацохуровский — зафиксированы в середине XIX в.; начиная с XX в. были записаны песни у известных джангарчи: Бадмы Обушинова — 1901 г., Ээлян Овла — в 1908 г., Мукебюна Басангова — 1940 г., Давы Шавалиева — 1939 г.

В годы Великой Отечественной войны и в период насильственной депортации калмыцкого народа в районы Урала, Сибири и Средней Азии в 1943–1957 гг. собирательская и экспедиционная работа калмыковедов была прервана. Возобновилась она только после восстановления автономии Калмыкии и возвращения калмыков на родину. Так, учеными Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне — Калмыцкий научный центр РАН) в 1960–1980-х гг. были проведены научные экспедиции по всем районам Калмыкии. Аудиоматериалы этих экспедиций хранятся в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН. Среди фольклорных материалов 1970-х гг. имеется запись джангарчи Телтя Лиджиева, зафиксированная Н. Ц. Биткеевым в июне 1970 г. в совхозе «Эрдниевский» Юстинского района Калмыцкой АССР [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 106–109 (97–100)].

Аудиозаписи песен Т. Лиджиева были расшифрованы автором данной статьи в 2018–2020 гг. Целью настоящей статьи является рассмотрение вопросов сюжетосложения песен джангарчи Телтя Лиджиева и введение в научный оборот неизданных песен из эпического репертуара сказителя. Материалом исследования являются тексты песен: «Алтн Чееж Жаңһр хойрин бээр бэрлдсн бөлг» («Песнь о битве Джангара с Алтан Чеджи») [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 106 (97)], «Дуутхулын ач Дуутын көвүн Аля Монхля Жаңһрин түмн нээмн миңһн цусн зерд агт көөгсн бөлг» («Песнь о том, как сын Дуты Аля Монхля угнал восемнадцатитысячный табун кроваво-рыжих скакунов») [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 107 (98)].

«Песнь о битве Джангара с Алтан Чеджи»

В калмыцком героическом эпосе «Джангар» содержится часть, предваряющая все эпические повествования, которую джангарчи называют *орил* (пролог). Пролог, являясь традиционным слагаемым калмыцкого героического эпоса «Джангар», имеется в Малодербетовском (1862 г.) и Багацохуровском (1853–1862 гг.) циклах, в эпических репертуарах джангарчи Ээлян Овла (1908–1909 гг.), Давы Шавалиева (1939 г.), Телтя Лиджиева (1970 г.), в песнях Насанки Балдырова (1966 г.) и Бадмы Обушинова (1901) (см.: [Манджиева 2021: 127]).

Пролог эпоса «Джангар», изображая картину мирной жизни бумбайского государства, подготавливает слушателя к развитию эпического действия. Таким образом пролог представляет уже сформировавшееся эпическое государство Бумбу. Однако в «Песне о битве Джангара с Алтан Чеджи» джангарчи Телтя Лиджиева пролог отсутствует [Жаңһр 1978, 1: 354–359; НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 106 (97)], что определено сюжетом самой песни и продиктовано тем, что эпическое действие происходит в то время, когда еще не образовалось бумбайское государство.

Согласно сюжету песни, пятилетний Джангар был захвачен в плен Бёке Мён-ген Шигширги. Опасаясь будущего великого предназначения юного богатыря, Шигширги отправляет его на верную гибель — угнать пятимиллионный табун Алтан Чеджи. Шигширги, заведомо зная, что во время угона табуна Джангара настигнет стрела Алтан Чеджи, отправляет юного богатыря в поход, чтобы избавиться от него. Алтан Чеджи, обладающий даром ясновидения предвидит, что Джангар покорит его в семилетнем возрасте. Однако, «если в шесть лет посягнуть он посмел, наверное, будет моим», Алтан Чеджи отправляется в погоню за угонщиком и, увидев Джангара стреляет в него, стрела попадает в основание позвоночника. Раненного Джангара к Шигширги доставляет его конь аранзал Зерде. Старый богатырь приказывает изрубить мальчика на мелкие куски и скормить курам и собакам, а сам отправляется в путь. Когда Зандан Герел хатун собралась исполнить наказ мужа, Хонгор вступился за Джангара и, заслонив его собой, обратился к матери с просьбой извлечь стрелу. Так, Зандан Герел, мать Хонгора, по просьбе-мольбе сына извлечь стрелу из тела смертельно раненого Джангара, исцеляет малолетнего героя [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 106 (97)].

В мотиве чудесного исцеления, встречающемся в архаическом эпосе, Зандан Герел характеризуется как высоконравственная женщина, ибо только чистая душой и помыслами могла совершить этот обряд. Мать Хонгора посредством перешагивания через тело мальчика спасает его от смерти. «Мотив перешагивания воплощает архаичный мотив усыновления — так, по древнему обычаю женщина, совершившая этот обряд, становилась матерью, поэтому Хонгор и Джангар становятся братьями (побратимами), сыновьями Зандан Герел, соответственно, их отцом становится Шигширги» [Манджиева 2020: 328].

Исцелившийся Джангар и его спаситель Хонгор прекращают вражду между Шигширги и Алтан Чеджи. Как предсказывал мудрец Алтан Чеджи, Джангар закладывает основы государственного объединения: *Төр шажн хойран хартан авсн / Цолан дуудулж бээдг.* ‘Державу и веру в руки свои взяв, / Власть (букв. титул) свою провозгласил’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 106 (97)]. Таким образом мотив побратимства показывает один из путей создания централизованного государства через установление родственных и побратимских связей. Впоследствии «Калмыцкий Джангар — это ... „вселенский“ монарх, имеющий дружину эпических воинов, в ряды которой более мелкие удельные владыки вступают добровольно, утрачивая таким образом свою самостоятельность, или же принудительно, потерпев поражение в войне (дальнейшее развитие темы „вассалитет через побратимство“). Здесь, по существу, получают завершение некоторые фабульные линии, связанные с „централизаторским“ пафосом героического эпоса» [Неклюдов 1984: 103].

Ниже приводится расшифровка аудиозаписи, записанной Н. Ц. Биткеевым в июне 1970 г. Расшифровка осуществлена автором статьи и впервые вводится в научный оборот.

Алтн Чееж Жаңһр хойрин бээр бэрлдсн бөлг

- Бөк Мөңгн Шигшрг
 Алдр нойн Жаңһриг шинжлэд,
 «Эн нарн дорк эмтиг
 Эзлх күн билтэл, — гиж, —
- 5 Эрт хорах,
 Үнгиг Алтн Чеежин тавн сай
 Көк һалзн аду көөхлө,
 Алтн Чееж үүг
 Көк кивр саадгар
- 10 Хаж хорах», — гиж санад,
 Мордулсн юмн.
 Арнзл Зеердэн унад,
 Алдр нойн Жаңһр
 Һурвн долан хонгт гүүлгэд,
- 15 Эгл мөрнө хурднд
 Эмэлиннь энд-тенд тусад йовна.
 Дүүвр далан көвэд идшлж йовсн
 Тавн сай көк һалзн адуг
 Догдлулад көөһэд һарв.
- 20 Мөрнө дегд хурднд
 Дел сүл хойрасни
 Биив ятхин дун һарад,
 Деернь һарсн тоосн
 Оһтрһуд хадад йовна.
- 25 Һурвн долан хонгт
 Көөһэд о[р]ксн цагтнь
 Агсг уланан тохулад,
 Байн Күңкән Алтн Чееж:
 «Эн Жаңһр ода зурһатадан ирж,
- 30 Мини аду көөхлө,
 Мини болх билтэл», — гиж,
 Алң шинжлж
 Ардаснь көөж һарв.
 Зер-зевән авад,
- 35 Күцж, һурвн һол һатцас ха[һа]д о[р]кснд
 Көк киивр саадг
 Һолдни күрн тусв.
 Киисн гисн бийни,
 Арнзл авад һарад одв.
- 40 Бөк Мөңгн Шигширгин
 Хашр мөңгн үүднд авч ирэд буулһв.
 Бөк Мөңгн Шигширг
 Хурдн харан тохад:
 «Эн көвүг чавчад,

- 45 Така ноха хойрт
Хайж өг», — гийэд,
Мордад нарв.
Арднь
Бөк Мөңгн Шигширгин хатн
- 50 Көвүг хорлн гисн цагт
Өср Улан Хоңһр:
«Үүгиг алхла,
Намаг чигн ал!» — гийэд,
Деернь киисэд бээв.
- 55 Тиигэд: «Хэрин баатрин сумиг
Хэрү тач авч ас», — гиж
Экэн ээрв.
Үнн седклэр <нрзб> йовсн
Зөв эргэд,
- 60 Хурв алхад о[р]ксн цагт
Хээрм баатрин сумн
Хэрү нарад одчкад,
Шархин амн деерни
Торад бээһэд бээве.
- 65 — Ода эн яһсн энв? — гиж,
Өср Улан Хоңһр сурхла,
Хоңһрин эк:
— Кезэнэ гү сааж йовад,
Нег гүн ажрһ хойр харһжасинь үзснд
- 70 Нарлго бээдг биз, — гийэд,
Намчлад, хурв алхад оркхла,
[Сумн] хэрү өсрэд нарв.
Хоңһр Жаңһр хойр
Ү-хэ боллдад,
- 75 Күчтэ арзин сүүр боллдад,
Суусн цагтнь,
Удан болад,
Бөк Мөңгн Шигширг ирлго бээхлөг,
Хатн дуудулж авад,
- 80 Келн бээнэ:
«Шигширгтн дегэд удан болв,
Үкс гиж мордтн нааһаснь», — гихлэ,
Арнзл Зеерд Көк һалзн хойриг унад,
Гүүлгэд күрэд ирхлэ,
- 85 Шилтэ Шигширгиг күлэд авад,
Көтлж нарч йовсн цагла,
Хойр таласнь йовад ирхлэ,
«Хоңһр Жаңһр хойр харһсн хөөн
Орж өгх зөвтэ», — гийэд
- 90 Байн Күңкэн Алтн Чееж

- Келн бээнэ.
 Ода һурвн баатр
 Күлгүдэн сөөһөд,
 Ү-хэ боллдад суув.
 95 — Эн нарт делкэд эзлх
 Ик гидг күчтэ хан болж суух,
 Барун бийнь ахлж суухнь
 Байн Күңкән Алтн Чееж болж
 Би суухв,
 100 Зүн бийнь ахлж суухнь
 Зүүдн Улан Хонһр болж суух,
 Нарт делкэ кевтни эзлж,
 Йиртмжд хад мет батрж,
 Орчлңгин ар бийд
 105 Мандлж бээх, — гиж
 Йөрэл тэвэд,
 Агсг Уланан унад,
 Эврәнни нутг темцэд һарв.
 Арднь Эср Улан Хонһр,
 110 Жаңһр Шигширгтәһән үлдж,
 Хэрү ирж буув.
 Эсрң [иргч жилнь орсн цагт],
 Түвин дөрвн хаани күүк холад,
 Нарн үд хойран хоорнд бээдг
 115 Ном Төгс хаани
 Арвн зурһата
 Аһ Шавдлан залад,
 Үзң Алдр хаани көвүн
 Үйин өнчн Жаңһр
 120 Төр шажн хойран һартан авсн
 Цолан дуудулж бээдг.

«Песнь о том, как сын Дуты Аля Монхля угнал восемнадцатитысячный табун кроваво-рыжих скакунов»

Завязкой песни «Дуутхулын ач Дуутын көвүн Аля Монхля Жаңһрин түмн нээмн миңһн цусн зеерд агт көөгсн бөлг» («Песнь о том, как сын Дуты Аля Монхля угнал восемнадцатитысячный табун кроваво-рыжих скакунов») [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 107 (98)] является прибытие богатыря-антагониста на пир Джангара. Сильный и уверенный в безнаказанности своих действий, богатырь-антагонист бросает вызов Джангару и угрожает угоном табуна Джангара: *Эзн нойн Жаңһр, / Эрвң делтә, / Эгц сүүттә, / Цусн зеерд агтыг / Көөс гиж ирләв, / Арһта залу болхла, / Ардасм некәд авхч, / Арһ уга [залу] болхла, / Аһ Шавдлыннь өврт кевтхч!* ‘Властитель, нойон Джангар, / С развевающимися гривами, / С ровными хвостами / Кроваво-рыжий табун твой, / Чтобы угнать, явился я. / Если ты способный мужчина — / Погнавшись, отбери, / Если не

способен на это, / С ага Шавдал своей рядом лежи!» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 107 (98)]. В героическом эпосе «Джангар» мотив угона табуна обусловлен тем, что «лошадь для монгола имела важное военное и экономическое значение и представляла особую ценность: богатство и статус кочевника определялись количеством его лошадей» [Селеева 2018: 101].

Оцепеневшие от неожиданности богатыри приходят в себя, когда Джангар призывает их пуститься в погоню и вернуть табун, ибо «этот позор не смыть никогда!». Но ясновидец Алтан Чеджи советует Джангару отправиться в погоню со всеми шестью тысячами двенадцатью воинами, потому что если не сразиться всей богатырской ратью, то Аля Монхля — лучший из богатырей Гюмбе Цаган нойона, прославившийся «в ста странах храбростью», «в шести сторонах богатырской силой» — может уйти. Джангар, следуя совету Алтан Чеджи, вместе с богатырями немедленно пускается в погоню.

Согласно сюжету песни, первым в схватку с антагонистом Аля Монхля вступает богатырь Савар, но силы оказываются неравными, и он терпит поражение. Следующим нападает на врага Строгий Смуглый Санал, однако скакун противника, увернувшись от удара, спасает Аля Монхлю, который ответным ударом своей секиры выводит богатыря из строя.

В конце песни описывается заключительный поединок богатыря Хонгора с противником Аля Монхля. После испытания сил ведущих богатырей (в изучаемой песне — Савара и Санала) в поединок вступают главные противники — ханы, однако если герой (Хонгор) получает разрешение у своего хана, то он наделяется еще и его статусом, силой и могуществом. Поэтому Хонгор в поединке с главным богатырем противника Аля Монхля одерживает победу. Песня завершается пленением и клеймением богатыря-антагониста Аля Монхля, возвращением угнанного табуна в бумбайскую страну и пиром во дворце Джангара.

Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «в центральноазиатском фольклоре бесчисленные стада и табуны составляют богатства героев, их описание передает идею безбедного существования, их исчезновение свидетельствует о несчастье, их угон входит в ядро эпического конфликта, а их возвращение означает восстановление гармонического миропорядка» [Неклюдов 2019: 456–457].

Признание побежденного врага подданными бумбайской страны является завершением развития действия. Конфликт разрешен, утраченный табун Джангара возвращен, эпическая песня завершается картиной пира.

В сравнении с односюжетной песней «Арг Улан Хонһр Дуутхулын ач Дуутын көвүн Аля Моңхляг бэргсн бөлг» («Песнь о том, как Улан Хонгор Прекрасный пленил Аля Монхлю, внука Дутхулы, сына Дуты») джангарчи Ээлян Овла, состоящей из 590 стихотворных строк, текст Телтя Лиджиева заметно сократился до 167 строк. В тексте Телтя Лиджиева отсутствуют экспозиционная часть и такие традиционные типические места, как «ловля коня», «привод», «седлание», «произнесение благопожелания (йөрэл)», «описание знамени», — сказитель сразу же переходит к теме «преодоление пути», которая описывается посредством мотива богатырских скачек.

Ниже приводится расшифровка аудиозаписи, записанной Н. Ц. Биткеевым в июне 1970 г. Расшифровка осуществлена автором статьи и впервые вводится в научный оборот.

Дуутхулын ач Дуутын көвүн Аля Монхля
Жаңһрин түмн нээмн миңһн цусн зеерд агт көөгсн бөлг

- Эңгдэн долан дунһру күцж суусн,
Дүүвр хар арзин сүүр дунд,
Нээрин сээһэр нээрлж,
Жирһлин икэр жирһж суусн,
5 Хэр һазрин хату ик баатр ирэд,
Эзн Жаңһрин
Шухр мөнгн үүднд
Хээкрж келж бээнэ:
— Эзн нойн Жаңһр,
10 Эрвң делтэ,
Эгц сүүлтэ,
Цусн зеерд агтыг
Көөс гиж ирлэв,
Арһта залу болхла,
15 Ардасм некэд авхч,
Арһ уга [залу] болхла,
Аһ Шавдлыннь өврт кевтхч! — гиж,
Нэрхн цаһан дууһар хээкрж.
Нээрлж бээсн баатрмуд
20 Нээрэн мартн, цуглрад,
Олнд уга сээхн бээшңгд
Деерэсни авн
Девскүр күртлэн чичрэд одв.
Эн юн шулм ирв гихв,
25 Эзн нойн Жаңһр:
— Агтан көөлһнэ гисн
Алдршго му нерн,
Өмн болсн
Арвн хойр бодң минь,
30 Ардасни некий! — гижэнэ.
Тиигхләни,
Байн Күңкән Алтн Чееж келин бээнэ:
— Шарин зурһан миңһн
Арвн хойр бийэри
35 Эс көөлдхлә,
Алдрад одх ик күчтэ, — гижэнэ.
— Дуутхулын ач, — гижэнэ, —
Дуутын көвүн, — гиж[энэ], —
Гюмб Цаһан нойна бодңгин эрки баатр,
40 Зун орнд зөрмгәри туурсн,
Зурһан орнд бээсн чидләри туурсн күн, — гижэнэ.
Шарин зурһан миңһн
Арвн хойр бийэри

- Күлгүдэн тус-тустни тохв.
- 45 Күүкн Күрң Һалзнга
Күнд Һарта Савр
Күлгинни амнд татж,
Жаңһрас сурж йовна:
— Аля Монхляг эргүлтл,
- 50 Урлда тэвий, — гив.
«Зөв», — гиснд,
Тав болсн
Күрң Һалзн күлг
Тавн берә һазр өсрэд тусв.
- 55 Арднь эн оln баатрин күлгүд
Иигж сээхн гүүдләрн цүврлдэд одв.
Булиңһрин көвүн Санлын
Хурдн Буурл мөрн бас
Күүкн Күрң Һалзна дару йовна.
- 60 Күүкн Күрң Һалзнга
Күнд Һарта Савр
Аля Монхляг күцэд бараһинь авад ирв.
Түмн нээмн миңһн
Цусн зеерд агтас
- 65 Төрүн юм салһлго [көөж] йовна.
Ардан йовсн Күнд Һарта Савриг
Шинжлн йовна:
«Күрң Һалзн күлгин тоосн билтэл,
Күнд Һарта Савр билтэл,
- 70 Эн бидн хойр
Ода харһх саам боллта билү», — гиж йовтльн,
Күнд Һарта Савр
Күрңгин шүрүһәр ирэд,
Әв балтар цокснд,
- 75 Аля Монхлян күлг
Альвни догшн болад,
Алдн цокад ирв.
Ардаснь көк киивр саадгар хаснд
Көлднь күрн тусв,
- 80 Киисн гисн бийни,
Күрң авад һарад одв.
Ардасни
Булиңһрин догшн Хар Санл
Буурл Һалзнаннь шүрүн сээхн хурдар
- 85 Күцж ирв.
Кесгәс нааран һарһад уга
Киитн хар шоран авад,
Күчтә баатр Монхляг
Күрэд шаав.

- 90 Күлг бийни арһар
Киитн хар шорд хухчад,
Аля Монхля
Алтн жолаһан эргүләд,
Булиңһрин Догшн Хар Санлыг
- 95 Өв балтар цокв.
Санлын тавн ухань тарад,
Буурлыннь дел теврэд,
Эжго эрм цаһан көдө хэләһэд,
Һарч одв.
- 100 Шарин зурһан миңһн
Арвн хойр бийәрн күцәд ирв.
Арслңгин Өср Улан Хоңһр
Келн йовна:
— Эдү дүнгө үүлд
- 105 Нанд нег күрч армдх зөв
Хәэрн болтн, — гив.
— Зөв, — гив.
Элдү сәэхн Көкәрн күцәд,
Алдл уга шүүрүләд,
- 110 Келн йовна:
— Алдл уга шүүрүлич
Аль туссн һазртн
Алтн бәэрн шар цоохр армдм күргич,
Эс авдм болхла,
- 115 Эн эзн, нойн Жаңһрини
Сүр үзл уга одсв.
Хөөт төрлдән
Эрлг номин хаана засгла харһхв, — гиж
Андһарлж йовна.
- 120 Эрвлзсн Көкнь
Аля Монхля деер
Өлкәдәд киисәд одв.
Өср Улан Хоңһр нег көләрн
Көгдл мөңгн көвчг ишкәд,
- 125 Нег көләрн
Көкин омрун деер ишкәд,
Аля Монхляг
Арслңгин сәэхн күлгтәһинь
Өргәд авб,
- 130 Эргж йовад,
Шарин зурһан миңһн
Арвн хойр баатртан хаяд өгв.
Тәкл болсн дөрвн мөчинь
Келкә болһж
- 135 Сәэр деернь күләд,

- Арслңгин сээхн күлгиннь ар сээр деер
 Ханзһлад авб.
 Түмн нээмн миңһн
 Цусн зеерд агтыг
 140 Хэрү эргүлэд,
 Шарин зурһан миңһн
 Арвн хойр бийэрн
 Шаргж ирж буув.
 Эзн нойн Жаңһр
 145 Нээмн келтэ
 Нээжр мөнгн ширэ деер сууһад,
 Аля Монхляг
 Көл-һаринь сулдхад:
 «Күлэ бийни тээлтн», — гиж бээнэ.
 150 Күчтэ баатр Аля Монхля
 Көл һарини сулдхад орулхла,
 Жаңһрин боднгудыг
 Арвань алхад,
 Тавань ташад,
 155 Барун бийднь һарч суув.
 Арз хорзын сүүр боллдад,
 Аман халад ирсн цагт,
 Күнд һарта Савр босад,
 Барун халхднь
 160 Бамбин улан альхар цокв.
 Барун халхинь ташхла,
 «Жаңһра» гисн тамһ
 Зүн ээм деер һардг бээж.
 Тегэд арднь,
 165 Эмнг гүүдин үсн,
 Элвг арзин сүүр
 Амрад, жирһэд бээв.

Заклучение

Рассмотрение вопросов сюжетосложения песен джангарчи Телтя Лиджиева показало, что песни не взаимосвязаны между собой, каждая является самостоятельной поэмой, раскрывающей одну сюжетную линию, общими являются «персонажи цикла, локализация событий в пространстве и во времени, определенная эпическая эпоха и эпическое государство с эпическим владыкой во главе» [Неклюдов 2015: 22]. Отличительной особенностью «Песни о битве Джангара с Алтан Чеджи» является отсутствие в ней пролога, что обусловлено сюжетом самой песни, повествующей о времени до образования бумбайского государства и провозглашения Джангара правителем Бумбы. В сравнении с песнями Ээлян Овла тексты Телтя Лиджиева заметно сократились, однако, несмотря на уменьшение стихотворных строк, эпический сюжет, состоящий из отдельных законченных эпизодов, сохраняется в полном объеме.

Источники

НА КалмНЦРАН. Ф. 16. Оп. 1. Кассета № 106–109 (97–100) — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кассета № 106–109 (97–100). Аудиозапись песен джангарчи Телтя Лиджиева. Запись осуществлена Н. Ц. Биткеевым, место записи: совхоз «Эрдниевский» Юстинского района Калмыцкой АССР. 1970 г. Расшифровка аудиозаписи песен Б. Б. Манджиевой.

Sources

Kalmyk Heroic Epic of Jangar. Field-collected epic narratives (songs). At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 16. Cat. 1. Audiotapes no. 106–109 (97–100). Rec. by N. Bitkeev from jangarchi T. Lidzhiev in Erdnievsky sovkhos farm (Yustinsky District, Kalmyk ASSR), 1970. Transcr. by B. Mandzhieva. (In Kalm.)

Литература

- Биткеев 1980 — *Биткеев Н. Ц.* Сюжетная структура «Джангара» (Композиция эпического повествования калмыцких и монгольских джангарчи) // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: мат-лы Всесоюз. науч. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1978 г.). М.: Наука, 1980. С. 220–228.
- Биткеев 1982 — *Биткеев Н. Ц.* Поэтическое искусство джангарчи: эпический репертуар Ээлян Овла. Певец и традиция. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 96 с.
- Биткеев 1990 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.
- Борджанова 1990 — *Борджанова Т. Г.* Сюжетные функции жанров обрядовой поэзии в эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: тезисы докладов и сообщ. междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 августа 1990 г.) / отв. ред. Н. Ц. Биткеев. Элиста: КИОН АН СССР, 1990. С. 58–59.
- Борджанова 2004 — *Борджанова Т. Г.* Песня о Шара Гюргю в разновременных записях // «Джангар» в евразийском пространстве (к 200-летию первой публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар»): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 27 сентября – 2 октября 2004 г.). Элиста: КалмГУ, 2004. С. 39–41.
- Жаңһр 1978 — Жаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1. 441 с.; Т. 2. 417 с. (На калм. яз.).
- Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 156 с.
- Манджиева 2020 — *Манджиева Б. Б.* Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2020. № 3. (54). С. 322–334.
- Манджиева 2021 — *Манджиева Б. Б.* Малодербетовский цикл «Джангара»: текстология и поэтика в контексте эпической традиции калмыков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2021. 49 с.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Неклюдов 2015 — *Неклюдов С. Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 212 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Овалов 1977 — *Овалов Э. Б.* Поэма о поражении свирепого Хара Киняса в эпосе «Джангар»: Основные образы и поэтические особенности. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 78 с.
- Овалов 2004 — *Овалов Э. Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 183 с.

- Овалов 2008 — *Овалов Э. Б.* Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 304 с.
- Селеева 2018 — *Селеева Ц. Б.* Тематическая структура эпоса «Джангар»: калмыцкая версия Ээлян Овла и ее синьцзян-ойратские соответствия: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. 489 с.
- Селеева 2019а — *Селеева Ц. Б.* Функционально-семантические особенности типических мотивов в сюжете синьцзян-ойратской версии «Джангара» // Новый филологический вестник. 2019. № 4. С. 53–64.
- Селеева 2019б — *Селеева Ц. Б.* «Героическое сватовство» в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура // Новый филологический вестник. 2019. № 2. С. 65–78.
- Убушиева 2011 — *Убушиева Д. В.* Песня «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова (к вопросам текстологии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 168–173.
- Убушиева 2020 — *Убушиева Д. В.* Мотив одиночества в ранних циклах эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2020. № 3. С. 55–62.
- Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.

References

- Bitkeev N. Ts. Jangarchi and Poetic Creativity: Eelyan Ovla's Epic Repertoire Revisited. The Talteller and Tradition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1982. 96 p. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar: Typologizing Versions from Different Countries. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. Plot structure of the Jangar: Essentials of epic narratives inherent to Kalmyk and Mongolian jangarchis. In: The Jangar and Epic Poetic Traditions of Turco-Mongols. Conference proceedings (Elista; May 17–19, 1978). Moscow: Nauka, 1980. Pp. 220–228. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Genres of ritual poetry in the Epic of Jangar: Plot functions reviewed. In: Bitkeev N. Ts. (ed.) The Jangar and Issues of Epic Poetics. Conference proceedings (Elista; August 22–24, 1990). Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences (USSR Acad. of Sc.), 1990. Pp. 58–59. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. The Song of Shara Gürgü: Analyzing narratives recorded in different periods. In: The Jangar in Eurasian Contexts. Jubilee conference proceedings (Elista; September 27 – October 2, 2004). Elista: Kalmyk State University, 2004. Pp. 39–41. (In Russ.)
- Kalmyk Heroic Epic of Jangar. Texts of 25 epic narratives. Moscow: Nauka — GRVL, 1978. Vol. 1, 441 p.; vol. 2, 417 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle (Comparative Insights into National Versions). Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of University Education, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: Exploring Issues of Historical Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 156 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Plot motifs in jangarchi Telya Lidzhev's epic repertory. *The New Philological Bulletin*. 2020. No. 3 (54). Pp. 322–334. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Baga Dorbet Cycle of the Jangar: Textual Essentials and Poetics in the Context of the Kalmyk Epic Tradition. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Maykop, 2021. 49 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Epic — Bookish and Oral Ones. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)

- Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Poetics of Epic Narration: Space and Time. Moscow: Forum, 2015. 212 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Epic of Jangar and Its Versions: Traditions of Plot and Style. Elista: Dzhangar, 2008. 304 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Epic of Mongols: Typology of Motifs and Plots. Elista: Dzhangar, 2004. 183 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. The Song of How Khara Kines the Furious Was Defeated (Epic of Jangar): Key Images and Poetic Features. Elista: Kalmykia Book Publ., 1977. 78 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. 'Heroic matchmaking' in Xinjiang-Oirat version of 'Dzhangar': Story construction and compositional structure. *The New Philological Bulletin*. 2019. No. 2. Pp. 65–78. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Functional and semantic features of typical motifs in the plot of Xinjiang-Oirat version of 'Dzhangar'. *The New Philological Bulletin*. 2019. No. 4. Pp. 53–64. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Thematic Structure of the Jangar: A Kalmyk Version of Eelyan Ovla and Its Xinjiang Oirat Analogues. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2018. 489 p. Available at: http://imli.ru/images/Diss_2017_Seleeva/Seleeva-2017-Disser-full.pdf (accessed: December 24, 2021). (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Song 'About the Battle of the Epical Hero Ulan Khongr with Avlangi Khan' recorded from the Don Kalmyk B. D. Obushinov. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2011. No. 1. Pp. 168–173. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. The motif of loneliness in the early cycles of the Jangar epic. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series 'Epic Studies'*. 2020. No. 3. Pp. 55–62. (In Russ.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-212-222

Маркеры этничности в песнях бурят о Чингис-хане

Людмила Санжибоевна Дампилова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дампилова Л. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В данной статье легенды, предания и песни о Чингис-хане, записанные в экспедициях по Бурятии, Монголии и Китаю, анализируются в сравнении с архивными и опубликованными материалами. *Целью* работы является выявление отличительных особенностей в фольклорных текстах о Чингис-хане в разной языковой и этнической среде. В связи с вопросом о возрождении национального самосознания все более актуальны исследования об особенностях этнической культуры. *Методы.* Впервые в компаративном аспекте рассматриваются локальные варианты песен бурят о Чингис-хане. Для выявления этнических маркеров применяется семантический контекстный анализ. *Результаты.* В статье рассмотрены песни о Чингис-хане как локального, так и общемонгольского значения. Песни о родственной связи с Чингис-ханом и прародине бурят Наян-Нава имеют локальное, узко племенное значение и связаны с историей хори-бурят. Песни с мотивом о погоне имеют параллели с сюжетами общемонгольских топонимических легенд. Известная монгольским народам песня «Два скакуна богдо» (*Богдын хоёр загал*) восходит к монгольской средневековой литературе, к «Повести о двух скакунах Чингис-хана». Песни рассмотрены в сравнении с преданиями, легендами и памятником «Сокровенное сказание монголов». *Заключение.* Контекстное сравнение песен о Чингис-хане с преданиями и письменными памятниками выявляет скрытый глубинный пласт в семантике текста. В песнях бурят России и Монголии определены древние истоки мотива о родственной связи с Чингис-ханом, восходящие к исторической родине. У шэнээнских бурят Автономного района Внутренняя Монголия (Китай) установлена сохранность аутентичного материала в изолированной среде, у монгольских бурят определены трансформация и заимствование песен в близкой этнической культуре. Также констатируется исчезновение песен о Чингис-хане у современных бурят России. В целом сравнительный анализ песен бурят о легендарном полководце доказывает их создание на исторической родине в России и сохранность как в иноэтнической (китайской) среде, так и в родственной (монгольской) среде.

Ключевые слова: шэнээнские буряты, монгольские буряты, песни, предания, полевые материалы, архивные записи, трансформация, этносоциальные процессы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Для цитирования: Дампилова Л. С. Маркеры этничности в песнях бурят о Чингис-хане // Монголоведение. 2022. Т. 14. №. 1. С. 212–222. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-212-222

Buryat Songs about Genghis Khan: Tracing Ethnicity Markers

*Liudmila S. Dampilova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6 Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Dampilova L. S., 2022

Abstract. *Introduction.* The article analyzes legends and songs about Genghis Khan recorded in expeditions across Buryatia, Mongolia and China — to further compare them with related archival and published materials. *Goals.* The work aims at identifying distinctive features inherent to folklore texts dealing with Genghis Khan in different linguistic and ethnic environments. The issue of revival of ethnic consciousness actualizes insights into ethnic culture and its peculiarities. *Methods.* The paper is first to consider local versions of Buryat songs about Genghis Khan in a comparative aspect. Semantic contextual analysis proves instrumental in revealing ethnic markers. *Results.* The article discusses songs about Genghis Khan of both local and general Mongol significance. Songs about kinship with Genghis Khan and the ancestral homeland of Buryats — Nayan Nava — have a local and specifically tribal meaning being connected to the history of the Khori Buryats proper. Songs with a motif of chase contain parallels with plots of all-Mongol toponymic legends. The song titled ‘Two Steeds of Bogdo’ (Bur. *Bogdyn hoyor zagal*) and known among the Mongolic peoples dates back to the Mongolian medieval literature — The Tale of Two Steeds of Genghis Khan. The songs are examined in comparison with legends and The Secret History of the Mongols. *Conclusion.* Contextual analysis of songs about Genghis Khan along with legends and The Secret History reveals a hidden deep layer in the semantics of texts. The songs of Russia and Mongolia’s Buryats identify ancient roots of the motif of kinship with Genghis Khan that date back to the historical homeland. The Shinehen Buryats of the Inner Mongolia Autonomous Region (China) have shown a perfect preservation of authentic materials in an isolated environment, while Mongolia’s Buryats experienced a transformation and song borrowings in the close ethnic culture. The paper also concludes there are virtually no such songs about Genghis Khan among modern Buryats of Russia. In general, the comparative analysis of Buryat songs about the legendary warlord proves those had been created in their historical homeland of present-day Russia to be further preserved both in the alien (China) and kindred (Mongolia) ethnocultural environments.

Keywords: Shinehen Buryats, Buryats of Mongolia, songs, legends, field materials, archival records, transformation, ethnosocial processes

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 ‘Peoples of the Baikal Region: Exploring Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts’.

For citation: Dampilova L. S. Buryat Songs about Genghis Khan: Tracing Ethnicity Markers. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 212–222. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-212-222

Введение

Сегодня в этнической Бурятии особо востребованы и обсуждаются известные исторические имена общемонгольского значения. Это связано как с вопросом об этнической идентичности, так и с процессами «демонстрации собственной самобытности и исторической значимости своих народов» [Этнический... 2012: 60].

В экспедициях по Бурятии, Монголии и Китаю нами записано множество легенд, преданий и песен, связанных с именем Чингис-хана. Целью данной работы является установление этнического компонента в фольклорных текстах, выявление отличительной особенности опубликованных, архивных и полевых материалов о Чингис-хане, записанных у бурят России, Монголии и Китая. Актуальным представляется отражение в фольклорных жанрах вопросов, связанных с генеалогией и биографией Чингис-хана, как части этнической истории монгольских народов.

Методы анализа

Впервые в отечественной фольклористике в сравнительном аспекте устанавливается связь песенного репертуара о Чингис-хане монгольских и российских бурят с легендами и преданиями монгольских народов. В сравнительном анализе фольклорных материалов учитывается этнотерриториальный аспект исследования, ибо распространение вербальной культуры монгольских народов тесно зависит как от территориальных, так и племенных, генеалогических связей. Не менее востребованным является семантико-герменевтический анализ фольклорных материалов, записанных в разное время и в разной языковой среде.

Мотив родства в песнях о Чингис-хане

Связь рода Чингис-хана с древней историей земли Баргуджин-Тукум явилась поводом для появления многочисленных легенд, преданий и песен. В Баргузинской долине Бурятии распространены рассказы о том, что с этой земли начался род Чингис-хана, и именно отсюда его первопредки — Борте-Чино и Гуа-Марал. В связи с тем, что монгольские племена (баргуты, хорчины) откочевали с Баргузинской долины, также существуют разные версии преданий о том, что на земле своих первопредков был похоронен Чингис-хан, поэтому монголам было велено на 300 лет покинуть этот край как запретную зону [ПИМА 2003: Бадмаев].

Зачастую поводом для подобных устных историй с ложной этимологией является основной письменный источник по истории монгольских народов, свидетельствующий о том, что древние монголы были связаны с территорией Прибайкалья: «Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море)» [Сокровенное сказание 1990: 12–13]. Озеро Байкал называлось Тенгис-мурен.

Не менее продуктивной для распространения устной прозы и песен оказалась история первопредка борджигинов Добун-Мергена, вступившего в брачную связь с представительницей земли Баргуджин-Тукум: «А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергена, владельца Кол-баргучжин-догунского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергена, нойона Хори-Туматского. Названная же Алан-гоа и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергена от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности

Арих-усун» [Сокровенное сказание 1990: 13]. Известно, что хори-туматская земля входила в состав страны Баргуджин-Токум, которая территориально совпадала с современной Бурятией.

На эту тему монгольские буряты племени хори сохранили и поют старинную песню «Тэмуджин»:

<i>Хубахан шэхэтэй хааралхан</i>	‘С маленькими ушками буланый
<i>Хулжажса л ябаһаар морин болоо,</i>	Убегая, конем стал,
<i>Хорожо л үдэнэн Тэмүжэмнай,</i>	Прячась, выросший Тэмуджин наш
<i>Хоротоноо даражса баатар болоо.</i>	Врагов подавляя, богатырем стал.
<...>	
<i>Бугахан түхэлтэй хааралхан</i>	На олененка похожий буланый
<i>Бууралхан гүүнэй унаган юмэ,</i>	Седой кобылицы жеребенок,
<i>Буряадхан гарбалай Шэнгэс хаамнай</i>	Имеющий бурятское происхождение Чингис-хан наш
<i>Баруунхан хуасайн зээ юмэ.</i>	Приходится внуком [роду] <i>баруун хуасай</i> .
<i>Хубахан шэхэтэй хааралхан</i>	С маленькими ушками буланый
<i>Хулахан гүүнэй унаган юмэ,</i>	Саврасой кобылицы жеребенок,
<i>Хорихон гарбалай Шэнгэс хаамнай</i>	Имеющий хоринское происхождение Чингис-хан наш
<i>Холохон Боржогоной хүбүүн юмэ.</i>	Приходится сыном дальнему [роду] <i>борджигин</i> ’.
	[ПМА 2012: Алтанцэцэг]
	(Перевод здесь и далее Л. С. Дамтиловой)

Что знаменательно, эта песня не только рассказывает о нелегком становлении Чингис-хана героем по известным фактам из «Сокровенного сказания», но дает дополнительные локальные сведения, что Алан-гоа из племени хори, рода хуасай. Это уточнение доказывает, что песня создана хоринскими бурятами. Здесь в качестве этнически обозначенных маркеров можно выделить характерные для монгольских народов родословные предания и генеалогические карты, которые веками запоминались и устно передавались из поколения в поколение. В «этнокультурной панораме» имеет особое значение локальный характер данной песни, «известно, что локальность традиционной культуры — важнейший фактор ее развития» [Андреева 2014: 7].

Трафаретная для монгольских и бурятских песен параллельная конструкция, сравнивающая Чингис-хана и его коня, раскрывает одинаковый мотив пути сироты до хана и строптивного жеребенка — до богатырского коня. Песня восходит к известному формульному выражению монголов: *Дархан дор хүлэг, дахан дор эр* ‘Под воином скакун, под шубой — мужчина’. Особенность формульных выражений в том, что они маркируют «традиционные смыслы и создают ту действительность, которая воспевается в песнях» [Мальцев 1989: 63].

В сборниках исследователя и собирателя бурятских песен в советское время Д. С. Дугарова нет сведений об этой песне. Современные российские буряты хоринского происхождения помнят песни о своих родовых богатырях, но песни про Чингис-хана не сохранились. Может быть, в экспедициях в советское время боялись записывать песни про Чингис-хана, а со временем они забылись? Что

удивительно, в монгольской экспедиции 1967 г. в Булганский, Селенгинский аймаки Монголии (*1967 онд Сэлэнгэ, Булган аймагт явсан шинжлэгээний ангийн цуглуулга*) методом сплошного сбора записано более семидесяти исторических, религиозных, революционных песен и гимнов, и нет среди них ни одной песни о Чингис-хане [Архив МШУА ХЗХ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 1–19]. Поэтому большой удачей была найденная в архиве Ц. Жамцарано «Чингисова песня», записанная у хоринских бурят в 1906 г., с традиционным мотивом охоты и с упоминанием о родственной связи:

<i>Набшахан доохонуур гүйгөөшэ,</i>	‘Под листьями скачущий
<i>Наршихан дуутай инзаган,</i>	Тонкоголосый олененок,
<i>Нахигар газар харбагша</i>	Во впадине стреляющий
<i>Манай Чингис хурайха!</i>	Наш зять Чингис!’

[Жамцарано 1906]

Песню можно расшифровать только в контексте предыдущей песни и преданий о Чингис-хане. Текст доказывает, что хоринские буряты издавна пели песни о своем именитом зяте. Скорее всего, вариант монгольских бурят привезен с исторической родины. Буряты Хэнтэйского аймака Монголии, ныне живущие на родине Чингис-хана, поют песни, маркируя свои близкие отношения как с великим ханом, так и со всем монгольским народом. Большое количество халха-монголов причисляет себя к роду борджигин, в связи с чем тенденцию выявления своих корней и особенно родственной связи с великой личностью можно считать особенностью менталитета.

Прародина бурят Наян-Нава

Одной из самых обсуждаемых и как будто связанной с именем Чингис-хана считается песня хоринских бурят о земле Наян-Нава, откуда вернулись хоринские буряты после военных походов с чингисидами. Буряты России, Монголии и Китая одинаково поют распространенный вариант песни:

<i>Наян, Наян, Наялай,</i>	‘Наян, Наян, Наялай
<i>Наян-Наваа минии гү?</i>	Наян-Нава моя ли?
<i>Заян, Заян, Заялай,</i>	Заян, Заян, Заялай,
<i>Заян-Наваа минии гү?</i>	Заян-Нава моя ли?
<i>Байдан, Байдан Байдалай,</i>	Байдан Байдан Байдалай,
<i>Байдан-Его минии гү?</i>	Байдан-Его моя ли?’

[ПМА 2012: Алтанцэцэг]

Немного измененный вариант этой песни *Наян, Наян, Наян лэ, Заян, Заян, Заян лэ, Заян Наваа минии гү?* ‘Наян, Наян, Наян ли, Заян, Заян, Заян ли, Заян Нава моя ли?’ записан Б. Барадиным в начале XX в. и приводится в его исторической драме «Великая сестрица — шаманка» (*Ехэ удаган абжаа*) [Барадин 1999: 70].

Ядро песни во всех версиях в основном состоит из географических названий обетованной земли. По основному мотиву песни сочинены более эмоциональные, психологически развернутые куплеты. Следующий текст распространен у монгольских бурят:

<i>Заян, Заян, Заялай</i>	‘Заян, Заян, Заялай
<i>Заянаймнай нютаг лэ.</i>	Предопределенная судьбой наша родина.
<i>Заян, Наваа хоёрнай</i>	Заян и Нава
<i>Жааханаймнай аянга.</i>	Нашего детства мелодия.
<i>Байдан, Байдан, Байдалай</i>	Байдан, Байдан, Байдалай
<i>Бааханамнай нютаг лэ.</i>	Нашего детства родина.
<i>Байдан Его хоёрнай</i>	Байдан и Его
<i>Бааханамнай аянга.</i>	Нашего детства мелодия’.

[ПМА 2012: Алтанцэцэг]

Этот вариант песни поют и российские буряты, так что смело можно утверждать, что песня привезена с исторической родины. В последние годы особый интерес вызвали поиски земли Наян-Нава на Ближнем Востоке, с попыткой связать ее с именем внука Чингис-хана Хулуг-хана. Б. Р. Зориктуевым тщательно проанализировано данное предположение и достоверно доказано, что «хоринцы в XIII веке в составе монгольских войск на Тигре и Евфрате не были, следовательно, иракский топоним Найнава, которому Ц. Ц. Доржин, приспособившая к названию песни „Наян-Нава“, придал форму Наи-нава, никто к Байкалу не приносил» [Зориктуев 2020: 14].

Подобные истории, связанные с легендарным именем, распространенные не только в народных преданиях и легендах, но и в научной литературе, еще раз доказывают актуальность темы о Чингис-хане как этническом маркере. Следует подчеркнуть, что в бурятских оригинальных песнях о Чингис-хане отмечены моменты, подразумевающие, «что запоминанию подлежат (фиксируются механизмами коллективной памяти) исключительные события» [Лотман 2000: 364]. Также вероятно, что, связывая поиски исторической родины с именем Чингис-хана, буряты еще раз подчеркивают свою этническую близость с родственным монгольским народом.

Мотив погони в преданиях и песне о Чингис-хане

В современном фольклоре бурят в живом бытовании сохранились топонимические предания о Чингис-хане. Существуют варианты преданий реалистического характера о погоне хана за лисицей во время охоты, этимология названий местности в каждом случае соотнесена с действиями героя [Маслова 2008: 157].

Выделяется второй вариант преданий с элементами легенды о прекрасной жене-оборотне Чингис-хана, которая, превратившись в черную лисицу, убегает от ханской погони [ПМА 2010: Раднаева]. Обратни в монгольской традиции обычно превращаются в черных лисиц. Этот же сюжет, но с другими топонимическими названиями, повторяет предание «След погони» о жене-оборотне хана [Небесная... 1992: 297–298]. Думается, что жанр преданий оказался наиболее устойчивым и востребованным в устной традиции бурят, тогда как в современном репертуаре российских бурят не сохранились песни о Чингис-хане.

Следующую «Песню о Чингис-хане» (*Чингис хаан тухай дуу*) дореволюционного периода, сохранившуюся в сборнике А. М. Позднеева, можно расшифровать в сравнении с преданиями о погоне за лисицей на охоте:

<i>Шэлэ шэлээр гүйһэн</i>	‘По горам, горам бегущая
<i>Шэхэн хара үнэгэн,</i>	Черноухая лисица,

<i>Шэн гоёор бүтээхэн</i>	Прекрасно изготовленные
<i>Чингис хаанай хуяг байна.</i>	Доспехи Чингис-хана.
<i>Голоор, голоор гүйхэн</i>	По долинам, долинам скачущая
<i>Гоё шара үнэгэн,</i>	Красивая рыжая лисица,
<i>Гоёл шэмэгээр бүтээхэн</i>	С искусными украшениями изготовленные
<i>Гуулин хаанай хуяг байна.</i>	Доспехи Гулин-хана’.

[Позднеев 1880: 184–195]

В тексте нет явного мотива погони за лисицей, но параллельное сравнение бегущей лисицы и доспехов Чингис-хана апеллирует к преданиям, связанным с этой темой. Упоминание имени Гулин-хана, связанного с историей хоринских бурят, дает возможность отнести и эту песню к хоринским текстам. Мотивы облавной охоты, погони за зверем, за врагом являются универсальными в песнях и преданиях монгольских народов о Чингис-хане. Вопрос о специфике реальности в народных песнях, на наш взгляд, связан с принятыми традицией устойчивыми образами. Базовые этнические модели повторяются как в устной прозе, так и в песнях.

Песня «Два скакуна богдо» (*Богдын хоёр загал*) как этнический маркер

По мотивам средневековой «Повести о двух скакунах Чингис-хана» (о том, «как два скакуна, обиженные невниманием Чингиса, ушли из ханского табуна в дальние края, отдохнули и отъелись на хорошей траве и вкусной воде. Вернувшись, они отличились во время охоты») [Шастина 1985: 685] монгольские народы сочинили песню. На территории проживания монгольских народов поют с небольшими вариациями под разными названиями: шэнэхэнские буряты — «Гребень Зэрэлгэтэ» (*Зэргэлгээтын шэлэ*) и «Два скакуна богдо» (*Богдын хоёр загал*), у алашанских хошутов и олетов песня называется «Два скакуна» (*Хоёр загал*), у ордосских монголов — «Два скакуна хозяина богдо» (*Эзэн богдын хоёр загал*), у халха — «Гребень Зэрэгэнэтэ» (*Зэрэгэнээтын шил*). Буряты в Монголии поют песню о двух скакунах Чингис-хана «На гребне Зэрэлгэтэ» (*Зэрэлгээтын шэлэдэ*):

<i>Зэрэлгээтын шэлэдэ</i>	‘На гребне Зэрэлгэтэ
<i>Зэрлиг буга дуудана,</i>	Дикие изюбры кричат,
<i>Зэргэшүүлэхэдэжэ харахадам</i>	Когда, сравнивая, смотрю,
<i>Богдын хоёр загал лэ.</i>	Два скакуна богдо.
<i>Бага загал байзыш</i>	Маленький скакун, погоди,
<i>Балай юндэ л яарабаш,</i>	К чему тебе спешить,
<i>Ехэ загал байзыш</i>	Большой скакун, обожди,
<i>Ехээр юндэ л яарабаш.</i>	Зачем тебе сильно спешить.
<i>Алтайрагшын шэлэдэ</i>	На гребне Алтая
<i>Арбаадхан буга дуудана</i>	Десять оленей кричат.
<i>Адлидхажэ харахадам</i>	Когда, сличая, их смотрю,
<i>Богдын хоёр загал лэ.</i>	Два скакуна богдо’.

[ПМА 2012: Алтанцэцэг]

Далее приводим продолжение текста и отдельно рассматриваем первые двенадцать строк из песни, ибо эта часть полностью семантически совпадает с монгольской версией. Только в бурятском тексте отсутствуют завершающие

четыре строчки известного монгольского варианта: *Өндөртэйхэн газар / Харууслан барин явъя, / Өвстэйхэн газар / Хазлан барин явъя* ‘Земли с возвышенностями, / Придерживаясь, едем. / Землю с травами, / Пощипывая, едем’ [ПИМА 2012: Алтанцэцэг]. Халха-монголы в песне развивают основную тему повести, без эмоциональной нагрузки рисуют повествовательную картину, где только уточняется, что вольно пасутся скакуны Чингис-хана. Вторая часть бурятского варианта песни еще в четыре куплета, косвенно касаясь имени Чингис-хана, развивает новую тему. И, как нам сообщали информанты, у других монгольских племен нет этого продолжения. Буряты эмоционально развернули песню, превратив ее в лирическую прощальную песню воина:

<i>Ама сагаан хулаши</i>	‘Белоротого кулана
<i>Амье нь дахуулан намная,</i>	За рот потягивая, погоним.
<i>Аба л хаанай албанда</i>	На службу хана отца,
<i>Агсахадажа мордоё.</i>	Изнемогая, поедем.
<i>Хушуу сагаан хулаши</i>	Беломордого кулана,
<i>Хушууруулахадажа намная,</i>	За морду потягивая, погоним.
<i>Хуушан хаанай албанда</i>	На службу старого хана,
<i>Хуяглахадажа мордоё.</i>	Надев доспехи, поедем.
<i>Хажа л мунгэн хаадагни</i>	Колчан в серебряной оправе
<i>Хажуу газар жэбэрбэл,</i>	На сторонней земле заржавел,
<i>Хайран бага наһамни</i>	Бедная моя молодость
<i>Харшин газар нугшэбэл.</i>	На чужбине сгнула.
<i>Хүжэ л мунгэн хаадагни</i>	Колчан мой в серебряной оправе
<i>Хүдөө газар жэбэрбэл,</i>	В степи заржавел,
<i>Хүбүүн жаахан бэемни</i>	Молодое тело мое
<i>Хүнэй газар нугшэбэл.</i>	В чужой земле осталось’.

[ПИМА 2002: Цэвэлмаа]

Вполне можно считать вторую часть песни самостоятельной, ибо нет прямой смысловой связи с распространенным у всех монгольских народов вариантом о двух скакунах Чингис-хана. Песня как внутренний монолог героя имеет традиционную параллельную конструкцию. Сначала сравнивается подготовка коня и призыв на службу в войско хана, затем в жанре монгольского плача герой оплакивает свою смерть. Лейтмотивом проходит идея отрицания войны. Можно предположить, что особенность эмоционального мышления бурят оказала довлеющее влияние на тему песни, включив дополнительный мотив. Думается, продолжение монгольского оригинала песни новой идеей в какой-то мере является примером этнического отличия бурят от халха-монголов.

Доказательством того, что текст в подобных вариантах существовал в дореволюционное время на исторической родине бурят, является записанная фольклорной экспедицией Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в составе Л. С. Дампиловой и Б-Х. Б. Цыбиковой песня «Два скакуна богдо» (*Богдын хоёр загал*) у шэнэхэнских бурят Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Песня записана от Батсухын Ханды, 1936 г. р., род сагаангууд, в 2014 г. во Внутренней Монголии. По ее словам, бурятские песни она научилась петь от своей бабушки, приехавшей из России уже взрослой:

<i>Зэрэлгээтын шилэхэндэ</i>	‘На гребне Зэрэлгэтэ
<i>Зэрлигхэн буга дуудана.</i>	Дикие изюбры кричат.
<i>Зэрэгэлхэджэ харахада,</i>	Когда, сравнивая, смотришь,
<i>Богдын хоёр загал байна.</i>	Это два скакуна богдо.
<...>	
<i>Ама сагаан хуланые</i>	Белогубого саврасого,
<i>Арыен дабуулан намная.</i>	Преодолевая перевалы, погоним.
<i>Абын хаанай албанда</i>	На службу хана-отца
<i>Агсамханаар мордоё.</i>	Резво поскачем.
<...>	
<i>Хүлэр мунгэн саадагни</i>	Колчан мой в серебряной оправе
<i>Хүдөө газар жэбэрлээ.</i>	В степи заржавел.
<i>Хуугэд баахан бээмни</i>	Юное тело мое
<i>Хүнэй газар нүгшэлэй.</i>	На чужбине сгнуло’.
	[Цыбикова 2016: 154–156]

Эти два текста являются примером адаптации, трансформации и сохранности фольклорных материалов в разной этнической и языковой среде. Текст шэнэхэнских бурят, в котором отсутствуют вставки монгольского варианта, выглядит более компактным и однотипным. С небольшими лексическими и грамматическими отклонениями основной оригинальный текст соответствует версии бурят Монголии. Буряты, проживающие в Монголии, с одинаковой культурной и этнической традицией и языком принимающей стороны, песню, привезенную с исторической родины, адаптировали под монгольский вариант и трансформировали собственно бурятскую версию на монгольский лад.

Заклучение

Нами рассмотрены песни, имеющие локальный характер, и песни, входящие в общемонгольский репертуар. Так, песни о родственной связи хоринских бурят с Чингис-ханом и их прародине имеют локальное значение, относятся к истории и генеалогии хоринских бурят. Песни же с мотивом о погоне и по мотивам «Повести о двух скакунах Чингис-хана» связаны с общемонгольскими распространенными сюжетами.

Проведено контекстное сравнение песен о Чингис-хане российских и монгольских бурят с устной прозой и письменными памятниками. Анализ песен монгольских и российских бурят о Чингис-хане показывает их тесную связь с традиционными сюжетами топонимических преданий. Выявленная семантическая связь дореволюционной песни российских бурят о Чингис-хане с песней монгольских бурят о Тэмуджине доказывает сохранность единого архетипа предкового начала как этнического маркера.

Записанный нами вариант песни о Чингис-хане (*Зэрилгээтын шилэхэдэ*) у монгольских бурят в сравнении с версией шэнэхэнских бурят показывает заимствование и трансформацию известного халха-монгольского текста [ПМА 2012: Алтанцэцэг] с сохранением бурятского первоначального оригинала. Песни монгольских бурят раскрывают частичную сохранность собственно бурятского репертуара, заимствование у родственного этноса. Думается, что в данном случае в песне наблюдается процесс трансформации идентичности в зависимости от этнического окружения. Шэнэхэнские буряты, проживая долгое время в

изолированной замкнутой среде, смогли дольше всех сохранить устную культуру, аутентичный, наиболее старинный песенный репертуар, привезенный с исторической родины. В итоге исследования в целом можно констатировать этнокультурную однородность в песенном репертуаре бурят России, Монголии и Китая.

Полевые материалы автора

- ПМА 2012: Алтанцэцэг — Алтанцэцэг С., хори-бурятка, 1953 г. р., г. Чойбалсан, Дорнодский аймак, Монголия. Запись Л. С. Дампиловой, 2012 г.
ПМА 2003: Бадмаев — Бадмаев Шагдур Маланович, 1924 г. р., буга шоно, эхирит, с. Баянгол, Баргузинский район, Бурятия (записано Л. С. Дампиловой, 2003 г.).
ПМА 2010: Раднаева — Раднаева Санжай-Сурэн, 1947 г. р., с. Малый Нарын, Джидинский район, Республика Бурятия. Запись Л. С. Дампиловой, 2010 г.
ПМА 2002: Цэвэлмаа — Цэвэлмаа Найдангийн, хори-бурятка, 1919 г. р., сомон Биндэр, Хэнтэйский аймак, Монголия. Запись С. Алтанцэцэг, 2002 г.

Источники

- Жамцарано 1906 — *Жамцарано Ц. Ж.* Материалы по шаманству Хоринского ведомства 1906 г. // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 921.
Архив МШУА ХЗХ — Архив Института языка и литературы Монгольской академии наук.

Sources

- Jamtsarano Ts. J. Materials on shamanic practices from the Khori Administrative District, 1906. At: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Archive of Orientalists. Coll. 62. Cat. 1. Item 5. P. 921. (In Russ.)
Mongolian Academy of Sciences, Institute of Language and Literature, Archives.

Литература

- Андреева 2014 — *Андреева Е. Д.* Фольклор. Культурный ландшафт. Этнокультурная идентичность // Фольклор и этнокультурная идентичность: мат-лы IV Междунар. Школы молодых фольклористов. СПб.: Ред.-издат. комплекс Рос. ин-та истории искусств, 2014. С. 7–23.
Барадин 1999 — *Барадин Б.* Шэлэгдэмэл зохёолнууд (= Избранные труды). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 242 с.
Зориктуев 2020 — *Зориктуев Б. Р.* Наян Наваа и проблемы этногенеза бурятской племенной общности хори. Улан-Удэ: Респ. тип., 2020. 76 с.
Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 704 с.
Мальцев 1989 — *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 166 с.
Маслова 2008 — *Маслова С. В.* Названия окрестности поселка Онохой Республики Бурятия // Имя. Социум. Культура: мат-лы II Байкальской междунар. ономастич. конф., 4–6 сент. 2008 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2008. С. 157–159.
Небесная... 1992 — Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; комм. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой. (Б-ка «Сибирская живая старина»). Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. 368 с.
Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен: народные песни монголов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 346 с.
Сокровенное сказание 1990 — Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.

- Шастина 1985 — *Шастина Н. П.* Монгольская литература [до конца XVI в.] // История всемирной литературы: в 8 т. / гл. редкол.: Г. П. Бердников и др. Т. 3 / редкол. тома: Н. И. Балашов (отв. ред.), И. С. Брагинский, П. А. Гринцер, Х. Г. Короглы, Д. С. Лихачев, Е. М. Мелетинский, А. Д. Михайлов, В. Б. Никитина, Б. Л. Рифтин. М.: Наука, 1985. С. 682–688.
- Этнический... 2012 — Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448, ил. [64] с.
- Цыбикова 2016 — *Цыбикова Б.-Х. Б.* Фольклор шэнэхэнских бурят / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.

References

- Andreeva E. D. Folklore. Cultural landscape. Ethnocultural identity. In: Folklore and Ethnocultural Identity. Seminar proceedings. St. Petersburg: Russian Institute of Art History, 2014. Pp. 7–23. (In Russ.)
- Baradin B. Selected Works. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. 242 p. (In Russ.)
- Krasovitskaya T. Yu., Tishkov V. A. (eds.) The Shaping and Evolution of the Russian State: Ethnic and Religious Factors Reviewed. Moscow: Novyi Khronograf, 2012. 448 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. Semiosphere. St. Petersburg: Iskustvo-SPB, 2000. 704 p. (In Russ.)
- Maltsev G. I. Russian Folk Non-Ritual Lyrics: Traditional Formulas. Leningrad: Nauka, 1989. 166 p. (In Russ.)
- Maslova S. V. Village of Onokhoy, Republic of Buryatia: Names of neighborhoods revisited. In: Name. Society. Culture. Conference proceedings. (September 4-6, 2008). Ulan-Ude: Buryat State University, 2008. Pp. 157–159. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Folk Literary Works of Mongolic Tribes: Folk Songs of Mongols. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 346 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. Mongolian literatura [to the late 16th century]. In: Berdnikov G. P. et al. (eds.) The History of World Literature. In 9 vols. Vol. 3. Balashov N. I. et al. (eds.) Moscow: Nauka, 1985. Pp. 682–688. (In Russ.)
- The Secret History of the Mongols. S. Kozin (transl.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1990. 318 p. (In Russ. and Bur.)
- Tsybikova B.-Kh. B. Folklore of Shinehen Buryats. L. Dampilova (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2016. 312 p. (In Russ.)
- Tugutov I. Ye., Tugutov A. I. (comps.) The Heavenly Swan Maiden: Buryat Folktales, Fables and Legends. I. Tugutov, A. Tugutov (rec.); A. Tugutov (transl., foreword), etc. Irkutsk: Eastern Siberia Book Publ., 1992. 368 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. The Khori Buryat Tribal Community: Nayan Navaa and Issues of Ethnogenesis. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2020. 76 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2022. Т. 14. № 1

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 18.04.2022. Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 19,6. Тираж 100 экз. Заказ 02-22.

Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

